

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Григорьева Елена Борисовна

АВТОРИТАРИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Научный руководитель -
доктор экономических наук,
профессор Еремеев С.Г.

Санкт-Петербург
2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-12
Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА В ПОСТСОВЕТСКОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ...13-100	
1.1.Теоретические основания определения концепта «синдром авторитарной личности».....	13-36
1.2.Методологические основы исследования взаимодействия авторитарного синдрома и политического процесса.....	37-59
1.3.Основные направления исследования авторитарности в зарубежной и отечественной литературе	59-100
Глава II. АВТОРИТАРНЫЙ СИНДРОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....101-171	
2.1.Современный взгляд на исследование авторитарности в России	101-119
2.2.Влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России.....	120-170
Глава III. АВТОРИТАРНЫЙ СИНДРОМ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГРАЖДАН РОССИИ.....171-210	
3.1. Динамика авторитарного синдрома в массовом сознании россиян (1992-2013 гг.).....	171-210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	211-217
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	218-249
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	250-255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. До недавнего времени проблематика авторитарного синдрома попадала во внимание преимущественно философов и психологов. В учебниках по современной политологии авторитарному синдрому посвящено не более 1-2 абзаца. Принимая во внимание тот факт, что авторитарный синдром с той или иной степенью выраженности присутствует в культурах стран, которые переживают процессы демократизации, в переходных обществах, его изучение представляется актуальной задачей современной российской политики.

Анализ политических процессов в современной России указывает на тенденцию нарастания в общественном сознании авторитарности. Специфика сложившейся ситуации состоит в том, что сокращение политической конкуренции, изменение системы выборов, препятствия на пути установления многопартийности, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса к государству, ликвидация некоторых элементов прямой демократии, в целом, соответствовали общественному запросу на авторитаризм и патернализм.

Действующий президент РФ опирается на поддержку общественного мнения. Фактор высокой личной популярности Владимира Путина у граждан своей страны лежит в основе конфигурации властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. Он оказывает существенное влияние на легитимацию политической системы в целом и на перспективы эволюции политического режима. В России сложился механизм персональной легитимации политической системы (по терминологии Д. Истона).

Проблематика процессов демократизации, перехода от авторитаризма к демократии, обозначила вопрос о соотношении политических ценностей демократии, национальных политических институтов и существующей политической культуры. Современные исследования, посвященные проблемам политических режимов и переходных периодов, приводят к выводу о том, что условием перехода являются не только институциональные компоненты (политические институты), но и социокультурные компоненты политической системы – определенный уровень политического поведения граждан и доминирующие ценности.

В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, ресентимент, основным содержанием которого является авторитарный синдром, исполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

Анализ природы легитимации российской политической системы, перспективы эволюции политического режима, с учетом характеристик и особенностей массового сознания

граждан и доминирующих политических ориентаций, остаются вне фокуса внимания большинства исследователей российской политики. С одной стороны авторитарный синдром предстает как хорошо изученный социально-политический феномен. С другой - проблема активации авторитарного синдрома в условиях постсоветской политической трансформации рассматривается авторами фрагментарно. В представленной диссертации сделана попытка системно исследовать проявление и влияние авторитарного синдрома на политические процессы в современной России. Использование концепции авторитарного синдрома для исследования политического режима России может дать существенные научные результаты.

Степень научной разработанности темы исследования. Значительный вклад в понимание феномена авторитарной личности сделали философы, которые дали изначальный толчок к развитию данной темы (В. Райх, Э. Фромм, А. Маслоу). В центре внимания ученых стояла проблема подчинения власти.

Весомый вклад в понимание авторитарного синдрома сделан Т. Адорно и его коллегами. Значимыми результатами эмпирического исследования группы ученых из Беркли было создание F-шкалы и описание девяти базовых черт авторитарной личности.

Теория синдрома авторитарной личности Т. Адорно была подвергнута критическому анализу, который лег в основу дальнейших разработок по проблеме авторитарной личности с учетом новых изменений в обществе и достижений в науке.

Современная интерпретация авторитарной личности принадлежит Б. Альтмейеру. Он разработал шкалу RWA (шкала авторитаризма правого толка) для изучения комбинации авторитарных установок: авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм. Работы исследователей Дж. Дакита, К. Фишера, Дж. Стеллмахера, Т. Петзела посвящены рассмотрению авторитаризма как аспекта групповой сплоченности.

Как показано в диссертационном исследовании, в классических работах по изучению авторитарной личности были заложены перспективы для изучения роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности (Р.Ф. Базиятов), изучения связи авторитарности и восприятия угрозы реальной или воображаемой (Д. Остеррих, С. Фельдман, К. Стеннер, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст, М. Сэйлс), изучения проблемы социального доминирования (Ф. Пратто, Дж. Сиданиус, П. Хевен, С. Буччи), изучения ценностных ориентаций авторитарной личности (А. Кнафо, И. Макки, Н. Фезе, Н.А. Дьяконова), изучения авторитарности как переменной политического поведения (М. Яновиц, Д. Марвик, Ч. Фаррис, Д. Стюарт, Т. Холт, Ф. Гринштейн, М. Сэйлс).

Современные исследования 1990-х и 2000-х гг. показывают связь авторитаризма с расизмом, с негативным отношением к наркоманам, бездомным, больным СПИДом,

нелегальным иммигрантам, гомосексуалистам, а также к абортам, представителям различных религиозных течений и защитникам окружающей среды.

В современных исследованиях авторитарности в качестве значимых характеристик авторитарной личности отмечают: сопротивление социальным изменениям (Т. Герцель, С. Краусс, С. Макфарланд, М. Абалкина), слабый интерес к политике и политическим процессам (Б. Питерсон), поддержка вмешательства в другие государства, использования военной силы (Ф. Херсон, В. Далтон, С. Кам, Д. Киндер, Д. Баркер, Х. Кроусон, С. Тома), неприятие демократических прав и гражданских свобод (Б. Геддес, Дж. Залер, Х. Кроусон), оправдание и одобрение незаконных и недемократических действий правительства (Б. Геддес, Дж. Залер, Д. Каннети-Нисим), неприятие идеи множественности моральных норм (Дж. МсХоски, М. Уилсон, Н. Хестеволд).

Отечественные исследования авторитарности и авторитарной личности отражены в работах М. Абалкиной, В. Агеева, С. МакФарланда, Н. Джинчарадже, В. Хамилтона, Дж. Сандерса, С. МакКерни, Е.Б. Шестопа, В.А. Самойловой, Н.А. Дьяконовой, В.В. Юртайкина, Р.Ф. Базиятова, Л.А. Пресняковой, М.Ю. Урнова. При этом важным представляется автору работы Л. Гозмана, А. Эткинды, Ю. Левады, посвященные изучению советского социально-антропологического типа личности.

Существующие немногочисленные работы по исследованию авторитарности массового сознания российского общества, прежде всего, посвящены выявлению черт авторитарного характера (М. Абалкина, В. Агеев, С. МакФарланд), рассмотрению авторитарного синдрома как личностного конструкта (Л.А. Преснякова), выявлению авторитарных настроений и установок в отношении власти (Н. Джинчарадже, В.А. Самойлова, Е.Б. Шестопа, М.Ю. Урнов), изучению взаимосвязи между авторитаризмом, локус контролем и ценностными ориентациями личности (Н.А. Дьяконова, В.В. Юртайкин), изучению роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности (Р.Ф. Базиятов).

Важным теоретическим источником для диссертационного исследования служит типология легитимности, разработанная Д. Истоном. Д. Истон описал три типа легитимности политической власти: идеологическую, структурную и персональную. Его классификация оказалась востребована в рамках исследований посткоммунистических трансформаций стран Восточной Европы и России.

Диссертационное исследование, посвященное изучению авторитарного синдрома как политико-аксиологического феномена, опирается на концепцию ресентимента М. Шелера и на теорию культурной травмы П. Штомпки.

Масштабность и распространенность авторитарного синдрома в современной России во многом связана со специфической реальностью трансформирующихся обществ: возросшей

аномией, неразвитостью новых демократических институтов, слабой правовой и политической культурой, переоценкой ценностей. Ключевые аспекты постсоветской трансформации представлены в работах ведущих зарубежных и российских исследователей (Р. Саква, Д. Лейн, Д. Старк, Д. Трейсман, Г. Голосов, В. Гельман, Л. Сморгунов, Т. Шмачкова, С. Перегудов, В.Я. Ядов, Ю.А. Левада, Е.Б. Шестопап, Л. Гудков).

В диссертационном исследовании обосновано, что рассмотрение авторитарного синдрома с позиции политологического анализа является относительно новой задачей. До недавнего времени проблематика авторитарного синдрома попадала во внимание преимущественно философов и психологов. В связи с этим, в диссертации рассматривается возможность применения концепции «авторитарный синдром» для анализа посткоммунистической трансформации российской политической системы.

Целью настоящей работы является исследование влияния авторитарного синдрома на политический процесс в современной России в условиях посткоммунистической трансформации.

Для достижения указанной цели в диссертации были поставлены следующие задачи:

1. Исследовать теоретические подходы к изучению концепции авторитарной личности, представленные в зарубежной и отечественной литературе;
2. Конкретизировать применительно к ситуации трансформирующихся обществ, и на этой основе предложить новый подход к исследованию авторитарности для анализа ситуации в России;
3. Выявить и описать взаимосвязь между авторитарным синдромом, доминирующим в структуре массовых политических ориентаций, и принципами легитимации политической системы в современной России;
4. Проанализировать компоненты авторитарного синдрома в их динамике, присутствующие в массовом сознании российских граждан (1992-2013 гг.).

Предметом исследования выступает авторитарный синдром как политико-аксиологический феномен, определяющий массовое сознание российских граждан.

Объектом исследования является массовое сознание российских граждан, позволяющее обнаружить влияние авторитарного синдрома на политический процесс в современной России.

Хронология работы. Исследование охватывает временной период с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Авторская рабочая гипотеза состоит в том, что авторитарный синдром является неформальным фактором и оказывает влияние на посткоммунистический политический процесс, воздействует на характер и направленность процесса, а также конституирует и регулирует политическое поведение субъектов – индивидов и социальных групп. Одновременно с этим возникает тенденция институционализации авторитарного синдрома под воздействием российских реформ и изменения политических институтов.

Новизна исследования состоит в том, что предложен подход к изучению взаимосвязи влияния авторитарного синдрома на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России.

В ходе работы были получены следующие, содержащие научную новизну, результаты:

1. Предложен подход к рассмотрению авторитарного синдрома как последствия культурной травмы в результате посткоммунистической трансформации общества. Авторитарный синдром рассмотрен как политико-аксиологический феномен.
2. Выделены и описаны политико-культурные компоненты авторитарного синдрома, которые можно обнаружить в российском обществе: установка на этатизм, установка на патернализм, установка на эгалитаризм, установка на порядок и иерархию, великодержавность и представления о величии России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к ксенофобии.
3. Описан механизм авторитарного ресентимента, на базе политико-культурного подхода, который позволяет объяснить происходящие изменения в результате посткоммунистической трансформации в России.
4. Систематизированы негативные эффекты авторитарного синдрома, оказывающие влияние на устойчивость и функционирование демократических институтов в современной России.
5. Проанализированы перспективы трансформации российского политического режима, а именно перехода персонального типа легитимности политической системы в структурный тип. Наряду с культурным, неоинституциональным, институционально-коммуникационным объяснениями оснований поддержки, доверия и некритического отношения к президенту, выделяется также широко распространенный в массовом сознании авторитарный синдром.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования. В диссертации обобщены методологические подходы и предложен подход к исследованию авторитарного синдрома, оказывающего влияние на политический процесс. Механизм действия авторитарного ресентимента может использоваться в объяснении деструктивных социальных и политических явлений в обществе.

Настоящее исследование позволяет продвинуться в понимании того, как неформальные культурные факторы влияют на политический процесс, обеспечивая его стабильность.

В прикладном аспекте материалы данного исследования могут быть использованы при разработке стратегий, нацеленных на укрепление легитимности российской политической системы, различными субъектами политического процесса. Представленный в диссертации теоретический материал и основные выводы работы могут использоваться в научной и учебной работе, в частности, при преподавании таких дисциплин как «Политология», «Политические отношения и политический процесс в России», при создании спецкурсов и спецсеминаров.

Методология и теоретические основы исследования. Междисциплинарный характер исследования повлиял на формирование его методологической базы. В качестве исходных принципов исследования выбраны институциональный и политико-культурный подходы, а также совокупность принципов системного, поведенческого и структурно-функционального анализа. В исследовании использовался индуктивный метод, а также методы статистического анализа социологических данных. Поведенческий подход акцентирует внимание субъективных аспектах политики, ориентируется на изучение социально-политических установок субъекта политического поведения. Структурно-функциональный подход предполагает рассмотрение сферы политического как целостной системы, где каждый элемент имеет определенное значение и выполняет определенные функции. Системный метод позволил представить авторитарный синдром как определенную динамично развивающуюся систему, выделяя его основные элементы. На базе политико-культурного подхода представлен механизм авторитарного ресентимента, который позволяет объяснить происходящие изменения в результате посткоммунистической трансформации в России.

Политико-культурный подход призван объединить социокультурное и политико-культурное измерения политики. Подход дает возможность определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах, или же в силу каких причин те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми в других. Достоинством политико-культурного подхода является то, что он интегрирует в себя социологию, социокультурологию, национальную психологию и новейшие методы исследования социальных и политических установок людей в единый

междисциплинарный подход. Это дает возможность полнее и глубже понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов. Изучая политические трансформации, в частности демократические трансформации, исследователи Ф. Шмиттер, Р. Патнэм, В. Меркель, А. Круассан, А.М. Салмин обратили внимание на то, что неинституциональные факторы во многом определяют характер происходящих политических процессов. Об успешной демократизации можно говорить тогда, когда наряду с изменением политических институтов произошли изменения на уровне системы ценностей, установок и поведения, как элиты, так и населения.

Институциональный подход к изучению политических трансформаций относится к одному из распространенных методологических оснований исследований (П. Ордешук, Р. Аксельрод, А. Лейпхарт, Т. Ремингтон, Х. Линц, М. Шугарт). Использование данной методологии применительно к демократическим политическим трансформациям в России представлено в работах отечественных исследователей Г. Голосова, В. Гельмана, Л. Сморгунова, Е. Морозовой, Т. Шмачковой, С. Кордонского, С. Перегудова.

Дополнительным источником теоретико-методологических основ исследования являются концепция ресентимента М. Шелера и теория культурной травмы П. Штомпки.

Эмпирическая база исследования. Данная работа опирается на материалы социологических исследований, проведенных Левада-центром, ВЦИОМом, ФОМом, Институтом социологии РАН.

Положения, выносимые на защиту:

1. Авторитарный синдром, будучи составной частью политической культуры переходных обществ, характеризуется как единство компонентов, вносящих определенный порядок и значение в политический процесс. Авторитарный синдром является коррелятом конкретно-исторических общественных ситуаций. Авторитарный синдром – это комплекс групповых и индивидуальных ценностей, которые регулируют и конституируют политическое поведение индивидов. Регулятивная сторона реализуется в нормах, ценностях, ограничивающих поведение индивидов, а конституирующая сторона насыщает политическое действие содержанием, что помогает индивидам понимать ситуацию и соотносить свои действия и ожидания с другими.
2. В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, ресентимент, основным содержанием которого является авторитарный синдром,

исполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

3. Авторитарный синдром может быть рассмотрен как следствие культурной травмы в результате политической и социокультурной трансформации в обществе. В обществах, переживающих политическую или социетальную трансформацию, наблюдается всплеск ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром.
4. Высокая популярность Владимира Путина лежит в основе властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. Этот фактор оказывает существенное влияние на легитимацию политической системы в целом и на перспективы эволюции политического режима. В России сложился механизм персональной легитимации политической системы. Авторитарный синдром влияет на установление и поддержание персонального типа легитимности.
5. Авторитарные и патерналистские ценности популярны среди населения страны. Власть удовлетворяет авторитарный запрос россиян. Число опрошенных россиян, убежденных в важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за 10 лет сократилось с 51% до 44%. Значительная часть населения устала от пустой публичной политики, политической конкуренции, социального неравенства и признает целесообразность концентрации власти в одних руках.
6. Авторитарный синдром влияет на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России. Поддержка президента, основанная на харизматической легитимности, не транслируется на государственные институты, в основе которых легально-рациональная легитимность. В России сложилась специфическая структура власти - наряду с государственными институтами параллельно функционируют дополнительные административные структуры. 62% опрошенных граждан уверены, что центр принятия решений должен находиться в Администрации Президента. Результаты социологических опросов подтверждают, что принципы многопартийности, разделения властей, политической конкуренции не снискали особой популярности у россиян, поскольку эти принципы противоречат патерналистским установкам.

Степень достоверности и апробации результатов. Достоверность результатов работы определяется использованием признанных научных методов исследования и опорой на

значительную эмпирическую базу, включающую в себя: материалы социологических данных, статистические данные, выступления, книги и интервью политических деятелей.

Основные научные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 8 публикациях автора, включая 4 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, состоящих в перечне ВАК МО РФ.

Отдельные положения диссертации излагались автором на конференциях, конгрессах, политологических форумах и иных научных мероприятиях:

1. Всероссийская научная конференция «Выборы 10.10.10. - Традиции и новации в региональном электоральном процессе» (Томск, 2010);
2. Всероссийская научная конференция «Россия 2030 глазами молодых ученых» (Москва, ИНИОН РАН, 2011);
3. XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, НИУ ВШЭ, 2012);
4. Международная конференция «Политическое и гражданское участие» (Гилдфорд, Университет Суррея, Великобритания, 2012);
5. VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия» (Москва, МГИМО, 2012);
6. Европейский конгресс 2013: «Европа: кризис и обновления» (Кембридж, Фицвильям колледж, Кембриджский университет, Великобритания, 2013);
7. V Всероссийская научная конференция «Современная демократия: история, актуальные проблемы и потенциалы развития» (Санкт-Петербург, 2013);
8. II Всероссийский научно-образовательный форум с международным участием «Политология – XXI век: политические ценности и политические стратегии» (Москва, МГУ, 2013).

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Григорьева Е.Б. Современный взгляд на исследование авторитарности в России // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология.- 2012. - №3 (19). - С.177-191. (1,12 п.л.)
2. Григорьева Е.Б. Влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации институтов государственной власти в современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. - 2013. - №3. - С.13-27. (1,62 п.л.)

3. Григорьева Е.Б. Авторитарный синдром как фактор российского политического режима // Вестник Самарского государственного университета. - 2013. - №8.1 (109). - С.235-244. (0,7 п.л.)
4. Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №379. - С.46-54. (0,6 п.л.)

Другие работы, опубликованные автором по теме кандидатской диссертации

1. Григорьева Е.Б. Игра в выборы. Образование для свободы // Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Ред. А.И. Щербинин (отв. редактор), А.В. Севостьянов, Н.Г. Щербинина. Томск: Изд-во «Курсив», 2010. - С.50-53.
2. Григорьева Е.Б. Новый старый гражданин // Гражданское образование. Гражданское участие. Гражданский выбор. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. проф. А.И. Щербинина. Томск: «Беляев и КИМ», 2011. - С.161-166.
3. Григорьева Е.Б. Атмосфера оппозиции в общественном сознании россиян // Россия 2030 глазами молодых ученых: Материалы Всероссийской научной конференции, 11 марта, Москва / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2011. - С.137-140.
4. Grigoryeva E. The influence of institutional and non-institutional aspects of the authoritarianism on today's political processes in Russia // Journal of US-China Public Administration. 2012. Vol. 9. No 11. pp.1257-1264.

Структура работы определяется основной целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА В ПОСТСОВЕТСКОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1.1. Теоретические основания определения концепта «синдром авторитарной личности»

До недавнего времени проблематика авторитарного синдрома попадала во внимание преимущественно философов и психологов. В учебниках по современной политологии авторитарному синдрому посвящено не более 1-2 абзаца. В диссертационной работе предпринята попытка подробно изучить феномен авторитарного синдрома, исследовать какое влияние он оказывает на политическое поведение, изучить взаимосвязь между авторитарным синдромом и политическими процессами в современной России.

Прежде чем перейти к современному прочтению авторитарного синдрома применительно к ситуации в России, необходимо представить развитие исследовательского интереса к авторитарной личности.

Первые теоретические и эмпирические исследования авторитарной личности были начаты в Германии в конце 20-х годов XX века. Крупные социально-экономические и политико-культурные изменения во всем мире, происходившие в течение первых двух десятилетий XX века, заставили ученых обратить особое внимание на причины, условия и на разнообразные формы проявления авторитаризма. Большевицкая революция в России, провал революций в некоторых европейских странах, постепенное наступление фашизма в Италии и Германии, стимулировали исследования по вопросам, связанным с подчинением власти, тоталитаризмом и этноцентризмом.¹

В зарубежной литературе, в рамках различных научных школ, представлен ряд работ, ставших классическими, посвященных исследованию концепта «синдрома авторитарной личности». Учитывая различные подходы к изучению феномена авторитарной личности, имеющиеся исследования можно разделить следующим образом: одни авторы интерпретируют авторитарность как характеристику когнитивных особенностей отдельной личности (В. Райх, Э. Фромм, А. Маслоу, Т. Адорно и его коллеги, М. Рокич, Х. Габениш, Б. Альтмейер, С. Филдман, Д. Остеррих, Ф. Пратто, Дж. Сиданиус), другие – как характеристику социальной группы (Дж. Дакит, К. Фишер, Дж. Стеллмахер, Т. Петзел).

Одним из первых исследователей авторитаризма был немецкий психоаналитик Вильгельм Райх, который в начале 30-х годов XX века предпринял попытку исследования

---

¹ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования.- 1993.- №3.- С.67-74; Lewis T.T. Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective // Psychohistory Review. 1990. 18(2). pp.140-167; Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

авторитарности и внес значительный вклад в исследование авторитарной личности. Работа В. Райха «Психология масс и фашизм»² представляет собой классическое исследование взаимосвязи психологии масс и фашизма. Пытаясь объединить экономическую теорию К. Маркса и психоанализ З. Фрейда, В. Райх говорил о создании «социально-энергетической психологии», необходимой для того, чтобы в полной мере понять психологические корни фашизма. В работе автор высказал гипотезу, согласно которой фашистская идеология особенно эффективна в отношении индивидов, имеющих определенную психологическую структуру, так называемый «механистически-мистический характер». В. Райх писал, что фашизм стал выражением иррациональной структуры массового человека, а именно его механистически мистического характера. Фашизм становится порождением структуры характера масс, подготовленных к восприятию идеи «вождя», являющегося следствием этой иррациональности.³ Эти люди получили «неестественное воспитание, подавляющее в личности сексуальность», следствием чего становится доминирование авторитарных отношений в обществе.

В. Райх полагал, что одним из главных факторов, способствующих становлению фашистской ментальности, является «сексуальное торможение», порождающее страх свободы, консерватизм, и не просто политическую пассивность, а активную поддержку авторитарного режима.

В начале 1930-х гг. В. Райх выявил и описал взаимосвязь между традиционным патриархальным укладом немецкой семьи и нацистской теорией германского фашизма.⁴ По его мнению, следствием существования патриархальной семьи стал фашизм. По мнению В. Райха, результатом подавления свободы волеизъявлений ребенка и естественных сексуальных влечений, из-за вытеснения их в бессознательное, является то, что ребенок становится пугливым и робким, испытывает страх перед авторитетом. Иными словами, сексуальное подавление индивида способствует покорности и послушания в авторитарном смысле этих слов. Ребенок становился неспособным к сопротивлению и готовым выполнить любой приказ «фюрера».⁵

В. Райх на основании своих теоретических размышлений, без каких-либо экспериментальных доказательств, описал некоторые характеристики потенциального фашиста: иррациональность, стремление подчиняться сильной власти, стремление к самоидентификации с государственной властью или иным авторитетом, позволяющее личности избавиться от

---

² Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. М.: АСТ, 2004. - 539 с.

³ Там же: с.81.

⁴ Там же: с.79-113.

⁵ Там же: с.73-74.

бессознательной тревоги.⁶ Эти характеристики позднее были включены в концепцию «авторитарной личности», разработанную Т. Адорно и его коллегами.

Современные исследователи, однако, склонны считать, что работы В. Райха не представляют собой серьезный научный вклад по авторитарной проблематике.⁷ Это вполне можно объяснить тем, что его книга, посвященная исследованию взаимосвязи психологии масс и фашизма, изданная на немецком языке в 1933 году, была сразу же запрещена в Германии, что осложнило доступ к ней последующих поколений исследователей.⁸ Книга была переведена на английский язык и издана в Америке в 1946 году.

Э. Фромм был одним из первых исследователей, выдвинувших гипотезу о взаимосвязи между авторитаризмом, как особой социально-психологической характеристикой, и типом личности. Э. Фромм принимал активное участие в работе Франкфуртского Института Социальных Исследований.⁹

В 1936 году был опубликован в Париже сборник эссе «*Studien über Autorität und Familie*» (Изучение семьи и власти). Сборник представляет собой работы сотрудников Франкфуртского института М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Э. Фромма и Ф. Поллока, которые суммировали теоретические наработки Института за период с 1929 по 1935 гг. и представили свои идеи о влиянии традиционной патриархальной семьи на развитие авторитарного характера. В предисловии к сборнику М. Хоркхаймер впервые употребил термин «авторитарная личность».

В качестве основной цели ученые определили описание «нового антропологического типа» обладающего «авторитарным характером». Они утверждали, что все социальные институты должны быть признаны как важные, так как они делают отдельных индивидов восприимчивыми к влиянию власти и семьи.¹⁰ М. Хоркхаймер описал такие черты авторитарной личности, как «механическое подчинение всеобщим ценностям, слепое следование авторитетам, сочетаемое со слепой ненавистью ко всем оппонентам и аутсайдерам, антиинтроспективность, строгое стереотипное мышление, приверженность к суевериям,

---

⁶ Там же: с.87-95.

⁷ Lewis T.T. Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective // *Psychohistory Review*. 1990. 18(2). pp.140-167; Stone W.F. The rise, fall and resurgence of authoritarian research. *SPSSI newstaller*. 1995. Vol.4. No.14. pp. 48-53.

⁸ Samelson F. The authoritarian character from Berlin to Berkeley and beyond: the odyssey of a problem // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 22-46.

⁹ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // *Социологические исследования*. - 1993.- №3.- С.67-74.

¹⁰ Roiser M., Willing C. The hidden history of authoritarianism // *History of the Human Sciences*. 1995. Vol.8. No.4. pp. 77-97.

злое полуморализованное, полудицинное отношение ко всему человеческому, проективность...».¹¹

Авторами сборника было проведено первое эмпирическое исследование авторитаризма (1929-1931 гг.), под руководством Э. Фромма, в котором приняли участие квалифицированные немецкие рабочие и офисные служащие. Исследование на тот момент не было опубликовано. Позднее Э. Фромм вспоминал, что М. Хоркхаймер не разрешил публикацию, потому что посчитал исследование слишком марксистским, и, что могут возникнуть негативные последствия для Института в результате публикации. В конце концов, исследование было опубликовано под названием «Рабочий класс Веймарской республики: социально-психологический анализ» в 1980 году.¹²

Исследование представляло собой проведение крупномасштабного анкетирования (271 вопрос) и интервью с целью изучения условий и установок «белых воротничков» и рабочих Веймарской Германии. Основная идея исследования состояла в попытке уловить связь между социальной средой и идеологическими чертами личности.¹³ С одной стороны, выбранные группы рассматривались как зависимые от социальной структуры, поскольку они сами являлись агентами экономических процессов, с другой - их психология рассматривалась как сила, влияющая на сферу общественной деятельности, которая выражается посредством поведенческих установок.

Вопросы анкеты касались условий жизни и труда респондентов, ситуации в семье, здоровья, образа жизни, также респондентам были заданы вопросы об их взглядах на политику, философию жизни, воспитание детей. Были вопросы культурного характера, связанные с чтением, музыкальными предпочтениями, модой и кино. Анализируя психологические механизмы подчинения власти, исследователи пришли к выводу, что существует три типа характера: «авторитарный», «революционный» и «промежуточный». Представители первого типа склонны неукоснительно подчиняться властям. По данным ученых, представители «авторитарного» типа преобладали в Германии конца 1930-х гг.¹⁴ Подобные идеи также высказывал В. Райх в работе «Психология масс и фашизм».

После того, как ученые из Франкфуртского института сформулировали проблему «авторитарного характера», возник интерес к более подробному описанию этого личностного типа. В этом направлении основательно продолжил свои исследования Э. Фромм.

¹¹ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования.- 1993.- №3.- С.70.

¹² Roiser M., Willing C. The hidden history of authoritarianism // History of the Human Sciences. 1995. Vol.8. No.4. pp.84-85.

¹³ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования.- 1993.- №3.- С.71.

¹⁴ Roiser M., Willing C. The hidden history of authoritarianism // History of the Human Sciences. 1995. Vol.8. No.4. pp.84-86.

Пытаясь объяснить психологические корни фашизма, Э. Фромм используя понятие «авторитарного характера», представил свои идеи в работе «Бегство от свободы», впервые изданной в 1941 году. Э. Фромм анализирует такой феномен, как стремление индивида отказываться от независимости своей личности и отождествлять свое «Я» с кем-то или с каким-то внешним объектом, для того чтобы избавиться от чувства изоляции и бессилия, и обрести недостающую силу индивиду. Индивидов, обладающих такой склонностью, он относит к людям с авторитарным характером.¹⁵

Понятие «авторитарный характер» Э. Фромм объяснял с неопределенной точки зрения, полагая, что понятия «авторитарный характер» и «садомазохистический характер» являются синонимами. Отвергая фрейдовскую теорию сексуальных инстинктов, он определял садизм как желание контролировать других, а мазохизм — как сознательное или бессознательное желание подчиняться власти. Э. Фромм в своей работе показал, что авторитарный характер обладает одновременно садистскими и мазохистскими чертами. Садистские черты проявляются в желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии по отношению к подчинившимся им людям. Мазохистские черты проявляются в готовности подчиниться и следовать указаниям внутренней или внешней власти. Такая личность не испытывает потребность в свободе, напротив, бежит от нее.¹⁶

В качестве основных признаков авторитарного характера Э. Фромм выделяет:

- отношение к власти и силе. Сила бывает как внешней, в качестве властных институтов и их представителей, так и внутренней, олицетворяется как долг, совесть, принятые в обществе нормы и правила. Для авторитарной личности характерно построение биполярной системы взаимоотношений с миром, деление всех людей на имеющих власть и ее не имеющих, на сильных и слабых. По отношению к сильным людям такая личность испытывает уважение, к слабым проявляет агрессию и презрение.

- особое значение имеет понятие «судьба». Судьба воспринимается как внешняя сила, от которой зависит жизненный путь, преклонение и следование этой внешней силе является очевидным и необходимым. Для авторитарной личности свойственно убеждение, что «жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний».

Э. Фромм полагал, что стремление личности подчиняться власти выражало тенденцию к «бегству от свободы» в том смысле, что неукоснительное, ригидное следование традиционным нормам и ценностям освобождало человека, переполненного чувствами неполноценности, собственной никчемности и беспомощности, от свободы принимать самостоятельные решения

¹⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изида, 2004. – 399 с.

¹⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.me/bookreader.php/60813/Fromm_-_Begstvo_ot_svobody.html

и лишало способности брать на себя ответственность.¹⁷ Э. Фромм, говоря о механизмах бегства, наряду с авторитарным характером, также выделил два психологических механизма: разрушительность, проявляющуюся в тревоге, скованности, чувстве бессилия, предрасположенности разрушать под предлогом любви, патриотизма или долга и автоматизирующий конформизм.¹⁸ Эти свойства психики также способствуют усилению авторитаризма, так как приводят к готовности подчиниться власти, предлагающей личности избавиться от тревоги, сомнений.

Согласно Э. Фромму, авторитарная личность страдает от невыносимого чувства свободы, одиночества, затерянности в сложных социальных образованиях. Негативные чувства обостряют жажду самоутверждения, которая если не может найти выход в «нормально» ориентированной социальной деятельности, реализуется, по мнению Э. Фромма, авторитарно с помощью самоидентификации личности с авторитетом группы, нации или государства, с харизматическим лидером или религиозным институтом. Этот авторитет замещает у авторитарной личности авторитет отца, утрачиваемый в распадающихся семьях. Подавляемое при этом чувство агрессивности находит выход в ненависти и враждебности по отношению к «чужакам», к представителям других этнических групп.

Согласно мнению исследователей,¹⁹ вклад Э. Фромма в исследование авторитарной личности оказался основополагающим. Э. Фромм описал такие черты авторитарной личности, как подчинение власти, идентификация с властью и ее представителями, жесткость по отношению к другим людям, которые позже вошли в концепцию авторитарной личности Т. Адорно.

Большинство первоначальных исследований авторитарной личности проводилось в рамках психоаналитических теорий. Исключением стал подход А. Маслоу. В 1943 году появляется работа А. Маслоу «Структура авторитарного характера». В работе А. Маслоу показал, что в становлении авторитарного характера большую роль играет не только внутренняя незащищенность личности с повышенной потребностью во власти, но и окружающий мир, в котором происходит становление индивида, который влияет на формирование его мировоззрения.²⁰

А. Маслоу считал, что человек с авторитарным характером воспринимает мир как «опасные джунгли», несущие потенциальную угрозу, по этой причине для него характерны

¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изидат, 2004. - С.98-121.

¹⁸ Там же: с.121-136.

¹⁹ Baars J., Scheepers P. The theoretical and methodological foundations of the authoritarian personality // Journal of the History of the Behavioral Science. 1993. Vol.29. pp. 345-353; Eckhardt W. Research note. Authoritarianism // Political Psychology. 1991. Vol.12. No.1. pp. 97-124; Lewis T.T. Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective // Psychohistory Review. 1990. 18(2). pp.140-167.

²⁰ Maslow A. The authoritarian character structure // The Journal of Social Psychology. S.P.S.S.I. Bulletin. 1943. Vol.18. p. 402.

сомнения, тревожность, агрессивность. Безопасность каждого заключается в собственных силах, однако, если человек недостаточно силен, единственной альтернативой является поиск сильного защитника.²¹

А. Маслоу перечислил такие типичные черты авторитарного характера, как:

- Иерархичность сознания. Все люди ранжируются по превосходству и неполноценности, делятся на тех, кого боятся и уважают, и на тех, кого презирают и унижают;
- Стремление к внешним признакам превосходства и силы – власть, деньги, статус. Более того власть здесь имеет значение в первую очередь как власть над людьми;
- Наличие в характере враждебности, ненависти, предрассудков. Ненависть и вражда по отношению к какой-либо группе являются необходимыми атрибутами авторитарности;
- Наличие условно одной системы ценностей, с помощью которой и осуществляется оценка авторитарной личностью всех людей и достижений. Более того, человек с другой системой ценностей представляет потенциальную угрозу;
- Идентификация доброты со слабостью. Акт причинения вреда или эксплуатации будут рассматриваться как своего рода доказательство своей силы и превосходства;
- Садомазохистские тенденции;
- Постоянная неудовлетворенность, неспособность достичь удовлетворения, счастья, спокойствия;
- Сильное чувство вины, которое порождает чувство враждебности.²²

Кроме вышеперечисленных основных составляющих авторитарного характера, А. Маслоу выделил частные проявления авторитарности: ущемление личности женщины при возвеличивании мужественности, деление женщин на «мадонн» и проституток; стремление к унижению других для подтверждения своего превосходства и статуса; неприятие образования; тенденция избегать ответственности за свою судьбу в обмен на покровительство; эстетизация подчинения; предпочтение порядку и дисциплине.²³

А. Маслоу подчеркивал, что не следует относить всех незащищенных индивидов к авторитарным личностям, указывая не тот факт, что покорные и пассивные граждане

---

²¹ Там же: р.403.

²² Там же: pp.403-410.

²³ Там же: pp.410-411.

составляют значительную часть общества, как в демократических, так и в авторитарных или фашистских политических системах.

Ряд исследователей полагает, что работы А. Маслоу оказали значительное влияние на развитие теории авторитарной личности.²⁴

В первоначальных исследованиях авторитарной личности в центре внимания ученых стояла проблема подчинения власти. Однако к концу 1930-х гг., когда угроза фашизма стала слишком очевидной, исследовательские акценты сместились в сторону изучения этноцентризма.

Ученые стали планировать крупномасштабное исследование антисемитизма после эмиграции в США. В 1943 году в калифорнийском университете Беркли сотрудники бывшего Франкфуртского института Н. Сэнфорд и Д. Левинсон провели исследование на предмет национальных предубеждений и опубликовали первую шкалу антисемитизма.²⁵ Результаты исследования были интерпретированы как свидетельство иррациональности национальных предрассудков. Значительным вкладом в развитие классической концепции синдрома авторитарной личности стало открытие взаимосвязи между иррациональностью личности и предубежденностью по отношению к представителям национальных меньшинств. Таким образом, изучение антисемитизма стало важным шагом на пути к построению целостной теории авторитарной личности.

Результаты огромной работы по изучению антисемитских настроений в Америке (более 13 тысяч страниц) издатели не опубликовали по политическим соображениям, они побоялись негативной реакции. М. Хоркхаймер был обеспокоен возможной реакцией американской общественности на то, что «...иностранцы интеллигенты суют свой нос в частные дела американских рабочих».²⁶

Следующим шагом в работе этих ученых стало изучение этноцентризма. Исследователи поставили перед собой задачу понять: является ли антисемитизм изолированным явлением или представляет собой отражение общей враждебности по отношению к любым «чужакам», т.е. является частью явления этноцентризма. Для решения этого вопроса была разработана шкала этноцентризма - Е-шкала. Результаты исследований с использованием Е-шкалы показали, что антисемитизм является частью национальной психологии личности, в частности, было

---

²⁴ Baars J., Scheepers P. The theoretical and methodological foundations of the authoritarian personality // Journal of the History of the Behavioral Science. 1993. Vol.29. pp. 345-353; Lewis T.T. Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective // Psychohistory Review. 1990. 18(2). pp.140-167.

²⁵ Levinson D.J., Sanford R.N. A scale for the measurement of anti-Semitism // Journal of Psychology. 1944. Vol.17. pp. 339-370.

²⁶ Jay M. The dialectical imagination: a history of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923-1950. Little, Brown and company, 1973. p. 225.

показано, что антисемиты обладают более высоким уровнем враждебности по отношению к представителям других национальностей.²⁷

В середине 1940-х гг. Т. Адорно и М. Хоркхаймер опубликовали книгу «Диалектика просвещения», в которой объясняли антисемитизм с точки зрения психоанализа. Эта психоаналитическая интерпретация впоследствии стала теоретической основой теории авторитарной личности. Исследователи утверждали, что ненависть к евреям представляет собой «проявление скрытой зависти - ресентимента к тем, кто, как кажется, имеет богатство, не имея работы, счастье – без власти, дом – без границ и религию – без мифа».²⁸ Т. Адорно и М. Хоркхаймер предположили, что евреи становятся своеобразной жертвой работы защитных механизмов личности: подавляя и не осознавая свои агрессивные импульсы, человек проецирует собственную агрессию на евреев и на представителей других национальных меньшинств. Ученые сделали вывод о том, что антисемитизм является необходимым атрибутом современного буржуазного общества, которое подавляет человека, а подавленную агрессию и фрустрацию человек вымещает на внешних объектах, в частности, на национальных меньшинствах.

Таким образом, к началу 1940-х гг. был накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, основанный на анализе ранее описанных различных характеристик авторитарной личности. Два важнейших методологических момента, описанных предшественниками в литературе, оказали влияние на развитие концепции синдрома авторитарной личности. Первый момент заключается в том, что система семейного воспитания «развивает» склонность и даже желание подчиняться власти и ее представителям. Второй момент состоит в том, что социально-экономические и политико-культурные тенденции развития общества так же влияют на развитие авторитарной личности.²⁹

Таким образом, отдельные компоненты, составляющие синдром авторитарной личности, которые позднее были включены в концепцию авторитарной личности «группы Беркли», были сформулированы предшественниками Т. Адорно, за исключением двух: предрасположенность приписывать другим мотивы собственных поступков и стремление к мышлению в жестких категориях.

Прежде чем перейти к рассмотрению классического исследования авторитарной личности, на наш взгляд, следует упомянуть о первых эмпирических исследованиях консерватизма Т. Лентца. В 1930-е гг. Т. Лентц разработал и апробировал шкалу

---

²⁷ Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

²⁸ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования.- 1993.- №3.- С.70.

²⁹ Baars J., Scheepers P. The theoretical and methodological foundations of the authoritarian personality // Journal of the History of the Behavioral Science. 1993. Vol.29. pp. 345-353.

консерватизма-радикализма (conservatism-radicalism scale), включавшую опросник из 60 пунктов. Его интерес исходил из предположения о том, что мы «открываем» (reveal) свой характер, когда высказываем свое мнение. Результаты его исследования свидетельствовали о том, что консервативно настроенные респонденты чаще являются женщинами, представителями групп населения с невысоким образовательным и экономическим уровнями, менее либеральны в политических и религиозных предпочтениях, и менее активны в научных спорах. Т. Лентц предложил респондентам выбрать из списка 156 имен, тех, кем они лично восхищаются. Консервативно настроенные респонденты первые места отдали религиозным и военным лидерам, артистам и спортсменам, в то время как радикалы наибольшее предпочтение выразили ученым, писателям, изобретателям и исполнителям классической музыки.³⁰

Результаты исследования Т. Ленца показывают, что в отличие от радикалов, консерваторы больше сопротивляются изменениям, предпочитают условное и традиционное, предпочитают церковь, отвергают науку, склонны к морализированию, щепетильны в вопросах секса, не любят споры, и стремятся сглаживать любые конфликты, больше милитаристы и националисты, склонны разделять расовые предрассудки, подвержены предрассудкам, более суеверны, но менее терпимы к побежденной стороне и меньше интересуются эстетическими темами.³¹

Таким образом, Т. Лентц еще до начала второй мировой войны сформулировал определение консерватизма, предваряющее понятие авторитарной личности, которое обозначает такие ее проявления как конвенционализм, этноцентризм, морализм, расовые предрассудки и сексизм.

Следующий этап в исследовании феномена авторитарности открывается знаменитым эмпирическим исследованием группы ученых из Беркли. Т. Адорно, Д. Левинсон, Н. Сэнфорд и Э. Френкель-Брунстик опубликовали монографию «Авторитарная личность» в 1950 году в Нью-Йорке, которая стала важнейшей вехой в развитии социальной психологии.³² Авторитарная личность была продуктом своего времени, заложником исторических обстоятельств и определенного состояния развития социально-психологических исследований.³³

Эта группа ученых поставила перед собой уникальную задачу описать и измерить предубеждения таким образом, чтобы испытуемые не догадывались и не понимали о чем идет

³⁰ Eckhardt W. Research note. Authoritarianism // Political Psychology. 1991. Vol.12. No.1. pp. 99-101.

³¹ Там же: p.100.

³² Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования. - 1993. - №3. - С.67-74; Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

³³ Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. p.5.

речь. Существенное отличие исследования, проведенного Т. Адорно и его коллегами, от предыдущих работ в области авторитарного характера и этноцентризма, заключается в том, что оно основывается на систематизации огромного теоретического материала и экспериментальной проверке.

Группа Т. Адорно выдвинула две основные гипотезы. Во-первых, предположение о том, что «политические, экономические и общественные убеждения индивида нередко образуют своего рода всеобъемлющий и когерентный образ мышления, стержнем которого является «склад ума» или «дух», а сам образ мышления является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера».³⁴ Во-вторых, предположение о том, что потенциальная приверженность к фашизму является достаточно устойчивой личностной характеристикой и может быть предсказана с помощью F-шкалы. Опираясь на идеи З. Фрейда, исследовательская группа Т. Адорно полагала, что причиной формирования авторитарной личности является особая «семейная ситуация»: авторитарный отец, очень строгая мать, жестко регламентированные отношения в семье, отсутствие теплоты и доверительных отношений между родителями и детьми.

Исследовательская группа ставила перед собой задачу выявить отношение между структурой характера и идеологией, рассматривая структуру характера как продукт предыдущих жизненных условий.³⁵

Исследовательская методология группы Т. Адорно включала шкалирование, изучение общественного мнения, проективные методы психологической диагностики, клинические интервью.³⁶ Отличительной особенностью методологии исследования было то, что исследование проводилось по принципу «обратной связи». Первоначально обрабатывались результаты индивидуальных обследований; затем с респондентами, получившими наибольшее и наименьшее количество баллов, проводились индивидуальные клинические интервью, затем их тестировали. На этой основе составлялись опросники для изучения целых групп. Результаты обследования групп, в свою очередь, предоставляли материал для более углубленного анализа отдельной личности.³⁷

Данные интервью интерпретировались в рамках психоаналитической теории, с использованием терминологии З. Фрейда. Ученые предполагали, что у «потенциального фашиста» обострен Эдипов комплекс, слабо развито «эго», а «супер-эго» стремится к самонаказанию. Психоаналитическая интерпретация, безусловно, приводила к значительной

---

³⁴ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. - С.15.

³⁵ Там же: с.21.

³⁶ Там же: с.27-29.

³⁷ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования. - 1993. - №3. - С.71-72.

предвзятости в выводах и зачастую нивелировала альтернативное объяснение изучаемого феномена.

Наиболее значимым достижением группы из Беркли было создание F-шкалы, которая измеряла девять базовых личностных переменных авторитарной личности и измеряла, таким образом, степень выраженности синдрома авторитарной личности. Все тематические вопросы, входящие в F-шкалу, были сформулированы в одном «положительном направлении» - авторитарная личность отвечала на все вопросы «Да».

Более того, отличительной особенностью F-шкалы (Implicit Antidemocratic Trends, F-scale) является то, что одно и то же утверждение могло быть связано сразу с несколькими субшкалами: шкала антисемитизма (Anti-Semitism, A-S-scale), шкала этноцентризма (Ethnocentrism, E-scale), шкала политического и экономического консерватизма (the Political and Economic conservatism, PEC-scale).

Авторитарная личность обладает следующими чертами:

- Конвенционализм: устойчивая приверженность ценностям среднего класса, потребность строго следовать установленным нормам, а также глубокая тревога и озабоченность, что кто-то может посягнуть на эти нормы или их опровергнуть;
- Авторитарное раболепие: полное безоговорочное подчинение властям, некритическая социальная установка по отношению к официальной власти; идентификация с властью;
- Авторитарная агрессия: агрессивность по отношению к меньшинствам; беспощадное осуждение, обвинение и желание наказать тех, чьи поступки и ценности отличаются от конвенциональных норм и правил;
- Анти-интрацепция: неприятие личностного, воображаемого; оппозиция к творческому мышлению;
- Суеверность: вера в мистическое предначертание собственной судьбы, вера в то, что внешние силы контролируют жизнь человека;
- Силовое мышление и культ силы: мышление в таких категориях как господство/подчинение, сильный/слабый, идентификация себя с образами, олицетворяющими силу;
- Деструктивность и цинизм: общая враждебность, предрасположенность к приписыванию другим людям своих собственных мотивов;
- Проективность: предрасположенность верить в мрачные и опасные процессы, происходящие в мире, проекция неосознанных импульсов на внешний мир;

- Морализаторство по поводу сексуальной жизни.³⁸

Примерами утверждений шкалы авторитаризма являются:

1. Конвенционализм: «Послушание и уважение к авторитету - важнейшие добродетели, которым должны научиться дети»;
2. Авторитарное раболепие: «У молодых людей бывают порой бунтарские идеи, но когда они взрослеют, они должны это преодолеть и успокоиться»; «Науки оправдывают себя, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не поймет»;
3. Авторитарная агрессия: «Большинство наших общественных проблем было бы решено, если бы мы избавились от асоциальных элементов, мошенников и слабоумных»; «Сексуальные преступления – такие как изнасилование и насилие над детьми, - заслуживают большего, чем просто тюрьма; таких преступников надо публично бить плетью»;
4. Анти-интрацепция: «Бизнесмен и фабрикант намного важнее для общества, чем деятель искусств и профессор»;
5. Суеверность: «Как бы по этому поводу не шутили люди, но еще может оказаться, что астрология в состоянии многое объяснить»;
6. Силовое мышление: «Людей можно подразделить на два класса: слабых и сильных»; «Каждый человек должен твердо верить в стоящую над ним сверхъестественную силу, которой он полностью подчинен и чьи решения он не ставит под сомнения»;
7. Деструктивность и цинизм: «Доверительность оборачивается неуважением»;
8. Проективность: «Сегодня, когда так много различных людей постоянно находятся в пути, и каждый с каждым встречается, нужно особо тщательно защищаться от инфекций и болезней»;
9. Сексуальность: «Гомосексуалисты ничем не лучше, чем другие преступники, и должны строго наказываться»; «Сексуальная распущенность древних греков и римлян – детские шалости по сравнению с тем, что у нас сегодня творится даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать».³⁹

Комплекс свойств авторитарной личности складывается в отношении власти. Отличительными характеристиками авторитарного человека являются авторитарное подчинение и авторитарная агрессия, т. е. стремление унижить любого, кто находится ниже и

³⁸ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. - С.52.

³⁹ Brown R. Social psychology. New York: The Free Press, 1965. pp.487-489.

почитание того, кто находится выше во властной иерархии. Люди с авторитарным характером склонны мыслить в терминах власти, для них важно понимать, кто является главным и кому подчиняться.

Этноцентризм как один из симптомов синдрома авторитарной личности, по мнению Т. Адорно и его коллег, связан с противопоставлением свои — чужие. «Свои» являются предметом позитивных установок, одобрение действий «своих» носит некритический характер, тогда как «чужие» являются объектом негативных оценок и враждебных установок. Более того, «чужие» всегда находятся социально ниже «своих». Этноцентризм проявляется, прежде всего, в форме предрассудков по отношению к представителям различных меньшинств. Для политического конформизма же характерны нетерпимость к представителям другой группы и, одновременно, терпимость по отношению к группе, с которой индивид себя идентифицирует.

По мнению представителей «группы Беркли», основной их исследовательской заслугой явилось то, что они своевременно сумели сформулировать вопрос о психологических корнях фашизма и попытались дать на него ответ, подкрепленный экспериментальными данными. Т. Адорно впоследствии отмечал, что исследование «Авторитарная личность» если и внесло какой-то вклад в психологию, то не вследствие глубокого проникновения в ситуацию, еще менее благодаря статистике, но, прежде всего, из-за постановки вопросов, которые были продиктованы искренней социальной озабоченностью, а также тем, что впервые теория была переведена в количественные замеры.⁴⁰

Современные исследователи отмечают, что методология, разработанная группой Т. Адорно, выгодно отличалась от предыдущих исследований в этой области. Во-первых, философия исследования была раскрыта в соответствии с его стадиями, каждый шаг исследования был подробнейшим образом объяснен. Во-вторых, исследование вытекало из хорошо развитой теории. В-третьих, сочетание качественного анализа и количественного, статистического подхода, соединение немецкой и американской школы стало новшеством для того времени.⁴¹

Кроме формулировки крайне важной социальной проблемы, установления того, что антисемитизм связан с враждебным отношением к другим национальным меньшинствам и с антидемократическим стилем мышления, авторам «Авторитарной личности» удалось провести качественный анализ данных. Исследователи описали некоторые крайне важные характеристики авторитарной личности, часть из которых и сегодня рассматривается как составляющая синдрома авторитарной личности.

---

⁴⁰ Horkheimer M., Adorno T. *Dialectic of enlightenment*. New York: The Seabury press, 1969. pp.3-42.

⁴¹ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования. - 1993. - №3. - С.72-73.

Теория авторитарной личности, также как и другие концепции, не избежала критики. Ранняя критика была умеренной и носила преимущественно методологический характер. Многочисленные методологические недостатки и психоаналитический уклон концепции привели некоторых ученых к выводу о том, что теория авторитарной личности, разработанная группой Т. Адорно «осталась недоказанной».⁴²

Одним из поводов для критического отношения к монографии стало мнение о том, что ученые из Беркли боролись «не с тем врагом», что коммунизм был гораздо более опасен, чем фашизм.⁴³ По мнению некоторых исследователей, сама постановка вопроса об изучении «потенциального фашизма» миновала.⁴⁴ Исследователь Э. Шилз изучал проблему авторитаризма левого толка, по его мнению, F-шкала подходила только для изучения авторитаризма правого толка и, следовательно, была неприменима к коммунистам.⁴⁵

Различные психометрические характеристики F-шкалы также были подвергнуты серьезному критическому анализу в последующем.⁴⁶ Было, в частности, выдвинуто предположение Б. Альтмейером, впоследствии подтвержденное, что формулировка всех вопросов только в одном направлении, существенно снижает валидность любой шкалы, отражая тенденцию личности отвечать на все вопросы «да», особенно не задумываясь над их содержанием. Прогностические характеристики F-шкалы стали еще одним серьезным объектом критики. Проведя большое экспериментальное исследование, Б. Альтмейер пришел к выводу о том, что социальное поведение нельзя предсказать на основании показателей, полученных посредством F-шкалы.⁴⁷

Содержание самого понятия авторитарной личности так же было подвергнуто сомнению. М. Рокич, один из ведущих представителей когнитивного направления в социальной психологии, утверждал, что F-шкала не позволяет отличить приверженца фашистской идеологии от любого другого догматика. Ученый пришел к выводу, что основная черта авторитарной личности — это догматическая приверженность некой системе ценностей. Все

⁴² Hyman H.H., Sheatsley P.B. The authoritarian personality: methodological critic // Christie R., Jahoda F. Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. Glencoe, IL: Free Press, 1954. pp.50-122; Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. p.80.

⁴³ Martin J.L. The authoritarian personality, 50 years later. What lessons are there for Political Psychology? // Political Psychology. 2001. Vol.22. pp. 1-26.

⁴⁴ Christie R., Jahoda F. Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. Glencoe, IL: Free Press, 1954. 279 p.

⁴⁵ Shils E.A. Authoritarianism: «right» and «left» // Christie R., Jahoda F. Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. Glencoe, IL: Free Press, 1954. pp. 24-49.

⁴⁶ Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. p.77; Jackson D.N., Messik S.J., Solley S.M. How «rigid» is the «authoritarian» // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1957. Vol.54. pp. 132-137; Kline P., Cooper C. A factorial analysis of the authoritarian personality // British Journal of Psychology. 1984. Vol.75. pp. 171-176; Rokeach M. Political and religious dogmatism: an alternative to the authoritarian personality // Psychological Monographs: General and Applied. 1956. Vol.70. No.18. pp.1-43; John L.M. «The Authoritarian Personality» 50 years later: What lessons are there for Political Psychology? // Political Psychology, 2001. Vol. 22, No.1. pp. 1-26.

⁴⁷ Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. p.77.

остальные черты авторитарной личности, выделенные исследовательской группой Т. Адорно, М. Рокич рассматривал как второстепенные, полагая, что концепцию авторитаризма следует заменить на концепцию ригидности/догматичности.⁴⁸ Для измерения догматизма как личностной черты М. Рокич разработал специальную шкалу – D-scale, которая призвана измерять «закрытость психической организации, веру в абсолютную власть... и проявления нетерпимости».⁴⁹ Шкала догматизма предназначена для измерения индивидуальных различий, в какой мере система убеждений является открытой или закрытой.⁵⁰

М. Рокич отмечал, что его концепция и измерительная техника авторитарности качественно отличаются от исследовательской работы группы Т. Адорно. Основное отличие состоит в том, что измерялись общий авторитаризм и общая нетерпимость, безотносительно к содержанию какой-либо идеологии.⁵¹ М. Рокич полагал, что идеологические ориентации связаны с личностными характеристиками, стилями мышления и поведения. Наряду со шкалой догматизма он также разработал шкалу «навязанного мнения» - «Opinionation scale». Первая D-шкала измеряла открытость-закрытость сознания, общий авторитаризм и общую нетерпимость.⁵² Шкала «навязанного мнения» была предназначена для измерения индивидуальных различий, в какой мере человек принимает или отвергает систему убеждений других.⁵³

Одним из основных поводов для содержательной критики авторитарной личности, было упущение Т. Адорно анализа когнитивных факторов. Социальный психолог С. Аш, дискутируя с Адорно и его коллегами, отвергал их предположение, что идеи и ценности, которых придерживается личность, есть просто проявление тех или иных потребностей.⁵⁴ По мнению С. Аша, группа исследователей под руководством Т. Адорно видит социальную структуру лишь как фактор, способствующий проявлению определенных черт характера, упуская из виду ту роль, которую эти социальные структуры играют в формировании этих черт характера. Соавторы Т. Адорно, Д. Левинсон и Н. Сэнфорд также впоследствии признавали, что отсутствие анализа когнитивных факторов стало значительным упущением в работе авторитарной личности.⁵⁵

---

⁴⁸ Rokeach M. The open and closed mind. New York, 1960. 447 p.

⁴⁹ Там же: p.3.

⁵⁰ Там же: pp.71-72.

⁵¹ Rokeach M. Political and religious dogmatism: an alternative to the authoritarian personality // Psychological Monographs: General and Applied. 1956. Vol.70. No.18. pp.40.

⁵² Там же: pp.41-42.

⁵³ Rokeach M. The open and closed mind. New York, 1960. pp.80-87; Rokeach M., McGovney W.C., Denny M.R., A distinction between dogmatic and rigid thinking // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol.51. pp. 87-93.

⁵⁴ Ash S. Social psychology. New York: Free Press, 1952.

⁵⁵ Sanford R.N. The authoritarian personality in contemporary perspective // Handbook of Political Psychology Knutson J., (ed.). San Francisco: Jossey Bass, 1973. pp. 139-170.

Интересно, и то, что работы вышеупомянутых исследователей впоследствии также подверглись содержательной критике. Так, например, по мнению большинства современных исследователей, вопрос о левом авторитаризме неправомерен, что независимо от того какая ценность отстаивает авторитарная личность, психоаналитический склад этой личности остается неизменным.⁵⁶ Концепция догматизма, разработанная М. Рокичем, также подверглась серьезному критическому разбору, включая содержательные и психометрические характеристики D-шкалы (шкалы догматизма).⁵⁷

Подводя итог, следует отметить, что исследовательской группой Т. Адорно была разработана целостная теория авторитарной личности. Согласно этой теории, в синдром авторитарной личности входят девять взаимосвязанных симптомов. Теория авторитарной личности впоследствии была подвергнута значительному критическому анализу, согласно которому, основным поводом содержательной критики концепции было недостаточное внимание к когнитивным факторам, которые впоследствии легли в основу дальнейших разработок по проблеме синдрома авторитарной личности, что позволило пересмотреть концепцию авторитаризма с учетом новых реалий, изменений в обществе и достижений в науке.

Определение авторитарной личности в том виде, в котором оно было сформулировано в 50-х годах XX века, не отвечает сегодняшним реалиям, так как содержит в себе ряд обозначенных черт, специфичных для людей, того времени.⁵⁸ В ответ на критические замечания концепции авторитарной личности, содержание авторитарного синдрома было со временем изменено.

В основу новой теории авторитарной личности был положен анализ когнитивных факторов, за недостаточное внимание к которым критиковали авторов концепции авторитарной личности. Современная интерпретация авторитарной личности принадлежит канадскому психологу Б. Альтмейеру,⁵⁹ который переформулировал концепцию авторитарной личности с

---

⁵⁶ Altemeyer B. *The authoritarian specter*. Harvard University Press, 1996. 306 p.; Stone W.F. *The myth of left-wing authoritarianism* // *Political Psychology*. 1980. Vol.2 (3-4). pp. 3-19; Stone W.F., Smith L.D. *Authoritarianism: left and right* // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 144-158.

⁵⁷ Altemeyer B. *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. Jossey-Bass Publishers. San Francisco. London, 1988. 378 p; Christie R. *Christie R. Some experimental approaches to authoritarianism: I. A retrospective perspective on einstellung (rigidity?) paradigm* // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 70-89.

⁵⁸ Lewis T.T. *Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective* // *Psychohistory Review*. 1990. 18(2). pp.140-167; Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

⁵⁹ Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // *Вопросы психологии*.- 2000.- №4.- С.51-60; Altemeyer B. *The authoritarian specter*. Harvard University Press, 1996. 306 p.

точки зрения теории социального научения,⁶⁰ исключив классическое психоаналитическое объяснение изучаемого феномена.⁶¹ Б. Альтмейер связал авторитарную личность с такими особенностями человека, как полное и безоговорочное подчинение власти и авторитету, приверженность традиционным социальным нормам (конвенционализм, конформизм), и агрессивность по отношению к тем группам, неприятие которых поощряется властями.⁶²

Б. Альтмейер, подвергнув тщательному разбору психометрические и содержательные характеристики F-шкалы, и, применив факторный анализ, разработал новую шкалу RWA - шкала Авторитаризма Правого Толка (Right-Wing Authoritarianism Scale). Исследователями были подтверждены хорошие психометрические свойства шкалы.⁶³ Новая RWA шкала была предназначена для изучения комбинации авторитарных установок: авторитарное подчинение (полное и безоговорочное подчинение властям и авторитетам), авторитарная агрессия (агрессивность по отношению к тем группам, неодобрение и неприятие которых воспринимается как поощряемое властями) и конвенционализм (приверженность традиционным социальным нормам).

Авторитарное подчинение означает веру в правильность утверждений и действий властей и авторитетов, предрасположенность слепо следовать инструкциям представителей власти. Авторитарная личность полагает, что властям и авторитетам следует в значительной мере доверять, что они заслуживают уважения, им следует подчиняться. Человек такого типа не склонен критиковать власть.⁶⁴

Б. Альтмейер называет изучаемую им социально-психологическую характеристику личности авторитаризмом правого толка. Дополнив определение авторитарной личности эпитетом «правый», он употребил это слово в социально-психологическом смысле, подразумевая безоговорочное подчинение власти держащим и авторитетам – законно избранным представителям власти. Слова «власть» и «авторитет» в данном контексте понимаются в широком смысле: речь идет не только о политической власти, но и о власти и авторитетах любого уровня. Согласно теории Б. Альтмейера, независимо от того какой политический режим существует в данной стране, именно личность, имеющая высокие значения по шкале авторитаризма, с большей вероятностью, чем человек, имеющий низкий

---

⁶⁰ Bandura A. The social foundations of thought and action: a social cognitive theory. New York: Prentice-Hall, 1986. 617 p.

⁶¹ Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. 352 p.

⁶² Там же: pp.147-155.

⁶³ McFarland S.G., Ageev V.S., Abalkina-Paap M.A. Authoritarianism in the Former Soviet Union // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol.63 (6). pp. 1004-1010; Railings S., Gustly S., Reike M. A comparative assessment of the construct validity of three authoritarianism measures // Journal of Research in Personality. 1993. Vol.27 (4). pp. 328-348; Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

⁶⁴ Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. 352 p.

показатель по этой шкале, безоговорочно поддержит авторитарную власть и подчинится авторитарному приказу.

Авторитарная агрессия сопровождается убеждением в том, что власть держащие или авторитетные люди одобряют ее проявления, или же в том, что эта агрессия необходима для того, чтобы защитить власть.⁶⁵ Жертвами авторитарной агрессии могут стать представители различных меньшинств (например, национальных или сексуальных) или представители других групп, существование которых, по мнению авторитарной личности, может угрожать существующему социальному порядку.

Конвенционализм определяется как ригидная убежденность в правильности тех социальных норм поведения и традиций, которые воспринимаются как «моральные и социальные императивы». Авторитарная личность стоит на защите традиционного порядка вещей, отстаивает необходимость соблюдения традиционных половых ролей, поддержания структуры семьи, сопротивляется любым изменениям.⁶⁶ Авторитарная личность отвергает идею о том, что человеку следует самостоятельно устанавливать собственные критерии морального и аморального, напротив, полагает, что эту задачу должны решать авторитетные люди.

Концепции Т. Адорно и Б. Альтмейера являются наиболее разработанными и теоретически обоснованными теориями авторитарной личности. Несмотря на наличие общей проблематики и некоторой преемственности в формулировках, есть существенные различия между теорией Т. Адорно и теорией Б. Альтмейера. Например, в отличие от Т. Адорно, рассматривавшего конвенционализм как приверженность ценностям среднего класса, Б. Альтмейер определил его как склонность соблюдать нормы и традиции, господствующие в данном обществе, и которые воспринимаются санкционированными признанной властью.

Различия существуют также и в понимании авторитарной агрессии, которая по теории Т. Адорно, проявляется по отношению к людям, нарушающим конвенциональные нормы. В понимании Б. Альтмейера объектом авторитарной агрессии становятся люди, поведение, ценности или образ жизни которых, как предполагается, не одобряется властями или авторитетными людьми. Иными словами, авторитарная агрессия – это агрессия, которая сопровождается убеждением в том, что авторитетные люди, являющиеся представителями власти, одобряют ее, что эта агрессия необходима для защиты власти. Авторитарная личность подчиняется тем, кого она воспринимает как авторитет или представителя власти. Более того, Б. Альтмейер указал на то, что люди, имеющие высокие показатели по F шкале, могут

---

⁶⁵ Altemeyer B. *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. Jossey-Bass Publishers. San Francisco. London, 1988. 378 p; Altemeyer B. *The authoritarian specter*. Harvard University Press, 1996. 306 p.

⁶⁶ Altemeyer B. *The authoritarian specter*. Harvard University Press, 1996. 306 p.

проявлять агрессию не только в отношении тех, кто ниже их по статусу, как считали Т. Адорно и его коллеги, но и против сверстников.⁶⁷

Несмотря на то, что в описание авторитарной личности Б. Альтмейера вошли только три из оригинальных девяти характеристик, выделенных Т. Адорно и его коллегами, по мнению Б. Альтмейера, ему удалось отделить базовые черты авторитарной личности от тех, которые только коррелируют с этой личностной характеристикой. Так, например, ригидность, как один из симптомов авторитарной личности в теории Т. Адорно, не включена Б. Альтмейером, несмотря на то, что авторитаризм и ригидность коррелируют. По его мнению, существующая между ними корреляция недостаточно высока для того, чтобы ригидность можно было считать симптомом авторитарной личности. Более того, такая черта авторитарной личности, как «суеверия и стереотипизм», по мнению Б. Альтмейера, объединяет слишком различающиеся понятия.⁶⁸

Концептуализация авторитарной личности Б. Альтмейером и, разработанная RWA шкала, в целом, положительно оценены социальными психологами.⁶⁹ Однако и теория Б. Альтмейера также не избежала критики. Некоторые исследователи критиковали ее за уменьшение числа симптомов, входящих в синдром авторитарной личности, за отсутствие объяснений этиологии этого синдрома и недостаточную проработку теоретических оснований.⁷⁰ Строгость измерения авторитаризма по шкале RWA часто подвергалась сомнению из-за эмпирического подхода к ее конструированию, смешения авторитаризма с консерватизмом и идеологической загрузженности пунктов теста, вследствие чего проблемы возникали также при необходимости измерения левого авторитаризма.⁷¹ Ряд исследователей полагает, что каждый из трех параметров авторитаризма, выделенных Б. Альтмейером, обладает самостоятельной значимостью.⁷² Отсутствие анализа теории создания F-шкалы и

⁶⁷ Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. p.77.

⁶⁸ Там же: p.15.

⁶⁹ Абалкина М.А., Агеев В.С., МакФарланд С. Авторитарная личность в США и СССР // Человек. -1990.- №6.- С.110-118; McFarland S.G., Ageev V.S., Abalkina-Paap M.A. Authoritarianism in the Former Soviet Union // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol.63 (6). pp. 1004-1010; McFarland S., Ageyev V., Djintcharadze N. Russian authoritarianism two years after communism // Personality and Social Psychology Bulletin. 1996. Vol.1. pp. 210-217; Rubinstein G. Two peoples in one land: a validation study of Altemeyer's Right-Wing authoritarianism in the Palestinian and Jewish societies in Israel // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1996. Vol.27. pp. 216-230.

⁷⁰ Sidanius J. Cognitive functioning and socio-political ideology revisited // Political Psychology.1985. Vol.10. pp. 85-109; Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.

⁷¹ Stone W.F., Smith L.D. Authoritarianism: left and right // Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. pp.144-156; McCloskey H., Chong D. Similarities and differences between left-wing and right-wing radicals // British Journal of Political Science. 1985. Vol.15. pp. 329-363; Shils E.A. Authoritarianism: «right» and «left» // Christie R., Jahoda F. Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. Glencoe, IL: Free Press, 1954. pp. 24-49; Stone W.F. The myth of left-wing authoritarianism // Political Psychology. 1980. Vol.2 (3-4). pp. 3-19.

⁷² Rigby K. Relationships among three concepts of authoritarianism in adolescent schoolchildren // The Journal of Social Psychology. 1998. Vol.128. pp. 825-832; Feldman S. Enforcing social conformity: a theory of authoritarianism // Political Psychology. 2003. Vol.24. No.1. pp. 41-74.

вопросов, стоявших перед исследовательской группой ученых из Беркли, стало еще одним поводом для критики.⁷³ Более того, собственно теория социального научения, которая составляет основу подхода Б. Альтмейера, в свою очередь, также подвергалась критике.⁷⁴

Что же касается понятия «авторитаризма левого толка», то большинство исследователей полагает, что такого явления попросту не существует, поскольку авторитарная личность в любом случае активно защищает традиционные ценности общества и защищает власть, какой бы эта власть не была.⁷⁵

Несмотря на вышеупомянутую критику, теория авторитарной личности Б. Альтмейера, и разработанная им шкала авторитаризма правого толка, являются наиболее распространенными и до сих пор применяются для изучения авторитаризма.

Таким образом, под авторитарностью как характеристики отдельной личности подразумевается набор ее когнитивных особенностей: догматизм, нетерпимость к инакомыслию и разнообразию, ригидность, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм.

Далее проанализируем работы исследователей, рассматривающих авторитарность как характеристику социальной группы. Одной из наиболее значимых современных теорий авторитарной личности является концепция южноафриканского социального психолога Дж. Дакита, который в конце 1980-х гг., опираясь на теорию межгруппового взаимодействия Г. Тажфела, модифицировал представления об авторитарной личности.⁷⁶ Дж. Дакит отметил, что понятие авторитарной личности было сформулировано, чтобы объяснить такие феномены межгруппового поведения, как этноцентризм, националистические предрассудки, поддержка недемократической власти. Но описано это понятие было исключительно как определенная личностная черта, что стало, по его мнению, следствием редуционистского подхода к явлениям группового поведения. Подобное описание авторитаризма привело к тому, что многие исследователи сосредоточили свои усилия на поисках индивидуалистических различий в степени авторитаризма.

Дж. Дакит утверждает, что необходимо дать определение авторитаризма в терминах группового поведения, а не индивидуалистической личностной черты, что будет в значительной степени отвечать природе этого явления. Проанализировав концепцию

---

⁷³ Samelson F. The authoritarian character from Berlin to Berkeley and beyond: the odyssey of a problem // Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 22-46.

⁷⁴ Schultz P.W., Stone W.F. Environmental attitudes and authoritarianism: field and laboratory perspectives // Environmental and Behavior. 1994. Vol.26. pp. 25-37.

⁷⁵ Stone W.F., Smith L.D. Authoritarianism: left and right // Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. pp.144-156.

⁷⁶ Duckitt J. Authoritarianism and group identification: a new view of an old construct // Political Psychology. 1989. Vol.10. pp. 63-84.

авторитарной личности, предложенную Б. Альтмейером, Дж. Дакит пришел к выводу, что три составляющие авторитаризма в этой теории (подчинение власти, авторитарная агрессия и конвенционализм) на самом деле описывают одно основное понятие: степень идентификации индивида с группой и групповой сплоченности. Во-первых, чем большей акцент делается на поведенческую конформность или приверженность определенным групповым нормам и ценностям, тем больше выражен конвенционализм. Во-вторых, чем большую распространенность приобретает идея подчинения лидерам или авторитетам определенной группы, тем выше оказывается уровень авторитарного подчинения. В-третьих, чем в большей степени выражена нетерпимость и стремление наказать тех, кто не подчиняется групповым нормам, тем выше авторитарная агрессия.

Каждое из вышеупомянутых положений подтверждено многочисленными исследованиями. Например, в отношении групп было продемонстрировано, что сплоченные группы характеризуются большим конформизмом по отношению к групповым нормам и правилам.⁷⁷ На индивидуальном уровне было показано, что чем привлекательней является та или иная группа для отдельного представителя этой группы, тем выше конформизм и степень подчинения групповым нормам, стандартам и авторитетам.⁷⁸

Исходя из этого, Дж. Дакит предложил рассматривать авторитаризм как один из аспектов групповой сплоченности, описывая явление авторитаризма как совокупность представлений индивида или группы о тех нормативных отношениях, которые должны существовать между индивидом и группой, о степени подчиненности индивида групповым нормам и ценностям.⁷⁹

Дж. Дакит пришел к выводу, что авторитарная личность в значительной степени привержена ценностям собственной социальной группы и отрицает ценности других групп.⁸⁰ Интересные результаты дает применение этой теории в межкультурных исследованиях. Доказательства, подтверждающие теорию Дж. Дакита, приводятся в работе С. Макфарланда и его коллег.⁸¹ В межкультурном российско-американском исследовании, проведенном этими авторами, сравнивались ценности, разделяемые американской и российской авторитарной личностью. Развивая теоретические положения, выдвинутые Дж. Дакитом, исследователи

⁷⁷ Schachter S., Ellerton N., VcBride D., Gregory D. An experimental study of cohesiveness and productivity // *Human Relations*. 1951. Vol.4. pp. 229-238.

⁷⁸ Berkowitz L. Liking for the group and the perceived merit of the group's behavior // *Journal of Abnormal Social Psychology*. 1957. Vol.54. pp. 353-357; Mehrabian A., Kisionsky S. Model for affiliative and conformity behavior // *Psychological bulletin*. Vol.74. pp. 110-126.

⁷⁹ Юртайкин В.В., Дьяконова Н.А. Авторитаризм в системе установок российских и американских студентов // *Социологическое исследование*. - 2001. - №9. - С.58-67.

⁸⁰ Duckitt J. Authoritarianism and group identification: a new view of an old construct // *Political Psychology*. 1989. Vol.10. pp. 63-84.

⁸¹ McFarland S.G., Ageev V.S., Abalkina-Paap M.A. Authoritarianism in the Former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.63 (6). pp. 1004-1010.

установили, что в обеих изучаемых группах авторитарная личность склонна поддерживать те ценности и нормы, которые считаются консервативными в той культуре, к которой эта личность принадлежит.

Более того, объединив теорию Г. Тажфела, придавшего стереотипам центральное место в формировании социальной идентичности,⁸² и авторитарную проблематику, Дж. Дакит создал перспективу для изучения роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности.

В связи с тем, что подход Б. Альтмейера критиковался за смешение авторитаризма с консерватизмом и идеологическую загрузженность пунктов шкалы RWA, исследователи предприняли попытку предложить объяснение авторитаризма личности свободного от идеологического содержания.

С. Филдман отметил, что по прошествии пятидесяти лет, после появления концепции авторитарной личности, отсутствуют общепринятые теоретические обоснования авторитарности личности. С. Филдман предложил новое понимание, в соответствии с которым авторитарность личности возникает в конфликте между социальной конформностью и личной автономией.

Осмысление явления авторитарности личности основывается на универсальной особенности человеческой цивилизации: конфликт между существующим социальным порядком и желанием максимизировать личную автономию. То, каким образом люди справляются с этим конфликтом, определяет соотношение между ценностями социальной конформности и личной автономией. Именно предпочтение социальной конформности перед личной автономией, или, наоборот, по мнению С. Филдмана, лежит в основе авторитарности личности. В свою очередь, главным личностным детерминантом социальной конформности, по его мнению, является отсутствие толерантности к неопределенности или «открытости опыту»: быть нетерпимым к неопределенности означает желательность социальной конформности, исключающей разнообразие в обществе и нежелательность слишком большой индивидуальной свободы.⁸³ По утверждению С. Филдмана, консерватизм не должен быть компонентом меры авторитаризма, и главное преимущество меры социальной конформности - автономии состоит в том, что она не включает в себя консервативное содержание.⁸⁴

Дж. Дакит и К. Фишер провели исследование среди студентов, каждому из которых было предложено выбрать сценарий развития Новой Зеландии в перспективе десятилетия – сценарий социальной угрозы, сценарий безопасности и сценарий сходный с современным развитием страны. Результаты исследования показали, что высокая степень социальной конформности в ситуации социальной угрозы влияет на усиление авторитарных установок,

---

⁸² Tajfel H. The cognitive aspect of prejudice // Journal of Social Issue. 1978. Vol.25. pp. 79-97.

⁸³ Feldman S. Enforcing social conformity: a theory of authoritarianism // Political Psychology. 2003. Vol.24. No.1. p.66.

⁸⁴ Там же: pp.67-68.

создает большую готовность воспринимать угрозу как реально существующую, делая цель социального контроля и безопасности значимой для индивида. Было установлено в ходе исследования, что социальная угроза вызывает стремление к авторитарному контролю не напрямую, а опосредованно, через мировоззренческий уровень (worldview), если у индивида есть убеждение, что мир полон опасностей и риска.⁸⁵

Согласно подходу Дж. Дакита, люди с сильной групповой идентификацией развивают авторитарные убеждения тогда, когда этой группе кто-то или что-то угрожает. Однако как заметили Дж. Стеллмахер и Т. Петзел, вопрос о том, является ли этот механизм общим психологическим механизмом, независимым от степени выраженности авторитарных диспозиций, в исследовании Дж. Дакита не было однозначно определено.⁸⁶ С целью преодоления данного противоречия они предложили новую концепцию «групповой авторитаризм» (group authoritarianism) и разработали соответствующую диагностическую шкалу (шкалу GA). «Группой авторитаризм» определяется как убеждение в надлежащем отношении между группами и их членами, и объединяет классические теории авторитаризма и социальной идентификации. Дж. Стеллмахер и Т. Петзел показали, что этот психологический механизм более интенсивно реализуется людьми с высокой авторитарной предрасположенностью, чем теми, у кого авторитарные диспозиции незначительны. Основная идея данной модели состоит в том, что «только сильная групповая идентификация ведет к авторитарной реакции. Эта авторитарная реакция будет тем сильнее, чем выше авторитарная диспозиция, идентификация и уровень индивидуально воспринимаемой угрозы».⁸⁷

Таким образом, под авторитарностью как характеристики социальной группы или группового сознания подразумевается представление о групповой сплоченности, представление индивида о нормативных отношениях, которые должны существовать между индивидом и группой, насколько действия индивида должны определяться его личными интересами и соотноситься с интересами и нормами группы.

Дж. Дакит, автор теории группового авторитаризма, выдвинул также гипотезу об авторитаризме, как одном из факторов, обеспечивающих личную безопасность. Аналогичные идеи высказывались классиками психоанализа, которые отметили, что авторитарные тенденции характерны для внутренне незащищенной личности с повышенной потребностью во власти.⁸⁸

---

⁸⁵ Duckitt J., Fisher K. The impact of social threat on worldview and ideological attitudes // *Political Psychology*. Vol.24. No.1. 2003. pp.201-202.

⁸⁶ Stellmacher J., Petzel T. Authoritarianism as a group phenomenon // *Political Psychology*. 2005. Vol.26. No.2. pp. 245-274.

⁸⁷ Там же: p.258.

⁸⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изида, 2004. - 399 с.

1.2. Методологические основы исследования взаимодействия авторитарного синдрома и политического процесса

Проблеме авторитаризма и демократии посвящены тысячи работ, как за рубежом, так и в России. За последнее двадцатилетие эта тема приобрела особую актуальность. Куда движется Россия? Стало ли российское общество более демократическим и менее авторитарным? Развитие политического процесса пока не позволяет однозначно ответить на ряд теоретико-методологических и прикладных политических вопросов, связанных с перспективой посткоммунистической трансформации в нашей стране. Не претендуя на то, чтобы ответить на эти фундаментальные вопросы, предпримем попытку добавить ясности в проблему авторитарности.

Проблематика процессов демократизации, перехода от авторитаризма к демократии, обозначила вопрос о соотношении политических ценностей демократии, национальных политических институтов и существующей политической культуры. Современные исследования, посвященные проблемам политических режимов и переходных периодов, приводят к выводу о том, что условием перехода являются не только институциональные компоненты (политические институты), но и социокультурные компоненты политической системы – определенный уровень политического поведения граждан и доминирующие ценности.⁸⁹ Социокультурные компоненты являются важнейшим фактором формирования структур и механизмов отправления власти.

Отечественный социолог В.А. Ядов отметил, что исследователи Р. Инглхарт и Х. Вельцель, провели важное крупномасштабное исследование, произведя тщательные статистические выкладки на основе данных World Values Survey с охватом 60 наций, путем различных приемов статистического анализа, включая регрессионные модели. Результаты исследования показали, что главными доминантами развития демократических институтов являются модернизация в сфере экономики и «либеральные устремления» граждан, их притязания на свободу личности для самореализации.⁹⁰

За прошедшие десятилетия с начала посткоммунистических трансформаций многими исследователями были предприняты попытки теоретически осмыслить этот процесс радикальных перемен. Первопроходцами стали теоретики транзитологии, затем сторонники

⁸⁹ Linz J., Stepan A. The problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore. London, Johns Hopkins University Press, 1996. 480 p.; Fuchs D., Klingemann H.D. Citizens and the State: A changing relationship? Available at: <http://www.uni-giessen.de/fb03/seminar/online/europa99/text1.htm>; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf

⁹⁰ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. - С.47.

теории модернизации, которые были нацелены на описание и анализ происходивших изменений. Однако по прошествии времени в научном сообществе все больше заговорили о терминологических недостатках, сомнительных базовых постулатах теории модернизации и транзита, поставив, таким образом, под сомнение их использование для адекватного понимания и объяснения происходящих перемен. В данной связи, автор согласен с отечественным исследователем В.А. Ядовым, что в отношении анализа посткоммунистических политических изменений в России адекватным будет использование понятия трансформации, политической трансформации в частности, социетальной трансформации в целом, при объяснении происходящих изменений.⁹¹

Принимая во внимание, что политическая культура является одним из компонентов политической системы, а политический процесс рассматривается как ее динамический компонент, такой ракурс позволит охарактеризовать авторитарный синдром как составную часть политической культуры переходных обществ, выявить теоретико-методологические и политические аспекты взаимосвязи и взаимовлияния политической культуры и политического процесса, охарактеризовать авторитарный синдром как фактор развития политического процесса современной России.

Рассмотрение основных тенденций исследования политической культуры в отечественной и зарубежной политической науке поможет определить методологические принципы исследования, уточнить компоненты политической культуры, охарактеризовать наиболее характерные тенденции и механизмы воздействия политической культуры и ее составной части авторитарного синдрома на политический процесс посткоммунистической России.

1990-е годы характеризуются как период глубокой социетальной и политической трансформации. В качестве рабочего варианта наименования автор считает возможным использовать термин – трансформация, который в большей степени отвечает нашему пониманию происходящих политических процессов в обществе и государстве. В широком контексте политические трансформации связаны с появлением различных новых форм приспособления политической, социальной и культурной систем к изменяющимся условиям среды и возникновением внутренних импульсов к дальнейшему развитию общества, а также обусловлены структурно-функциональной перестройкой элементов системы с учетом новых требований. Стадии изменений именуются «переходами» или «переходными процессами», в

---

⁹¹ Там же: с.90. Исследователь М.К. Горшков также указывал на то, что понятие трансформации в большей степени отвечает характеру процессов, получивших развитие в России с 1992 года, трактуя это понятие как «преобразование социальных институтов и структур, нередко сопровождающееся их коренной ломкой». См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: РОССПЭН, 2003. С.4.

свою очередь, каждый их переходный процесс содержит свои институциональные и политико-культурные составляющие.

Для нашего исследования аксиологический аспект имеет важное значение. Кризис ценностей, их размытость во многом определяют сущность и направление перемен, которые происходят в политической культуре и политическом процессе посткоммунистической России. Ценностное измерение применительно к политологическому исследованию позволяет наилучшим образом определить степень восприятия реформ и институциональных изменений, динамику трансформации, восприятия власти. При этом восприятие власти и отношение гражданина к власти может быть признано фактором-условием, характеризующим политический процесс. Для политико-культурного анализа политического процесса имеет важное научное значение, основанная на методологии, оценка ценностного отношения граждан к государству как институту, призванному обеспечивать организацию жизнедеятельности общества, реализацию общенациональных интересов и защиту прав граждан.

Поиск оптимальной модели исследования политической культуры позволит прийти к выявлению научного «инструментария» исследования политического процесса. Успешный ход реформ, в решающей степени зависит от качества политических решений и от доминирующей в обществе системы ценностей. Приоритетность изучения политико-аксиологического компонента переходного периода очевидна.

Исследователь Д. Феннер верно отметил, что теоретико-аксиологическое изучение политической культуры позволяет дать «определение основных ценностей, знаний, эмоциональных связей, лояльности граждан по отношению к системе, ... определить дефицит ценностей гражданской культуры, гарантирующих стабильность, ... создать конституционные и психологические условия, которые в процессе политической социализации должны привести к целостной политической или гражданской культуре».⁹²

С одной стороны, раскрытие аксиологической составляющей рассматриваемой проблемы позволит определить влияние политической культуры и ее составляющих на политический процесс, с другой – рассмотрение политического процесса через призму политической культуры позволит глубже изучить суть происходящих политических изменений, поскольку политическая культура охватывает все сферы политического мира – от политического мышления до политического поведения.

Терминологически «политическая культура» введена в оборот в XVIII в. философом И. Гердером, однако, американским ученым Г. Алмондом в 50-х гг. XX в. была предложена емкая форма для отображения круга явлений, связанных с политической культурой. Г. Алмонд выделив институциональный и ориентационный уровни изучения политической системы,

---

⁹² Феннер К. Политическая культура // Политология: Краткий тематический словарь. Вып. I. М., 1992. С.70

представил политическую культуру как особый класс явлений, раскрывающих специфические источники и механизмы реального функционирования акторов и институтов власти. При таком понимании, политическая культура отражала неинституциональный контекст политики, так как связывалась с ценностными установками, верованиями, идеалами, убеждениями присущими индивидам, вовлеченным в политику.

Безусловно, предложенная модель политической культуры в большей степени была спроецирована на изучение американской политической системы. Более позднее, ученые, такие как С. Верба, Л. Пай, В. Розенбаум, Д. Каванах, Р. Шварценберг, Р. Лэйн, Р. Инглхарт, Р. Такер и другие, существенно дополнили представления о политической культуре и превратили ее в универсальный концепт изучения политических систем.

В отечественной и зарубежной литературе можно встретить огромное множество определений политической культуры. Д. Каванах предпринял попытку систематизации и выделил четыре основные группы, к которым можно отнести существующие определения политической культуры в научной литературе:

- «психологические», где культура рассматривается как система ориентаций на политические объекты;
- «объемлющие», «всесторонние», где культура включает как установки, так и политическое поведение индивидов;
- «объективные», где культура представляется как определенный ограничитель поведения индивида, она определяет сферу приемлемого поведения в пределах политической культуры;
- «эвристические», где культура рассматривается как гипотетическая конструкция для аналитических целей.⁹³

Данная классификация отражает весь спектр научного интереса к данной проблематике. Более того, большое количество определений политической культуры можно объяснить не «размытостью» сути данной политологической категории, а использованием различного научного инструментария для ее изучения. На сегодняшний день, несмотря на интенсивное изучение теории политической культуры, все еще невозможно констатировать завершение теоретической дискуссии и выработку единого подхода к ее пониманию.

Серьезное влияние на разработку проблемы политической культуры оказывает ряд факторов, к которым относятся следующие: исследователи зачастую смешивают дефиницию политической культуры с определениями ее типов; приверженность исследователей определенным политическим доктринам; различием в методологии изучения и исследовательском понимании основных категорий политической науки.

---

⁹³ Kavanagh D. Political science and Political Behavior. London, 1983. p.50.

С помощью понятия «политическая культура» исследователи пытаются описать, как люди занимаются политикой, почему они участвуют в политических акциях и социально-политических конфликтах, как они относятся к демократии и правящему режиму в своей стране, каковы личностные качества политических лидеров и граждан, принимающих и не принимающих участие в политической деятельности, какой тип и характер функционирования политической системы данного общества, политического режима, особенности деятельности властных институтов, стиль правления, принятия решений и т.д.⁹⁴ Эта «безграничность» вопросов во многом объясняет значительное количество методов изучения и методологий исследования политической культуры и ее компонентов.

Условно, в научном сообществе сосуществуют три тенденции: с одной стороны, политическая культура расценивается как не более чем «новый термин для старой идеи»,⁹⁵ такое ее понимание как бы устраняет необходимость в самом понятии. Р. Далтон в фундаментальном труде «Политическая наука: новые направления» констатировал, что «наше понимание элементов политической культуры и отношений между ними не намного продвинулось, по сравнению с «гражданской культурой», опубликованной Алмондом и Вербой в 1963 г.».⁹⁶

С другой стороны, психологическая трактовка политической культуры, предложенная Г. Алмондом, сводящая ее содержание к тому, как люди воспринимают политику, и как ее интерпретируют. С третьей точки зрения, принимаются во внимание разнообразные модели политической культуры, включающие и умозрительные, и поведенческие компоненты.

В восьми томном справочнике политической науки утверждается, что «политическая культура общества состоит из эмпирических верований относительно выразительных политических символов и ценностей и других ориентаций членов общества в отношении политических объектов».⁹⁷ Безусловно, политическая культура завоевала свое право на специфическое описание политического мира, а сведение ее содержания лишь к субъективным аспектам: массовым настроениям, эмоциональным установкам, убеждениям и системе верований – является доминирующей тенденцией в интерпретации политической культуры.

Однако на необоснованность ограничения политической культуры сферой сознания, анализом ценностных ориентаций указывают ряд исследователей. По мнению Р. Карра и М. Бернштейна, политическая культура при самом общем определении включает в себя политические идеи и социальную практику.⁹⁸ По мнению исследователя С. Уайта,

---

⁹⁴ Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: «Совпадение», 2000. - С.12-13.

⁹⁵ Kavanagh D. Political science and Political Behavior. London, 1983. p.48.

⁹⁶ Политическая наука: новые направления / Пер. под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Вече, 1999. - С.334.

⁹⁷ Handbook of Political Science: In 8 Vols. New York, 1975. Vol.3. p.15.

⁹⁸ Carr R., Bernstein M. American Democracy. Ninsdale, 1977. p.29.

политическую культуру можно определить как «установочную и поведенческую матрицу, в пределах которой расположена политическая система. Или, другими словами, как способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов».⁹⁹

Американский политолог Д. Дивайн определяет политическую культуру как «историческую систему широко распространенных, фундаментальных, поведенческих, политических ценностей».¹⁰⁰ С. Хансон рассматривает политическую культуру как «совокупность неформальных норм и повседневной практики поведения социальной группы в данном регионе». По его мнению, такие нормы и практика могут развиваться в ответ на принуждение со стороны формальной институциональной среды, но со временем они приобретают самостоятельную ценность и продолжают существовать даже после исчезновения породивших их институтов.¹⁰¹ Анализируя постсоветские общества, исследователь С. Хансон приводит ряд примеров, когда культурное наследие влияет на функционирование формальных институтов.

Определения, в которых в содержание политической культуры включен поведенческий аспект, не являются ведущими. Действительно, политическая культура это не столько намерения, сколько определенный характер поведенческой практики людей.

Следует обратить внимание, что существует подход к политической культуре, раскрывающий ее как способ воплощения убеждений, идеалов, принципов в практическом поведении индивида. Сторонники данного подхода, такие исследователи, как И. Шапиро, П. Шаран, В. Розенбаум, Э. Баталов понимают политическую культуру как систему поведенческих ценностей, которых придерживается человек, которая отражает устойчивые черты мышления и поведения. В данном исследовательском подходе акцент делается на практических формах взаимодействия человека с государством, политической системой, властью, складывающихся в виде реализации им предпочтительных и освоенных норм, ценностей и правил политической деятельности, традиций государственной жизни, реализации политических прав и свобод. Эти устойчивые установки сознания и поведения обуславливают функционирование политических институтов, системы власти и политической системы в целом.

С помощью понятия «политическая культура» исследователи пытаются описать, как люди занимаются политикой, почему они участвуют в политических акциях и социально-политических конфликтах, как они относятся к демократии и правящему режиму в своей

---

⁹⁹ White S., Gardner J., Schopflin G. Communist political system: An introduction. London, 1982. p.27.

¹⁰⁰ Devine D. The political culture of United States. Boston, 1972. p.3.

¹⁰¹ Hanson S.E. The Leninist legacy, Institutional change and Post-Soviet Russia // Crawford B., Lijphart A. (ed) Liberalization and Leninist legacies. Berkeley, 1997. p.238.

стране, каковы личностные качества политических лидеров и граждан, принимающих и не принимающих участие в политической деятельности, какой тип и характер функционирования политической системы данного общества, политического режима, особенности деятельности властных институтов, стиль правления, принятия решений и т.д.¹⁰² Эта «безграничность» вопросов во многом объясняет значительное количество методов изучения и методологий исследования политической культуры и ее компонентов.

Отечественный исследователь М.М. Назаров выделил четыре направления анализа политической культуры: марксистско-ленинская традиция, поведенческая традиция, интерпретационный подход и традиция рассмотрения политической культуры сквозь призму социальных изменений.¹⁰³

Анализ марксистско-ленинской традиции изучения политической культуры указывает на определение классового фактора в качестве главного детерминанта политических позиций и поведения, на связь политической культуры с общественным строем и его общественно-политической формацией. В соответствии с этим велась активная разработка философских, социологических и аксиологических аспектов политической культуры советского общества. Советские исследователи изучали вопросы политической культуры социализма.¹⁰⁴

В качестве яркого примера разработки поведенческой концепции политической культуры называется работа Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти государствах».¹⁰⁵ Американские ученые выделили четыре основные черты политической культуры:

- Политическая культура характеризуется совокупностью политических ориентаций, присущих гражданам;
- Компонентами политической культуры являются: познавательные ориентации – истинное или ложное знание о политических объектах и идеях; эффективные ориентации – ощущение связи, вовлеченности, противодействия по отношению к политическим объектам; оценочные ориентации – суждения и мнения о политических объектах;
- На содержание политической культуры оказывают влияние следующие факторы: социализация, образование, открытость СМИ, общественно-политическая активность, социально-экономическая ситуация;

¹⁰² Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 2000. - С.12-13.

¹⁰³ Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 1998. - С.5-18.

¹⁰⁴ Коган Л.Н., Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Г. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск, 1982. - 173 с.

¹⁰⁵ Almond G., Verba S. The Civic culture: political attitudes and democracy in Five Nations. Princeton University Press, 1963. 392 p.

- Политическая культура оказывает влияние на политические институты и правительственные структуры и их функционирование, и, в свою очередь, также сама изменяется в результате их деятельности.

Следует обозначить несколько исследовательских направлений, которые существенно повлияли на генезис поведенческой традиции анализа политической культуры. Прежде всего, следует отметить исследования культуры и личности. Данная исследовательская традиция сформировалась на основе синтеза подходов культурной антропологии и психоанализа и представлена, такими учеными, как Г. Лассуэл, Р. Бенедикт, М. Мид, Э. Фромм и другие. Исследователи предпринимали попытки объяснить, такие феномены в области политики, как политическая мобилизация, авторитаризм, агрессия, этноцентризм.

Другим обстоятельством является то, что появление концепции политической культуры было своеобразной реакцией на исследовательский редукционизм психологического характера, на общую ситуацию, сложившуюся в политической науке. Внимание было перенесено с формальных государственных структур на изучение «человека политического», на исследование таких феноменов, как электорат, группы давления, оказывающих влияние на политический процесс.

Кроме того, влияние оказало широкое развитие эмпирического инструментария, что позволило в исследованиях политической культуры перейти от построения теоретических умозрительных моделей к эмпирическому обоснованию, проверке гипотез, используя опросные техники, интервьюирование, методы статистического анализа для выявления ценностных, поведенческих и ситуативных параметров политической культуры.

Поведенческий подход к исследованию политической культуры во многих отношениях был ответом на вызовы времени. Перед западной политической наукой стоял вопрос об условиях стабильности демократии. Для изучения условий стабильности демократии требовался научный инструментарий, позволяющий рассмотреть взаимосвязи между микро- и макроуровнями политики, между институциональными и субъективными факторами. Было очевидно, что ценностные ориентации, установки, политическое поведение людей существенно влияют на возможности функционирования политических институтов и могут оказаться серьезным препятствием для осуществления демократических политических изменений. Как раз концепция политической культуры и включила прояснение соотношения между политическими ориентациями граждан и функционированием демократических институтов.¹⁰⁶

Интерпретационный подход является качественно иной традицией изучения политической культуры. Отличительной чертой подхода является поиск «смыслов» политической жизни, выделение смысловых аспектов политики, при использовании широкого

---

¹⁰⁶ Малинова О.Ю. Исследования политической культуры: уч. пособие. М.: МИЭТ, 2002. - С.5-16.

набора методических приемов анализа. Анализ культуры не предполагает поиск и изучение закономерностей, классификаций, здесь внимание к выявлению значений, смыслов.¹⁰⁷

Основными для некоторых современных интерпретационных исследований политической культуры, являются посылки, заимствованные из структурной антропологии. Предметом политической культуры, по мнению авторов исследований, должны быть фундаментальные представления, а не быстро меняющиеся психологические установки. Внимание сосредоточено на политической жизни в целом, на приоритетах и актуальных вопросах политики, а не на уровне доверия к правительству.¹⁰⁸

Сторонники интерпретационного подхода к анализу политической культуры выделяют следующие аспекты: рассмотрение политической культуры как форму рациональности – культурная рациональность; формирование культуры происходит адаптивно с течением времени; актуализация и модификация отношений с властью вносит коррективы в систему предпочтений; не существует идеальных типов политических культур.

По мнению О.Ю. Малиновой, на критике методологического характера концепции политической культуры, предложенной в рамках поведенческого подхода, был построен интерпретационный подход. Сторонники данного подхода К. Гирц, Р. Такер, Л. Диттмер апеллировали к развернутому определению политической культуры, определяя ее как «своеобразный резервуар смыслов, привычек, навыков и стилей поведения, на основе которых люди вырабатывают стратегии и строят поведение».¹⁰⁹

Сторонники подхода полагают, что образцы политического поведения граждан и их ценностные предпочтения оказывают взаимное влияние друг на друга. Более того, человек действует в определенной системе смысловых значений, опираясь на предшествующий культурный опыт. В рамках интерпретационного подхода к исследованию политической культуры важным является понимание контекста значения политического действия, которое достигается с помощью методов семантического анализа, и иных различных приемов анализа текстов.

Четвертый подход посвящен изучению проблематики политической культуры в связи с социальными и политическими изменениями. В качестве значимой работы данного подхода называется работа Л. Пая и С. Вербы «Политическая культура и политическое развитие».¹¹⁰ В концептуальном плане большая часть работ данного подхода находится в рамках веберовско-

¹⁰⁷ White S. Political culture in Communist States: some problems of theory and method // Comparative Politics. 1984. No.16. pp.351-365.

¹⁰⁸ Wildavsky A. Choosing preferences by constructing institutions: a cultural theory of preference formation // American Political Science Review. 1987. Vol.81. No.1. pp. 3-22; Lane R. Political culture. Residual category or general theory? // Comparative Political Studies. 1992. Vol.25. No.3. pp. 362-387.

¹⁰⁹ Малинова О.Ю. Исследования политической культуры: уч. пособие. М.: МИЭТ, 2002. - С.20.

¹¹⁰ Pye L., Verba S. Political culture and political development. Princeton. Princeton University Press, 1965. 574 p.

парсоновской традиции анализа социального действия, где исследователи придавали особое значение изучению норм и ценностей конкретного общества. Важнейшими составляющими политического развития называются политическое участие, деятельность элит, эффективность институтов и экономический рост, препятствием этому – традиционные ценности, препятствующие укреплению ценностей современного общества.

По мнению Л. Пайя, понятие «политическая культура» показывает, что традиции общества, дух его общественно-публичных институтов, эмоции и коллективный разум его членов, равно как и поведение его лидеров – все это не случайные продукты истории, а взаимосвязанные части единого целого, образующие огромную паутину взаимоотношений.¹¹¹

Исследователь Л. Пай верно отметил, что «политическая культура является набором установок, верований и чувств, которые вносят порядок и значение в политический процесс и содержат скрытые предположения и правила, управляющие поведением в политической системе. Она включает как политические идеалы, так и действующие нормы государства».¹¹² Функция «установления порядка и значения в политический процесс» имеет важное значение для политической культуры переходного общества. Регулятивное воздействие политической культуры на политическую ситуацию позволяет сохранять определенный порядок и устойчивость политической системы. Взаимозависимость и взаимообусловленность политической культуры и политического процесса наиболее явно проявляются в период политических трансформаций.

Анализ политической культуры в связи с проблемами политического развития позволяет точнее определить констелляцию политических ценностей и ориентаций, влияющих на восприятие и направленность новых процессов, охарактеризовать основные черты общества западного типа, предположить, какие политические решения и ресурсы необходимы для изменения ситуации в желаемом направлении.

Ценностным трансформациям в социально-политической области внимание уделялось и при изучении советского периода.¹¹³

Известной работой по изучению ценностных трансформаций в западных обществах является проект Р. Инглхарта. Исследователь сформулировал две гипотезы: первая, индивидуальные приоритеты и ценностные ориентации отражают социально-экономический

¹¹¹ Pye L. Introduction: political culture and political development // Pye L., Verba S. Political culture and political development. Princeton. Princeton University Press, 1965. p.7.

¹¹² Pye L. Political culture / International Encyclopedia of social sciences. London, 1968. Vol.12. p.218.

¹¹³ Brown A. Political Culture and Communist Studies. London. Macmillian, 1984; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. - 480 с; Tucker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev. Brighton, Wheatsheaf, 1987; White S. Political Culture and Soviet Politics. London. Macmillian, 1984. 216 p.; Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Полис.- 1998.- №1.- С.36-51; Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы). 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.org/book_o236_page_21.html

контекст; вторая, взаимосвязь социально-экономического контекста и ценностных ориентаций предполагает существенный временной лаг. В результате эмпирической проверки гипотез Р.Инглхарт заключил, что отсутствие серьезных потрясений после 1945 г. и беспрецедентный рост благосостояния повлияли на ценностные ориентации людей. Послевоенные поколения делали меньше акцент на экономической и физической безопасности, отдавая приоритет нематериальным ценностям – самоутверждение, саморазвитие, потребность в качестве окружающей среды.¹¹⁴

На фоне распада коммунистических систем и начала процессов демократизации, интерес к концепции политической культуры усилился. В числе структурных условий демократии называются приверженность граждан демократическим принципам, политическое доверие к основным политическим институтам, политическое участие граждан, развитое чувство индивидуальной политической эффективности. Доминирующей является точка зрения, согласно которой, существование демократии зависит от наличия в обществе широкой ценностной поддержки.¹¹⁵ Вместе с тем, исследователь О.Ю. Малинова отмечает, что особенности конкретной политической культуры являются не столько «причиной» упрочения демократии, сколько фактором, обеспечивающим или затрудняющим этот процесс.¹¹⁶

Значительная часть исследователей, изучавших динамику ценностных ориентаций, опиралась на поведенческую традицию к изучению политической культуры. В числе их Л. Даймонд, исследовавший политико-культурные факторы демократического транзита на примере «стран третьей волны» демократизации. По его мнению, уровень экономического развития влияет на формирование в обществе толерантности, способности ценить свободу, но и успешный опыт функционирования новых демократических институтов также воздействует на динамику ценностных ориентаций, способствуя развитию ценностей демократии и соответствующих поведенческих практик.¹¹⁷

К значимым научным работам данного подхода можно отнести сравнительное исследование политической культуры в России и странах Запада, выполненное коллективом исследователей П. Эстером, Л. Халманом и В. Рукавишниковым «От холодной войны к холодному миру?».¹¹⁸

Знакомство с западной поведенческой традицией изучения политической культуры, изменение политической ситуации в стране, способствовали росту числа научных публикаций

¹¹⁴ Inglehart R. Political value orientations // Jennings M.K. Continuities in political action: A longitudinal study of political orientations in three western democracies. Berlin, 1989. pp.67-102.

¹¹⁵ Мельвиль Ю.А. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис.- 1998.- №2.- С.13-17.

¹¹⁶ Малинова О.Ю. Исследования политической культуры: уч. пособие. М.: МИЭТ, 2002. - С.22.

¹¹⁷ Diamond L. Developing Democracy: In Quest of Consolidation. Baltimore, 1999. Ch.5 pp.249-307.

¹¹⁸ Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 2000. - 368 с.

отечественных исследователей, в которых по новому осмысливаются процессы трансформации политической культуры постсоветского периода, проводится компаративистский анализ развития политических культур в России и странах западной демократии, ведутся исследования в направлении изучения национальной и региональной культур в России.

Отечественный исследователь Е.В. Морозова, проанализировав работы Г. Алмонда, С. Вербы, Е. Вятра, Р. Такера, А. Брауна, А. Вилдавского, С. Уайта, выделила три основных методологических подхода в изучении политической культуры. Первый, поведенческий подход, опирается на методы точных наук, а в качестве предмета политического анализа - эмпирическое измерение политического поведения. Второй, субъективистский подход, включает историко-социальные исследования политической культуры, принимает во внимание значение культурных ориентаций, традиций. Третий, интерпретационный подход, перенес фокус внимания политической культуры с анализа политических систем, как отражения политического поведения, на восприятие политических систем как комплексов реальных и идеальных культурных образцов, с рассмотрением явлений политической культуры в определенных заданных контекстах.¹¹⁹

Что касается зарубежного методологического инструментария исследования политической культуры, то следует отметить, что также нет единства в интерпретации понятия, имеются различные подходы к выделению компонентов политической культуры и определению ее функций.

Исследователь П. Шаран при определении политической культуры на первое место ставит субъективные ориентации людей на политическую систему, подчеркивая, что именно политическая культура отражает «свойства или психологические критерии политической системы».¹²⁰ Следует обратить внимание на этот акцент, поскольку он демонстрирует ответ на вопрос о тенденциях и механизмах воздействия политической культуры на политический процесс. Политическая культура, как элемент политической системы, предопределяет ее функционирование, выступая одним из факторов развития и направленности политического процесса.

Исследователь Е. Вятр определяет политическую культуру как «совокупность позиций, ценностей и образов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан». Характеризуя структуру политической культуры, Е. Вятр указывает: «знания о политике, знакомство с фактами, интерес к ним; оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна существовать власть; эмоциональную сторону политических позиций, как, например, любовь к Родине, ненависть к врагам; признанные в данном обществе образцы

---

¹¹⁹ Морозова Е.В. Региональная политическая культура: дис...д.филос.наук: 09.00.10 / Морозова Елена Васильевна. Краснодар., 1988. – 316 с.

¹²⁰ Шаран П. Сравнительная политология. Часть I. М., 1992. - С.46.

политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в политической жизни».¹²¹

Исследователь М. Башир политическую культуру представляет как «типы верований, преобладающие среди членов общества, а также образцы, по которым эти верования формируются, будучи функционально взаимосвязанными в интегральные системы».¹²²

В целом, реализуя свои функции, политическая культура способна оказать тройное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные для общества формы политической жизни и деятельности. В период реформ целые слои общества могут поддерживать прежний политический порядок, противодействуя новым ценностям. Во-вторых, политическая культура способна порождать новые формы политической жизни. Она оказывает влияние на политический процесс, изменяя позиции субъектов, трансформируя позиции или активизируя скрытые мотивы их поведения. В-третьих, политическая культура способна комбинировать элементы старого и нового политического порядков. Сохраняя доминирующие для населения ценности и поведенческие практики, политическая культура включает новые механизмы политического взаимодействия, реконструирует политические традиции.¹²³

Представленные концепции политической культуры, ее составляющих элементов, дают возможность говорить о выявлении связи между политическим поведением индивида и политической системой, о влиянии политической культуры на политический процесс. В представленных взглядах отечественных и зарубежных исследователей политической науки политическая культура предстает соединительной тканью между индивидуальными политическими ориентациями и государственными нормами и институтами.

Представив основные исследовательские традиции в политической науке в изучении политической культуры, определяя свое понимание данной политологической категории, с позиции методологического единства, политическую культуру можно определить как совокупность политических знаний, установок, ценностей, образцов поведения и действий, детерминирующих порядок и значение политического процесса.

Теперь сформулируем свое понимание содержания и функций политического процесса. Здесь важно обозначить приемлемый научно-методологический подход к рассмотрению политического процесса, чтобы прояснить взаимодействие с политической культурой и ее составляющими. Специфика и особенности политического процесса современной России требуют использования междисциплинарного подхода, учитывающего социально-экономические и политико-культурные особенности.

---

¹²¹ Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. - С.259-260.

¹²² Basheer M. Political culture, Foreign Policy and Conflict: The Palestine Area Conflict System. London, 1982. p.23.

¹²³ Соловьев А.И. Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. - С.371-372.

Понятие «политического процесса» не имеет однозначной трактовки. В политической науке конкурируют различные трактовки и подходы к его пониманию, каждый из которых отличается собственной логикой и методологией анализа. Условно, в научной литературе можно выделить несколько традиций, характеризующие подходы к изучению политического процесса: «институциональный», «структурно-функциональный», «конфликтный», «поведенческий» и «политико-культурный».

Попытаемся представить в обобщенном виде логику каждого из подходов, для нас в данном случае принципиально важно подчеркнуть наиболее значимые компоненты и на их основе определить наиболее приемлемый методологический подход к изучению политического процесса современной России.

Сторонники институционального подхода (С. Хантингтон) связывают характеристику политического процесса с функционированием и трансформацией норм и институтов власти. Процессуальный характер политики, прежде всего, должен демонстрировать деятельность институтов, формализованных структур и организаций, действующих в соответствии с присущими им нормами и правилами деятельности.

Структурно-функциональный анализ представляет собой принцип исследования явлений и процессов как системы, в которой каждый элемент структуры выполняет свою функцию. Основными представителями структурно-функционального подхода являются Т. Парсонс и Р. Мертон. Структурно-функциональный подход в исследовании позволяет определить роль каждого из взаимодействующих факторов и осуществить научное управление социальными и политическими процессами. Преимуществом этого подхода является его концепция функции. Цель структурно-функционального анализа состоит в количественной оценке структурных изменений, к которым рассматриваемая система приспособляется и может приспособиться не в ущерб своим основным функциональным обязанностям.¹²⁴

Т. Парсонс представляет свою теорию социальных систем, которая обладает следующими функциями: адаптивной, функцией регулирования скрытых напряжений системы, интегративной и целедостигающей. Социальные системы, в свою очередь, понимались им как «системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами».¹²⁵ Определяя структуру социальной системы, Т. Парсонс включал в нее «четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли».¹²⁶ В качестве основных структурных образований социальной системы выступают системы ценностей, институционализированные нормы поведения, социальные общности и роли,

---

¹²⁴ Шاران П. Сравнительная политология. Часть I. М., 1992. – С.201-219.

¹²⁵ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д.Ковалева / Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. - С.18.

¹²⁶ Там же: с.18.

регулирующие поведение каждого участника системы. Таким образом, организующим центром социальной системы становится согласие в ценностях и значениях, придаваемое явлениям в рамках заданной культурной системы.

Т. Парсонс рассматривал политический процесс через призму функционирования, как всей политической системы общества, так и ее структурных компонентов, в первую очередь, власти. При этом политический процесс понимался им как своеобразный интегратор, позволяющий трансформировать политическую систему, переводя ее из одного состояния в другое.

Для Т. Парсонса главенствующим в политическом процессе является «циркуляция власти», самодостаточная властная функция. При этом «власть понимается как посредник, ... циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три фундаментальные подсистемы общества – экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов...».¹²⁷

Таким образом, Т. Парсонс тесно увязывал понятия «политический процесс», «политическая система», «политическая власть». Принципиально важно здесь обратиться к парсоновскому пониманию общества, поскольку функциональный подход к политическому процессу базируется на определении его как социальной системы. «Мы определяем общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы».¹²⁸

Таким образом, сторонники структурно-функционального анализа видят в политическом процессе взаимодействие крупных политических образований, определяющих конкретные механизмы и способы взаимодействия акторов, а также характер их реакций на вызовы внешней среды. Д. Истон, в качестве крупных структурных образований рассматривал подсистемы «входа» и «выхода». Политический процесс представляет, таким образом, внутренне организованную матрицу связей, детерминирующую множественные взаимодействия субъектов.

Институциональный подход к изучению политических трансформаций относится к одному из распространенных методологических оснований исследований (П. Ордешук, Р. Аксельрод, А. Лейпхарт, Т. Ремингтон, Х. Линц, М. Шугарт). Использование данной методологии применительно к демократическим политическим трансформациям в России представлено в работах отечественных исследователей Г. Голосова, В. Гельмана, Л. Сморгунова, Е. Морозовой, Т. Шмачковой, С. Кордонского, С. Перегудова.

¹²⁷ Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. В 5т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997. - С.479.

¹²⁸ Там же: с.20.

Р. Мертон придал структурно-функциональному анализу более строгую и последовательную форму. Ученый ввел понятие «дисфункции» для обозначения последствий, которые нарушают единство и интегрированность системы, и сформулировал «теорему функционализма»: «так же как один и тот же элемент может иметь множество функций, так и одна и та же функция может быть по-разному выполнена совершенно противоположными элементами».¹²⁹

В процессе структурно-функционального анализа определяются важнейшие структуры и определяются их функции, или анализируются определенные действия в обратном порядке – вплоть до структур. Таким образом, исключается смешение законодательства и принятия решений, исполнительной власти и администрирования, возникает более ясное представление о результатах деятельности социальных и политических институтов.

Конфликтный подход интерпретирует политический процесс как форму соперничества субъектов за статусы и ресурсы власти. Сущность «конфликтного» подхода к рассмотрению политического процесса, по Р. Дарендорфу,¹³⁰ сводится к тому, что политический процесс рассматривается как явная или латентная борьба, противостояние, конфликт, а также соглашение, сотрудничество по поводу вполне определенных материальных ресурсов и социальных статусов.

Р. Дарендорф отмечает: «в то время как общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно, процесс развертывание конфликтов из определенных состояний структур, по всей вероятности, применим ко всем их различным формам... Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизующимся столкновениям между организованными сторонами».¹³¹ И далее, Р. Дарендора уточняет: «Конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений..., в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики».¹³² Автор «конфликтного» подхода сводит политический процесс к двум «подпроцессам» - конфронтации и консолидации. Раскрытие сущности политического процесса исследователями определяет с позиций противоборства и единения субъектов политики.

Стремительная эволюция поведенческого подхода была связана с рядом факторов научного и социально-политического характера. Важным стало заявление Ч. Мерриама,

¹²⁹ Merton R. Social theory and social structure. New York: Free press, 1957. pp.33-34.

¹³⁰ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии.- 1990.- №9.- С.69-75; Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Политические исследования.- 1993.- №5.- С.31-35; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. – 284 с.

¹³¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования.- 1994.- №5.- С.142-143.

¹³² Там же: с.147.

сделанное в 1925 г.: «Настанет день и мы возьмем на вооружение, как это делают другие науки, иной, отличный от формального подход и будем считать политическое поведение одним из важных объектов исследования».¹³³

Поведенческий подход в качестве основных субъектов мира политики выдвигает группы и индивиды, и, соответственно, рассматривая политический процесс как совокупность поведенческих действий, ведущих к изменениям статусов этих акторов и возможностей их влияния на власть. Выдвигая в качестве объекта исследований политическое поведение индивидов, подход выступает за использование точных методов наблюдения, классификации и измерения данных.

Интеллектуальные принципы бихевиорализма сводятся к следующим: закономерность, верификация, методика, квантификация, ценности, систематизация, «чистота науки», интеграция. Политическое поведение является центральной эмпирической величиной поведенческого подхода. Категориями бихевиорального анализа могут служить структуры, функции, процессы и отношения. Теоретический фокус не ограничивается изучением поведения отдельного индивида, в качестве предмета изучения могут выступать организация, элитарная группа, массовое движение, национальное государство. Бихевиоральные исследования посвящены изучению поведения электората, политических партий, роли личности в политике, процесса принятия политических решений.

Ч. Мерриам в работе «Новые аспекты политики», суммируя достижения в области политических исследований, в качестве позитивного явления указывает на рассмотрение социальных сил в их связи с политическими процессами. При этом одна из трудностей изучения политологических проблем им сформулирована как «нехватка достаточно четких стандартов измерения и точного знания о последовательности процессов».¹³⁴ Ч. Мерриам указывал на необходимость выработки особого способа моделирования проблемы и специальных технологических разработок. Междисциплинарный подход к изучению политического процесса позволит консолидировать знания в области общественных наук с данными «статистического, антропологического, психологического и иного плана».¹³⁵ Предложив изучать политический процесс через «поведенческую призму», Ч. Мерриам особо подчеркивал, что «неудержимое стремление к постижению тайн биологической и физической природы обеспечит громадные возможности для более глубокого понимания политического

---

¹³³ Шаран П. Сравнительная политология. Часть I. М., 1992. - С.157.

¹³⁴ Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. В 5т. Т.II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997. - С.177.

¹³⁵ Там же: с.182.

поведения людей, причем такими средствами и в таких формах, которые не в состоянии представить себе даже самые проницательные предсказатели».¹³⁶

Близкий к поведенческой традиции, но более точный по описанию свойственных процессу механизмов является политико-культурный подход. Политико-культурный подход призван объединить социокультурное и политико-культурное измерение политики. Подход дает возможность определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же в силу каких причин те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми в других.

П.Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика» описывает политический процесс как любой вид движения, качественных и количественных изменений политических объектов, выделяя в качестве основных механизмов этой динамики социокультурные факторы, которые выражают устойчивые ценностные установки человека. Описывая природу политического процесса, П. Сорокин акцентирует внимание не только на основных параметрах динамики политических явлений, но и на том, что ценностные установки человека могут быть основанием различных трансформаций норм и институтов.¹³⁷

Достоинством политико-культурного подхода является то, что он интегрирует в себя социологию, социокультурологию, национальную психологию и новейшие методы исследования социальных и политических установок людей в единый междисциплинарный подход. Это дает возможность полнее и глубже понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов. Изучая политические трансформации, в частности демократические трансформации, исследователи Ф. Шмиттер, Р. Патнэм, В. Меркель, А. Круассан, А.М. Салмин обратили внимание на то, что неинституциональные факторы во многом определяют характер происходящих политических процессов. Об успешной демократизации можно говорить, когда наряду с изменением политических институтов произошли изменения на уровне системы ценностей, установок и поведения, как элиты, так и населения.

Следует отметить, что каждое методологическое направление анализа политического процесса имеет свою сильную сторону, отражает степень развития определенной политической традиции, и по существу не противоречат друг другу. Условно, все эти исследовательские методы можно представить сторонами «многосторонней фигуры» политологического инструментария для изучения политического процесса. Исследования теоретической и

---

¹³⁶ Там же: с.183.

¹³⁷ Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. - 1056 с.

прикладной политологии свидетельствует о том, что используется вся совокупность методологического арсенала при изучении политического процесса.

Это не окончательный перечень исследовательских традиций, можно его продолжать. Важным здесь является следующий момент. Верно отметил исследователь В.И. Добреньков, что: «рассмотрение и сопоставление различных школ... убедительно показывает, что среди них нет «правильных» и «неправильных», «верных» и «неверных». Каждый крупный теоретик интересен не только с исторической точки зрения. Его открытия в области обществознания сохраняют свою ценность и в наши дни. Что же касается спора между различными направлениями, то они с неизменностью убеждают нас в том, что даже в принципе невозможно создать одну универсальную теоретико-социологическую концепцию, которая обладала бы монополией на истинность».¹³⁸

Это высказывание вполне относится к осуществляемому поиску оптимального методологического инструментария для исследования взаимодействия политической культуры, точнее ее составной части авторитарного синдрома и политического процесса в современной России. Изучение должно вестись с учетом всего методологического арсенала, достижений в науке и реального политического контекста. Исходя из этого, в данной диссертационной работе будем рассматривать политический процесс в рамках политико-культурного подхода, включая в его содержание производство и воспроизводство институциональной и политико-культурной систем. Иными словами, изменение институтов, ролей, норм, ценностных ориентаций индивидов, обуславливающие тем самым изменение политической системы и характер взаимоотношений в триаде «государство-общество-гражданин».

В современных научно-исследовательских работах присутствует неоднозначное отношение к культурной проблематике. Научно-технические революции, массовые движения и идеи радикального переустройства общества стимулировали переосмысление функций культуры. Самостоятельная роль культуры, культуры как «главного стабилизатора» социума, признание за ней важных функций, освещена в теориях социальных систем от Э. Дюргейма до Т. Парсонса, и в теориях действия, поведения личности и социальных групп.¹³⁹

В исследованиях, посвященных изучению политических трансформаций, в сравнении с социально-структурными и политико-экономическими проблемами, проблемы культуры зачастую остаются второстепенными. Значительную часть научных исследований составляют работы, в которых культура представляет собой скорее производную функцию от

¹³⁸ Западно-Европейская социология XIX - начала XX веков / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. - С.3.

¹³⁹ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проспект, 2002. - 832 с.; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. - 873 с.; Триандис Г. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. В.А. Соснин. М.: Форум, 2007. - 384 с.

экономических факторов и социальной структуры.¹⁴⁰ По мнению отечественного исследователя Л. Ионина, предложившего термин «культурной инсценировки», экономика и культура в продуцировании социальных изменений находятся в отношении корреляции, в одних случаях лидируют экономические и социальные факторы, в других - культурные.¹⁴¹

Решающий поворот в теории культуры осуществил Дж. Александер. Он сформулировал и выдвинул идею культурной социологии, где культура рассматривается в функции основного локомотива социальных трансформаций, основываясь на том, что ценностные ориентации и культурные коды в обществе как раз выступают главной причиной социальных изменений.¹⁴² Функции культуры в социокультурной системе трансформировались, и влияние культуры на социальные процессы радикально окрепло.

Имеется незначительный ряд научных работ, в которых указано, что культура детерминирована экономическими и социально-структурными процессами, но, тем не менее, в состоянии определять специфику новых возникающих политических и общественных институтов, в некоторых случаях даже способствовать разрушению неустойчивых демократических структур, неприятию демократических ценностей.¹⁴³

Исследователь П. Штопка предложил теоретико-концептуальное объяснение посткоммунистических трансформаций. Штопка назвал свою концепцию теорией культурной травмы.¹⁴⁴ Он выделил шесть стадий травматического состояния, с помощью которых можно описать постсоветские изменения в России. П. Штопка также выделил симптомы травмы, которые распространяются в обществе в результате травматического события: недоверие к институтам власти; недоверие к государству из-за нарушения традиции эгалитарного патернализма; мрачный взгляд на будущее, страх неопределенности результата перемен; ностальгия по прошлому, особенно, с точки зрения оценки уровня благосостояния;

¹⁴⁰ Lipset S.M. Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol.53. No.1. pp.69-105; Olson M. Rapid growth as a destabilizing force // *Journal of Economic History*. 1963. Vol.23. No.4. pp.529-552; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. - 326 с.; Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. - 576 с.

¹⁴¹ Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // *Социологические исследования*. - 1995.- №4.- С.3-14; Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: «Логос», 2000. - 432 с.

¹⁴² Alexander J. Introduction: Understanding the «Relative Autonomy» of Culture // Alexander J., Seidman S., (eds.). *Culture and Society: Contemporary Debates*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. pp.1-27; Alexander J., Smith P. The Strong Program in Cultural Sociology // *The Handbook of Sociological Theory* / ed. by J. Turner. New York: Kluwer. 2001. Available at: <http://ccs.research.yale.edu/about/strong-program/#culture>; Alexander J. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2004. 296 p.

¹⁴³ Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol.65. No.1. pp.19-51; Inglehart R. How Solid is Mass support for Democracy - And How can We Measure It? Available at: <http://folk.uio.no/berasch/Inglehart-PS.pdf>; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. - 464 с.; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. - 368 с.

¹⁴⁴ Штопка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // *Социологические исследования*. - 2001.- № 2.- С.3-12; Штопка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. - 2001.- № 1.- С.6-16.

доминирующими являются чувства тревоги, недоверия, пессимизма и апатии; политическая апатия населения, низкая гражданская инициатива.

Таким образом, взгляд на культурный фактор, как на самостоятельный фактор в период политических трансформаций, способный сыграть решающую роль в переходе к демократии, не является ведущим. В связи с этим, внимание в диссертационной работе будет сосредоточено на важной проблеме взаимодействия между культурой и политикой в обществах переживающих глубокую трансформацию.

С точки зрения автора, авторитарный синдром, как составная часть культуры переходных обществ, является значимым фактором, определяющим перспективы формирования новой политической системы. В переходных обществах волатильность (изменчивость, неустойчивость) культуры особенно ярко выражена, причиной тому множество эндогенных и экзогенных факторов.¹⁴⁵ Стремительные изменения в обществе ведут к глубокой неуверенности, в таких обстоятельствах часто наблюдаемые в обществе явления, такие как подъемы ресентимента, содержанием которого является авторитарный синдром, или, наоборот, всплески «всенародного признания» новых ценностей.

По мнению С. Хантингтона, основными контекстуальными проблемами демократического транзита являются крайняя бедность, повстанческие движения, этнические/религиозные конфликты, глубокое социально-экономическое неравенство, хроническая инфляция, значительный внешний долг, терроризм, большая роль государства в экономике. Первоначально крах авторитаризма рождал эйфорию и энтузиазм среди граждан, однако нерешенные или нерешаемые контекстуальные проблемы новыми демократическими правительствами способствовали утрате иллюзий в новые демократические сообщества, вели к равнодушию, фрустрации и разочарованию в деятельности демократического правительства.¹⁴⁶ Впервые этот феномен был замечен в Испании в 1979 году и был обозначен как «el desencanto» - разочарование.¹⁴⁷

Подобная «ностальгия по авторитаризму» - как реакция на демократию, появившаяся с ростом осознания, что переход к демократии сам по себе не означает решение главных социально-экономических проблем в стране. Эйфорию по поводу демократизации сменили разочарование и фрустрация, раздражение и апатия, печаль и досада. Такие явления стали широко распространенными в Испании, Португалии, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Перу, Турции, Пакистане, на Филиппинах и в Восточной Европе после крушения диктатур. С. Хантингтон пишет, что «воспоминания о репрессиях тускнели, и в какой-то степени

¹⁴⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingheheart_Postmodern.pdf

¹⁴⁶ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. - С.273-275.

¹⁴⁷ Там же: с.276.

заменяли образы порядка, процветания и экономического роста якобы имевших место во время авторитарного периода».¹⁴⁸

Таким образом, разочарование общественности в новых демократиях из-за внезапно нерешаемых контекстуальных проблем являются характерными чертами переходного периода. В данной связи на первый план выходит степень веры элиты и граждан в ценность демократической системы. Тема политической культуры акцентирует внимание на взаимосвязи между эффективностью и легитимностью новых демократических правительств. Исследователи Л. Даймонд, Х. Линц и С. Липсет изучавшие эту взаимосвязь считали, что новые демократии зачастую попадают в замкнутый круг: без легитимности они не могут стать эффективными, без эффективности и функциональности не могут обрести легитимность.¹⁴⁹

С. Хантингтон отметил, что в поведенческом плане разочарование в новых демократических системах проявлялось в снижении политического участия, в проведении политики вновь пришедшими к власти в русле господствующего в стране общественного мнения, в негативной реакции со стороны граждан в адрес демократического истеблишмента.¹⁵⁰

Ностальгия по авторитарным правителям и разочарование в демократических, по мнению С. Хантингтона, является неотъемлемой чертой перехода к демократии, и являет собой первый шаг в процессе консолидации демократического строя. Стабильность и решающее значение для функционирования демократии состоит в осознании, как элитой, так и гражданами, разграничения между поддержкой демократии как политической системы и уверенностью в способность тех или иных демократических правительств решать проблемы. «Демократия основывается на исходной посылке, что правительство может оказаться неудачным и потому должны существовать институционализированные способы его заменить».¹⁵¹

С. Хантингтон указал, что процесс роста поддержки демократии и характерных демократических ценностей протекает медленно, в течение двух десятилетий. В качестве примеров названы страны - Германия, Япония. Более того, где процесс создания базы демократии стал результатом смены поколений, демократизация с низкой долей вероятности обратится вспять, напротив, где внезапные демократические изменения, в результате перемены мнений, с большей долей вероятности возможен быстрый поворот процесса демократизации в обратную сторону.

Р. Инглхарт исследуя сдвиг от ценностей модерна к постмодерну, следствием которого является целый ряд разнообразных социетальных перемен, также описал феномен, назвав его

---

¹⁴⁸ Там же: с.277.

¹⁴⁹ Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M. Democracy in developing countries: facilitating and obstructing factors / Freedom in the World: political rights and civil liberties. 1987-1988 / Ed. By R.D. Gastil. New York: Freedom House, 1988. p.231.

¹⁵⁰ Там же: с.285-290.

¹⁵¹ Там же: с.283.

авторитарным рефлексом. По его мнению, стремительные изменения в обществах переживающих социетальный кризис, провоцируют чувство неуверенности и потребность в предсказуемости.

Р. Инглхарт описал две формы авторитарного рефлекса. Первая форма – это фундаменталистские реакции, возникающие в результате стремительных экономических и политических перемен. Это своеобразные реакции на перемены, проявляющиеся в отрицании нового и в отстаивании непогрешимости старых культурных моделях. Вторая форма авторитарного рефлекса – это раболепное преклонение перед сильными лидерами. В состоянии глубокой неуверенности и непредсказуемости рождается готовность положиться на сильных лидеров, обладающих железной волей и способных решить проблемы, навести порядок и обеспечить безопасность.

Таким образом, авторитарный рефлекс, являясь частью культуры, проявляется в обществе, находящемся в состоянии кризиса, социетальной трансформации, где глубокая неуверенность в будущем и разочарование в настоящем способствуют возникновению потребности в сильных властных фигурах и в сохранении привычных культурно-поведенческих практик. Р. Инглхарт отметил, что наряду с возникновением реакций авторитарности, в переходных обществах, в условиях кризиса, в обстановке быстрых перемен и неуверенности в завтрашнем дне, также возникает ксенофобия, нетерпимость к культурным изменениям и этническим меньшинствам.¹⁵²

Следствием преодоления авторитарного рефлекса будут снижение значимости любых видов власти и авторитета, приоритетность самовыражения, политического участия, уверенность в будущем, приоритетность субъективного благополучия, качества жизни, индивидуального самовыражения. Эти тенденции будут способствовать демократизации.

1.3. Основные направления исследования авторитарности в зарубежной и отечественной литературе

В классических работах по изучению авторитарной личности были заложены перспективы для исследования связи авторитарности и восприятия угрозы реальной или воображаемой (Д. Остеррих, С. Фельдман, К. Стеннер, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст, М. Сэйлс), изучения проблемы социального доминирования (Ф. Пратто, Дж. Сиданиус, П. Хевен, С. Буччи), изучения ценностных ориентаций авторитарной личности (А. Кнафо, И. Макки, Н. Фезе, Н.А. Дьяконова), изучения авторитарности как характеристики

---

¹⁵² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/pubvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingheheart_Postmodern.pdf

политического поведения (М. Яновиц, Д. Марвик, Ч. Фаррис, Д. Стюарт, Т. Холт, Ф. Гринштейн, М. Сэйлс).

В классических работах по авторитаризму была заложена линия исследований, связанных с тем, что угроза является важным предвестником авторитарных установок и поведения, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Э. Фромм объяснял подъем фашизма как результат неблагоприятных социально-экономических условий, которые усилили чувство бессилия индивида и привели к «бегству от свободы» и покорности власти. С. Липсет предполагал, что более высокий уровень авторитаризма наблюдается среди представителей рабочего класса, которым свойственно повышенное чувство экономической угрозы. М. Рокич сделал вывод о том, что уровень догматизма в Римско-католической церкви был связан со степенью воспринимаемой угрозы церковной иерархии. Т. Адорно и его коллеги, установили, что «угрожающее, травмирующее и подавляющее» исходящее от родителей является определяющим фактором в развитии авторитарной личности. Дж. Дакит отмечал, что усиливается авторитарная реакция в ситуации угрозы групповой сплоченности. Таким образом, угроза оказывает влияние на проявление авторитарных установок, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

В этой связи также уместно рассмотреть результаты одного из современных исследований, которое обращается к проблеме связи авторитарности и восприятия угрозы.

Основной реакцией человека на стресс и на неопределенные ситуации, вызывающие тревогу и неуверенность, является стремление к безопасности и защите. Механизм поиска поддержки и защиты в условиях угрозы или напряжения Д. Остеррихом был определен как «авторитарная реакция». Немецкий психолог Д. Остеррих предлагает объяснение тому факту, что некоторые люди развивают интенсивные авторитарные реакции, а у других этого не происходит. Рассматривая безопасность в качестве основной потребности личности, он указывает на главную причину, которая отличает высоко авторитарных от низко авторитарных индивидов: высокая потребность в безопасности и поддержке детерминированы желанием уменьшить беспокойство и неуверенность. Он утверждает, что авторитарные реакции появляются вследствие того, что некоторые индивиды неспособны самостоятельно выработать приемлемую стратегию психологической адаптации, не в состоянии развить личную автономию. Авторитарная личность подчиняется предписаниям и контролю со стороны тех, кто решит ее проблемы и уменьшит чувство тревоги и неуверенности.¹⁵³

Согласно его теории, авторитарная реакция первоначально является основным механизмом процесса социализации. Авторитарная реакция защищает ребенка от рисков и

---

¹⁵³ Oesterreich D. Flight into security: a new approach and measure of the authoritarian personality // Political Psychology. 2005. Vol.26. No.2. pp. 275-297.

угроз мира, с которыми он еще не научился справляться. В ходе развития индивид учится преодолевать авторитарные реакции на ситуации угрозы посредством выработки собственной стратегии адаптации к реальности. В конечном итоге, социализация приведет к формированию личной автономии или же к пожизненной зависимости от власти, будет зависеть от когнитивных и социальных способностей индивида справляться с критическими и нестандартными ситуациями. Следствием неспособности выработки стратегии адаптации к реальности станет поиск поддержки со стороны власти, зависимость от окружающих. Авторитарная реакция становится механизмом отражения страхов и тревог, исходящих от окружающего мира.¹⁵⁴

Исследователь М. Сэйлс проводил различные эмпирические исследования, с целью определить связь авторитаризма с уровнем экономической угрозы, личными успехами и неудачами, религиозными организациями. М. Сэйлс сделал вывод о том, что угроза, в частности экономическая, является одной из причин усиления авторитаризма. Используя концепт авторитарного синдрома Т. Адорно, он продемонстрировал, что политическое поведение изменяется под влиянием реальной или воспринимаемой такой экономической или политической угроз.

Результаты исследования М. Сэйлса свидетельствуют о том, что авторитарные тенденции усиливаются в нестабильный период. Существующие угрозы явные или воспринимаемые таковыми играют важную роль в усилении авторитарного поведения и повышении уровня авторитаризма в целом. В качестве индикатора авторитаризма могут выступать: расход бюджета на полицию и пожарных, властная тема в комиксах, увеличение тюремного срока за сексуальные преступления, усиление интереса к боксу и астрологии, увеличение сторонников смертной казни, снижения интереса к психоанализу и психотерапии.¹⁵⁵

Исследователи Р. Доти, Б. Питерсон и Д. Винтер продолжили исследовательское направление, которое начал М. Сэйлс.¹⁵⁶ Для выявления связи между поведенческими показателями авторитаризма и уровнем социальной угрозы авторы поставили перед собой задачу, используя показатели авторитарности, разработанные М. Сэйлсом, проанализировать два периода переходя от периода высокой степени угрозы к периоду низкого уровня угроз.

Результаты исследования в целом были схожими с результатами, которые получил М. Сэйлс.¹⁵⁷ Таким образом, усиливается аргументация в пользу причинно-следственной связи между социальной угрозой и авторитаризмом, нивелируя предположения об усилении

¹⁵⁴ Там же: p.283.

¹⁵⁵ Sales S. Threat as a factor in authoritarianism: an analysis an archival data // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol.28. No.1. pp.45-50.

¹⁵⁶ Doty R., Peterson B., Winter D. Threat and authoritarianism in the United States, 1978-1987 // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol.61. No.4. pp. 629-640.

¹⁵⁷ Там же: pp.632-636.

авторитарности из-за естественного прироста населения или экономического роста, распространения светских тенденций, таких как, например, феминистские настроения. Кроме того, временные периоды были рассмотрены в обратной последовательности, и было установлено уменьшение проявления авторитарных установок и поведения, по мере ослабления восприятия угрозы.¹⁵⁸

Исследователи Р. Доти, Б. Питерсон, Д. Винтер провели более детальный анализ взаимодействия между отдельными переменными угрозы и отдельными показателями авторитаризма, что позволило им сделать вывод о том, что СМИ оказывают существенное влияние на повышение уровня авторитаризма, драматизируя абстрактные и реальные угрозы.¹⁵⁹ Исследователи отметили дифференцированный эффект влияния угроз на разных людей. Менее авторитарные люди корректируют свое поведение, когда социальная угроза уменьшается. В период высокого уровня угроз менее авторитарные люди больше покупают собак бойцовых пород, становятся более циничнее и суевернее, поддерживают смертную казнь, но как только угроза уменьшается, они возвращаются к своим обычным взглядам и поведению. Авторы назвали таких людей «ситуационно авторитарными», авторитаризм которых актуализируется в ответ на угрозу.¹⁶⁰

Исследователи С. Фельдман и К. Стеннер, подчеркивая центральную роль угрозы в активации авторитарных настроений и поведения, предложили новую динамическую интерпретацию авторитаризма. Авторы считают, что необходимо разграничить авторитарную предрасположенность и наблюдаемые проявления авторитаризма в установках и мнениях.¹⁶¹

Для этого авторы выделили переменные, к которым относятся:¹⁶²

Независимые переменные	Зависимые переменные
воспитание детей	отношение к меньшинствам
политическая угроза (доверие к политическим институтам, их представителям)	социальные и политические установки (ингруппа vs аутгруппа, порядок vs свобода)
экономическая угроза (страх безработицы, оценка собственного материального положения, оценка экономики страны)	установки в отношении использования силы (поддержка смертной казни, расходы на оборону, поддержка военных действий государства)
страх войны	

¹⁵⁸ Там же: p.637.

¹⁵⁹ Там же: p.638.

¹⁶⁰ Там же: p.639.

¹⁶¹ Feldman S., Stenner K. Perceived threat and authoritarianism // Political Psychology. 1997. Vol.18. No.4. pp. 741-770.

¹⁶² Там же: pp.748-755.

Один из выводов исследования заключается в том, что не было подтверждено предположение предыдущих исследований, что какого-либо рода угрозы приводят к значительному повышению уровня авторитаризма. Иными словами, не подтвердилась гипотеза о прямом влиянии угрозы на усиление авторитаризма. Было установлено, что влияние авторитаризма изменяется в зависимости от уровня угроз и наоборот, влияние угрозы варьируется в зависимости от уровня авторитаризма.¹⁶³

Корреляция между авторитарной предрасположенностью и авторитарным проявлением зависит от уровня угрозы. Речь идет о том, что появление угрозы скорее отразится на высоко авторитарных индивидах, потому что, с одной стороны они более чувствительны к воздействию угроз, с другой – произойдет усиление связи между авторитарной предрасположенностью и имеющимися социальными и политическим установками. Такой механизм связи позволяет объяснять влияние угроз на политическое поведение. Более того, по мнению С. Фельдмана и К. Стеннер, авторитарная предрасположенность может совсем не влиять на проявление авторитаризма, до тех пор пока не появится реальная или воспринимаемая таковой ситуация угрозы. Авторитаризм активизируется и усиливается угрозой социального или политического порядка, групповой сплоченности, а не угрозой личного благополучия.¹⁶⁴

Результаты исследования показали, что более авторитарные индивиды демонстрировали при восприятии угрозы еще более этноцентричные и карательные установки, напротив, менее авторитарные демонстрировали толерантность и либеральные установки в ответах.¹⁶⁵ Этот вывод еще раз подтверждает, что влияние угрозы является более сложным (complex), чем может показаться на первый взгляд. Следует упомянуть о том, что впервые С. МакФарланд, В. Агеев и К. Хинтон, исследуя связь между экономической угрозой и авторитаризмом на примере американской и российской выборок, обнаружили, что восприятие угрозы приводит к повышению уровня авторитаризма у одних индивидов, и к снижению его у других. Авторы объясняли это тем, что у индивидов, которые испытывают реальные экономические трудности выше уровень авторитаризма.¹⁶⁶

Исследователь К. Стеннер рассматривала авторитарность как ситуационную диспозицию, которая связана со стремлением к одинаковости и отвращением к разнообразию. Авторитарность, по ее мнению, является динамической характеристикой личности и актуализируется, когда социальная сплоченность находится под угрозой, а культура становится фрагментарной. К. Стеннер отмечает, что авторитарный синдром является ответной реакцией

---

¹⁶³ Там же: p.756.

¹⁶⁴ Там же: pp.763-765.

¹⁶⁵ Там же: p.767.

¹⁶⁶ Там же: p.743.

на вызовы внешней среды и является мощным предсказателем проявления нетерпимости в обществе.

Иными словами, идея исследования авторитарности личности с позиции «ситуационизма» состоит в том, что влияние авторитаризма усиливается или ослабляется в зависимости от конкретных социально-политических контекстов и обстоятельств. Реальная угроза и нормативная угроза активизируют авторитаризм личности. При наличии угрозы в обществе, реальной или конструируемой СМИ, авторитарные личности будут настроены на то, чтобы правительство восстановило порядок различными средствами, включая подавление, силу и жесткие санкции.¹⁶⁷

Исследования авторитаризма, где центральную роль играет угроза, были продолжены в работах С. Фельдмана, Х. Лавини, М. Лоджа, Б. Верхолста.¹⁶⁸ Исследователи поставили перед собой цель определить, являются ли автоматическими ответы на угрозы у людей с высоким уровнем авторитаризма, и изучить есть ли конкретные типы угроз, к которым такие люди более чувствительны. Авторитарные люди склонны обнаружить присутствие потенциальной подсознательной угрозы, и автоматическиотреагировать на угрожающий стимул в отличие от менее авторитарных. Результаты исследования подтвердили различия в когнитивной доступности и чувствительности к угрозам порядка у людей с разным уровнем авторитаризма. С. Фельдман, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст отмечали, что если авторитаризм является отражением напряженности между значениями общественного порядка и личной свободы, то люди должны, либо уменьшить, либо усилить важность одной из двух этих ценностей, чтобы разрешить конфликт.¹⁶⁹

Теоретические основы авторитаризма существенно изменились с момента выхода оригинального исследования: психоаналитическая основа была вытеснена теорией социального научения, затем теорией идентификации группы. Позднее, в качестве теоретической основы использовалась теория социального компромисса между личной самостоятельностью и социальным конформизмом.¹⁷⁰ Несмотря на различные психологические мотивы, имеется общая объединяющая тема – усиление авторитарных настроений из-за чувства страха, угрозы и неопределенности.

В ранних исследованиях авторитаризма, угроза принимала форму страха и вытесненной ненависти по отношению к авторитарному отцу (Т. Адорно), форму аномии и отсутствия

---

¹⁶⁷ Hetherington M., Weiler J. Authoritarian disposition and political choice. Available at: http://www.gvpt.umd.edu/glayman/hetherington_weiler.pdf pp.5-8.

¹⁶⁸ Feldman S., Lavine H., Lodge M., Verhulst B. Seeing negative: authoritarianism and automatic vigilance for threatening stimuli. 2010. pp.1-29.

¹⁶⁹ Там же: p.19.

¹⁷⁰ Feldman S. Enforcing social conformity: a theory of authoritarianism // Political Psychology. 2003. Vol.24. No.1. pp. 41-74.

безопасности в современном капиталистическом обществе (Э. Фромм), форму общей тревожности, связанной с подавлением сексуальных импульсов (В. Райх). В современных исследованиях авторитаризма, с точки зрения теории социального научения, угроза возникает в результате сужения диапазона социального опыта, распространенных представлений об опасности нетрадиционного образа жизни (Б. Альтмейер). Теория групповой идентификации постулирует, что угроза возникает в результате нарушения групповой сплоченности и социальной идентичности (Дж. Дакит), в теории социального конформизма угроза сосредоточена на том, что слишком много личной автономии и идеологического многообразия приводит к социальному восстанию и нестабильности статус-кво.

Таким образом, ряд исследователей рассматривают авторитаризм с инструментальной позиции, как способ сохранения социального порядка против многообразия нетрадиционных идей и ценностей. В каждом описанном случае понятие «угроза» служит для обеспечения интернализации предписаний общества, подчинения авторитету, агрессии в отношении аутгрупп, а в качестве спектра угроз (контекстных угроз) могут выступать: высокий уровень безработицы, преступности, гражданские беспорядки и войны, негативный сценарий развития экономики страны.

Нельзя не упомянуть известное экспериментальное исследование американского ученого С. Милграма. О потенциальной авторитарности членов современного общества, о готовности подчиняться любым, даже жестким приказам, говорят получившие широкую известность исследования, проведенные С. Милграмом.¹⁷¹ Неожиданные результаты его экспериментов состояли в том, что большинство участников эксперимента послушно выполняли приказы экспериментатора, наказывая «жертву» электрическим шоком и доводя интенсивность электрошока до значений, опасных для здоровья и жизни человека. Результаты исследования заставили задуматься о том, что тип характера, воспитанный в американском демократическом обществе 60-х гг., не служит надежной гарантией против жестокого обращения которому одни граждане могут подвергнуть других по указаниям властей. Многие люди делают то, что им указывают, не задумываясь о содержании действий и не терзаясь угрызениями совести, если эти указания исходят от человека, который воспринимается как представитель законной власти.¹⁷²

Исследователь Т. Бласс в 2002 году опубликовал в журнале «Psychology Today» сводные результаты всех повторений эксперимента С. Милграма, сделанных в США и за их пределами.

---

¹⁷¹ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001. - 336 с.

¹⁷² Там же: с.161.

Т. Бласс в результате проведения исследования на послушание обнаружил справедливость выводов Милграма для современного общества.¹⁷³

Ф. Пратто и Дж. Сиданиус предложили новый конструкт объяснения проявления авторитарности, назвав его термином «ориентация на социальное доминирование» (social dominance orientation - SDO). Главная идея состоит в том, что среди людей есть лица с установкой к межгрупповым отношениям, в соответствии с которой отношения между группами должны быть организованы по иерархическим линиям, и эти группы должны быть отнесены в две категории: доминирующие и подчиненные. Согласно теории социального доминирования, есть лица, которые желают, чтобы в группе был тот, кто господствовал внутри группы и доминировал по отношению к другим группам. Отличием концепции социального доминирования от классической теории авторитарной личности является то, что Т. Адорно рассматривает авторитаризм как стремление к индивидуальному доминированию в результате взаимодействия с властной фигурой, а Ф. Пратто и Дж. Сиданиус рассматривают авторитарность как желание некоторых категорий людей доминировать над другими людьми.¹⁷⁴

Авторы считают, что люди с высоким уровнем ориентации на социальное доминирование стремятся к иерархии, выступают за экономическое, политическое и социальное неравенство групп, готовы к поддержке соответствующих идеологий для достижения выгодного положения. Более того, эти люди склонны выбирать социальные роли, которые поддерживают и увеличивают социальное неравенство в обществе.¹⁷⁵

П. Хевен и С. Буччи исследовали личностные корреляты SDO и RWA, используя пятифакторную модель личности. По их результатам оба показателя (SDO и RWA) отрицательно связаны с «Открытостью опыту», RWA положительно коррелирует с «Сознательностью», а SDO – отрицательно с «Доброжелательностью». Как отмечают исследователи, полученные корреляции RWA согласуются с такими особенностями авторитарной личности правого толка, как приверженность традиционным ценностям, тенденции к организованности, сниженная когнитивная сложность.¹⁷⁶ По контрасту люди с высокими показателями SDO не имеют почтения к установленным авторитетам, поэтому имеют столь невысокое чувство долга и испытывают недостаток в этике, сотрудничестве и симпатии.¹⁷⁷

¹⁷³ Бласс Т. Власть «авторитетов»: эксперимент Милграма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bdsmpeople.ru/forum/topic3554/>

¹⁷⁴ Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol.67. No.4. p.744.

¹⁷⁵ Там же: pp.741-742.

¹⁷⁶ Heaven P., Bucci S. Right-wing authoritarianism, social dominance orientation and personality: an analysis using the IPIP measure // *European Journal of Personality*. 2001. Vol.15. pp. 49-56.

¹⁷⁷ Akrami N., Ekehammar B. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation. Their roots in Big-five personality factors and facets // *Journal of Individual Differences*. 2006. Vol.27. pp. 117-126; Butler J.C. Personality and

Исследование более четырех тысяч канадских студентов и более двух тысяч их родителей, проведенное Б. Альтмейером в 2004 году, показало что индивиды, набравшие высокие баллы по двум шкалам SDO и RWA, характеризуются как властолюбивые, выступающие за неравенство, манипуляторы, они догматичны и этноцентричны. Несмотря на немногочисленное количество, они также имеют влияние на общество, поскольку могут стать лидерами правых политических движений. Результаты исследования Б. Альтмейер трактует не как общие закономерности личностного авторитаризма, а как явление смешанного типа, при котором сочетаются тенденции подчинения (свойственная авторитарной личности правого толка) и доминирования (характерна для лиц склонных к социальному и индивидуальному доминированию).¹⁷⁸

Повторяющаяся в эмпирических исследованиях положительная корреляция между авторитаризмом правого толка и ориентацией социального доминирования обусловлена их общей связью с фактором иерархизации социальных отношений. Показано, что легитимация социальной иерархии является аспектом в конструкте SDO.¹⁷⁹ В отличие от него, в RWA иерархический аспект присутствует неявно. Если это предположение правильное, решение проблемы доминирования-подчинения может быть найдено в рамках социокультурного подхода. При таком подходе авторитарные диспозиции можно рассматривать как психологические факторы, поддерживающие универсальный для различных социальных групп принцип иерархической упорядоченности социальных взаимодействий.

Дискуссионным является также вопрос, касающийся ценностных приоритетов авторитарной личности. В исследовании А. Кнафо сравнивались авторитарные (RWA) отцы с неавторитарными, а также их дети-подростки.¹⁸⁰ Результаты исследования свидетельствуют о том, что авторитарные (RWA) отцы, больше чем неавторитарные хотят, чтобы их дети были консервативными и конформными, придавали важное значение традициям. Кроме того, они в большей степени хотели бы, чтобы их дети ценили власть и контроль над людьми и ресурсами, социальный статус, и меньше, по сравнению с неавторитарными, ценили универсализм и ценности саморегуляции (понимание, толерантность и забота о благосостоянии всех людей и

---

emotional correlates of right-wing authoritarianism // *Social Behavior and Psychology*. 2000. Vol.28. pp. 1-14; Ekehammar B., Akrami N., Gylje M., Zakrisson I. What matters most to prejudice: big five personality, social dominance orientation, or right-wing authoritarianism? // *European Journal of Personality*. 2004. Vol.18. pp. 463-482; Heaven P.C.L., Greene R.L. African Americans' stereotypes of Whites: relationships with social dominance orientation, right-wing authoritarianism, and group identity // *The Journal of Social Psychology*. 2001. Vol.141. pp. 141-143; Peterson B.E., Smirles K.A., Wentworth P.A. Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol.72. pp. 1202-1216.

¹⁷⁸ Altemeyer B. Highly dominating, highly authoritarian personalities // *The Journal of Social Psychology*. 2004. Vol.144. No.4. pp. 421-447.

¹⁷⁹ Pratto F., Sidanius J. Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol.67. No.4. pp. 741-762.

¹⁸⁰ Knafo A. Authoritarians, the next generation: values and bullying among adolescent children of authoritarian fathers // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2003. Vol.3. No.1. pp. 199-204.

природы). Однако ценностная преэминентность авторитарных отцов и их детей-подростков проявилась только по двум ценностям: по сравнению с детьми неавторитарных отцов, дети-подростки авторитарных отцов действительно придают больше важности власти и меньшую важность общечеловеческим ценностям. Это приводит к тому, что эти подростки значительно чаще остальных имеют дружеские связи с хулиганами, принимают запугивание как допустимое действие, участвуют в издевательствах и насилии со стороны подростков.

Проблема ценностных приоритетов авторитарной личности в психологии изучена недостаточно. Как отмечает Н.А. Дьяконова,¹⁸¹ имеющиеся работы направлены преимущественно на религиозные и политические ценности авторитарной личности, а мировоззренческие ценности практически не затрагиваются.

Изучение ценностных приоритетов способно четко выявить целевые координаты авторитарной личности. В исследовании И. Макки и Н. Фезе обнаружено, что ценности, лежащие в основе авторитаризма правого толка (RWA), отражают цели безопасности, конформность и консервативные приоритеты, ориентированные на традиции.¹⁸² В более раннем схожем исследовании¹⁸³ было выявлено, что в студенческой среде США и Германии авторитарные люди выше, чем неавторитарные оценивают конформную жизнь, чувство завершенности, спасение, послушание, ответственность и сдержанность. Интерес представляют социокультурные различия, отражающие господствующие в разных культурах ценности: американские авторитарные студенты выше ценят также свободу, а немецкие – национальную безопасность.¹⁸⁴

Понятие «авторитарной личности» прочно вошло в научный оборот, появившееся шесть десятилетий тому назад, а идеи Т. Адорно и его коллег получили дальнейшее развитие: совершенствовались исследовательские процедуры, создавались новые шкалы и опросники для измерения авторитаризма,¹⁸⁵ выявлялась степень выраженности и интенсивности авторитарных черт у различных групп населения разных стран.

Современные исследования 1990-х и 2000-х годов показывают связь авторитаризма с расизмом,¹⁸⁶ с негативным отношением к больным СПИДом, наркоманам, защитникам

¹⁸¹ Дьяконова Н.А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов: дис...канд.психол.наук: 19.00.05 / Дьяконова Надежда Александровна. М., 2001. 170 с.

¹⁸² McKee I., Feather N. Vengeance and authoritarianism: the pattern of motivational values underlying punitive personality types and punishment goals // Australian Journal of Psychology. 2003. Vol.55. p.53.

¹⁸³ Hogan H.W. German and American authoritarianism, self-estimated intelligence and value priorities // The Journal of Social Psychology. 1980. Vol. 111. No.1. pp.145-146.

¹⁸⁴ McKee I., Feather N. Vengeance and authoritarianism: the pattern of motivational values underlying punitive personality types and punishment goals // Australian Journal of Psychology. 2003. Vol.55. p.53.

¹⁸⁵ Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. (1991) Measures of personality and social psychological attitudes. Academic Press. Harcourt Brace Jovanovich Publishers. San Diego California, 1991. 753 p.

¹⁸⁶ Roets A., Van Hiel A., Cornelis L. Does materialism predict racism? Materialism as a distinctive social attitude and a predictor of prejudice // European Journal of Personality. 2006. Vol.20. pp. 155-168.

окружающей среды, абортам, бездомным,¹⁸⁷ к нелегальным иммигрантам,¹⁸⁸ работающим женщинам,¹⁸⁹ гомосексуалистам,¹⁹⁰ а также к представителям различных религиозных течений.¹⁹¹

Некоторые современные исследователи полагают, что каждый из трех параметров авторитаризма, которые были выделены Б. Альтмейером, обладает самостоятельной значимостью. Самостоятельность различных измерений авторитаризма привела к созданию новых шкал для его измерения. К. Ригби разработал шкалу, цель которой состоит в измерении установок людей к представителям различных социальных институтов, олицетворяющих власть (полиция, армия, судебная власть).¹⁹²

Т. Адорно и его коллеги полагали, что в детстве от авторитарных людей нередко требовали беспрекословного соблюдения дисциплины, что в конечном итоге привело их к подавлению проявления враждебности и импульсивности к тому, кто не был членами их собственной группы. Недостаток неуверенности в собственной безопасности, присущий авторитарным детям, обусловил их предрасположенность к излишней озабоченности властью и статусом, и приучил их к негибкому мышлению в категориях «хорошо-плохо». Некоторые современные авторы подтверждают, что для авторитарной личности предпочтительным является стиль воспитания, который опирается на наказание.¹⁹³ Подход к воспитанию детей является лучшим показателем авторитаризма, по мнению некоторых современных исследователей, потому что обнаруживается установка индивида на власть и избегаются конкретные политические ситуации.¹⁹⁴

Исследователи подчеркивают, что особенность семейной ситуации является далеко не единственной причиной возникновения авторитарной личности. Исследователями были выделены условия, способствующие формированию авторитарной личности и определены факторы, оказывающие влияние на уровень авторитарности: социально-экономическая и

¹⁸⁷ Peterson B.E., Doty R.M., Winter D.G. Authoritarianism and attitudes toward contemporary social issues // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1993. Vol.19. pp. 174-184.

¹⁸⁸ Ommundsen R., Larsen K.S. Attitudes toward illegal aliens: the reliability and validity of a Likert-Type Scale // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.137. pp. 665-667; Hetherington M., Weiler J. Authoritarianism and polarization in american politics. New York: Cambridge University Press, 2009. 234 p.; Crepaz M., Damron R. Constructing tolerance: how the welfare state shapes attitudes about immigrants // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol.42. No.3. pp. 437-463.

¹⁸⁹ Pek J., Leong F. Sex-related self-concepts, cognitive styles and cultural values of traditionality-modernity as predictors of general and domain-specific sexism // *Asian Journal of Social Psychology*. 2003. Vol.6. pp 31-49.

¹⁹⁰ Stones C.R. Antigay prejudice among heterosexual males // *Social Behavior and Personality*. 2006. Vol.34. pp. 1137-1150.

¹⁹¹ Rowatt W.C., Franklin L.M., Cotton M. Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. Vol.44. pp. 29-43; Mockabee S. A question of authority: religion and cultural conflict in the 2004 Election // *Political Behavior*. 2007. Vol.29. pp. 221-248.

¹⁹² Rigby K., Metzger J.C., Ray J.J. Working-class authoritarianism in England and Australia // *The Journal of Social Psychology*. 1986. Vol.126. pp. 261-262; Rigby K., Rump E. The generality of attitude to authority // *Human Relations*. 1979. Vol.32. pp. 469-487.

¹⁹³ Peterson B.E., Smirls K.A., Wentworth P.A. Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol.72. pp. 1202-1216.

¹⁹⁴ Stenner K. *The Authoritarian Dynamic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 200 p.

политико-культурная обстановка в обществе, наличие реальной и сконструированной угрозы, уровень образования граждан, профессиональная принадлежность, тип культуры.

Социально-экономическая обстановка в обществе. Степень авторитаризма зависит от восприятия людьми угрозы своему положению. Например, количество авторитарных американцев возросло с повышением восприятия серьезной угрозы со стороны Советского Союза, также увеличилось количество авторитарных жителей Новой Зеландии при восприятии будущего спада в экономике, социальной дезинтеграции, роста уровня преступности в стране.¹⁹⁵ Вероятно всего, в данном случае важна не столько реальная социальная обстановка, сколько как ее воспринимает общество: более авторитарные люди верят в то, что окружающий мир опасен.¹⁹⁶

Некоторые авторы фиксируют поведенческие показатели, по наличию которых можно косвенно измерить уровень авторитаризма, не используя опросники или иные измерительные методики. Примерами таких показателей являются:

- политические предпочтения (конвенционализм). В периоды социальной напряженности увеличивается число сторонников консерваторов и падает число сторонников либералов;¹⁹⁷
- отношение к цензуре (авторитарное раболепие). В периоды социального напряжения растет количество сторонников введения цензуры;
- авторитарные религиозные течения (авторитарное раболепие). В периоды нестабильности увеличивается число сторонников авторитарных религиозных течений;¹⁹⁸
- отношение к аутгруппам (авторитарная агрессия). В периоды социального напряжения ухудшается отношение к аутгруппам;¹⁹⁹
- политический цинизм (деструктивность и цинизм). В периоды социальной напряженности растет число людей, которые с недоверием и цинизмом относятся

¹⁹⁵ Doty R., Peterson B., Winter D. Threat and authoritarianism in the United States, 1978-1987 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol.61. No.4. pp. 629-640; Duckitt J., Fisher K. The impact of social threat on worldview and ideological attitudes // *Political Psychology*. Vol.24. No.1. 2003. pp. 199-222; McCann S. Threatening times and fluctuations in American church memberships // *Personal and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol.25. pp. 325-336.

¹⁹⁶ Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol.83. pp. 75-93.

¹⁹⁷ McFarland S.G., Ageev V.S., Abalkina-Paap M.A. Authoritarianism in the Former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.63 (6). pp. 1004-1010; Hastings B., Shaffer B. Authoritarianism: the role of threat, evolutionary psychology and the will to power // *Theory and Psychology*. 2008. Vol.6. pp. 423-440.

¹⁹⁸ Sales S. Economic threat as a determinant of conversion rates in authoritarian and nonauthoritarian churches // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1972. Vol.23. №3. pp. 420-428; Weima J. Authoritarianism, religious conservatism and sociocentric attitudes in roman catholic groups // *Human Relations*. 1965. Vol.18 (3). pp. 231-239.

¹⁹⁹ Levinson D. Authoritarian personality and foreign policy // *Journal of conflict resolution*. 1957. Vol.1. pp. 37-47; Oyamoto C., Borgida E., Fisher E. Can values moderate the attitudes of right-wing authoritarians // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol.2. pp. 486-500.

к правительству и другим политическим, социальным и общественным институтам;

- наказания за сексуальные преступления (сексуальность). В периоды социального напряжения ужесточаются меры наказания за сексуальные преступления. Сексуальная агрессивность усиливается.²⁰⁰ Авторитарные люди больше соглашаются с мифами об изнасиловании и негативно относятся к женщинам.
- Использование военной силы;²⁰¹
- Ситуативная угроза. Для того чтобы усилились авторитарные тенденции, чтобы неприятие определенных групп у авторитарных людей проявилось в полном объеме, достаточно временное ощущение угрозы, не связанное с реальной обстановкой в обществе. Источником такой угрозы может служить распространение посредством СМИ информации о трудовых мигрантах, что они являются главными источниками преступлений, болезней, наркотиков. Такая информация приводит к формированию негативного отношения к мигрантам.²⁰²

Образование. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что уровень образования оказывает влияние на авторитаризм.²⁰³

Профессия. Исследователь Г. Рубинштейн отметил, что уровень авторитаризма у сотрудников полиции выше, чем у профессиональных солдат и представителей службы охраны аэропорта, а у них, в свою очередь, выше авторитарность, чем у людей, вообще не имеющих отношение к силовым структурам.²⁰⁴

Тип культуры. Это косвенно подтверждается наличием межкультурных различий в уровне авторитаризма. Согласно проведенным исследованиям, авторитаризм выше у

²⁰⁰ Walker W.D., Rowe R.C., Quinsey V.L. Authoritarianism and sexual aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.65. pp. 1036-1045; Begany J.J., Milburn M.A. Psychological predictors of sexual harassment: authoritarianism, hostile sexism, and rape myths // *Psychology of men and masculinity*. 2002. Vol.3. pp. 119-126.

²⁰¹ Herzog F., Kincaid J., Dalton V. Personality and Public Opinion: The Case of authoritarianism, prejudice, and support for the Korean and Vietnam Wars // *Polity*. 1976. Vol.11. pp. 92-113; Kam C., Kinder D. Terror and ethnocentrism: foundations of american support for the War on Terrorism // *Journal of Politics*. 2007. Vol.69. pp. 320-338; Barker D., Hurwitz J., Nelson T. Of Crusades and culture Wars: «Messianic» militarism and political conflict in the United States // *Journal of Politics*. 2008. Vol.70. pp. 307-322; Levinson D. Authoritarian personality and foreign policy // *Journal of Conflict Resolution*. 1957. Vol.1. pp. 37-47.

²⁰² Greenberg J., Solomon S., Veeder M., Pyszczynski T., Rosenblatt A., Kirkland S., Lyon D. Evidence for terror management theory II: the effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol.58. pp. 308-318.

²⁰³ Peterson B.E., Lane M.D. Implications of authoritarianism for young adulthood: longitudinal analysis of college experiences and future goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol.27. pp. 678-690; Duckitt J. Education and authoritarianism among English- and Afrikaans-speaking White South Africans // *The Journal of Social Psychology*. 1992. Vol.13. pp. 701-708; Peterson B.E., Lane M.D. Implications of authoritarianism for young adulthood: longitudinal analysis of college experiences and future goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol.27. pp. 678-690; Lippa R.A., Martin L.R., Friedman H.S. Gender-related individual differences and mortality in the term an longitudinal study: is masculinity hazardous to your health? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol.26. pp. 1560-1570.

²⁰⁴ Rubinstein G. Authoritarianism among border police officers, career soldiers, and airport security guards at the Israeli border // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. pp. 751-761.

представителей коллективистских культур (азиатские страны и Япония), чем у представителей индивидуалистских (США).²⁰⁵

Личностные черты, поведение и взгляды авторитарной личности являются во много раз усиленным отражением процессов, происходящих в обществе. Согласно результатам исследования Н.А. Дьяконовой и В.В. Юртайкина, авторитарная личность имеет тот локус контроля, который является ценностно значимым в той группе, к которой она принадлежит. Авторами было установлено, что авторитарные жители США имеют внутренний локус контроля, тогда как у россиян связь между авторитарностью и локусом контроля не установлена.²⁰⁶ Результаты исследования свидетельствуют о том, что россияне с высоким уровнем авторитаризма были сторонниками принципа равенства, культивирующегося в Советском Союзе, и выступали против невмешательства правительства в торговые отношения, тогда как с высоким уровнем авторитаризма граждане США поддерживали противоположные идеи.²⁰⁷

Современные исследователи, изучая авторитарную личность, делают акцент скорее не на семейной ситуации ее развития, а на ее взаимоотношениях с группой. По мнению некоторых исследователей, авторитарность связана с поддержкой некоторых аттитюдов и наличием отличительных личностных черт. Уважение и некритическое отношение к власти является врожденной чертой, некоторые люди по своей природе более авторитарны, чем другие.²⁰⁸

Достаточно показательной характеристикой авторитарной личности является ее сопротивление социальным изменениям. Исследование, проведенное в 1991 году в России перед выборами президента, показало, что авторитарные граждане были консервативны в том смысле, что сопротивлялись любому изменению коммунистической системы управления Советским Союзом.²⁰⁹ На наличие связи авторитаризма с сопротивлением социальным изменениям указывает и другое исследование, проведенное в России Т. Герцелем.²¹⁰ Результаты исследования показали, что авторитаризм российских граждан связан с поддержкой централизации власти, единообразия во мнениях и большей привлекательностью «голубя по

²⁰⁵ Kimmelmeier M., Burnstein E., Krumov K., Genkova P., Kanagawa C., Hirshberg G.M., Eeb H.P., Wiczorkowska G., Noels K.A. Individualism, collectivism and authoritarianism in seven societies // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol.34. pp.304-322; Larsen K.S., Elder R., Bader M., Dougard C. Authoritarianism and attitudes toward AIDS victims // *The Journal of Social Psychology*. 1990. Vol.13. pp.77-80.

²⁰⁶ Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // *Вопросы психологии*. - 2000. - №4. - С.51-60.

²⁰⁷ McFarland S.G., Ageyev V.S., Abalakina-Papp M.A. Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.63. pp.1004-1010.

²⁰⁸ McCourt K., Bouchard T., Lykken D., Tellegen A., Keyes M. Authoritarianism revisited: genetic and environmental influences examined in twins reared apart and together // *Personality and Individual Differences*. 1999. Vol.27. pp. 985-1014; Stenner K. *The Authoritarian Dynamic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 200 p.

²⁰⁹ McFarland S.G., Ageyev V.S., Abalakina-Papp M.A. Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.63. pp.1004-1010.

²¹⁰ Goertzel T.G. Authoritarianism and social change in the Soviet Union // *The Journal of Social Psychology*. 1989. Vol.129. pp.703-705.

сравнению с ястребом». Подобные результаты также были получены и в ходе исследования, проведенного в Румынии С. Крауссом.²¹¹ В исследовании было показано, что авторитаризм позитивно связан с поддержкой коммунистического принципа распределения вознаграждения, плановой, регулируемой экономикой, фашистской идеологией, и негативно связан с поддержкой прозападных центристских партий.

Результаты проведенного Б. Питерсоном и его коллегами исследования, указывают на тот факт, что авторитаризм связан с проявлением слабого интереса к политике и политическим процессам.²¹² Интересные результаты были получены Дж. МакХоски, которые свидетельствуют о том, что авторитарная личность не верит в заговоры, организованные представителями государства. По данным исследования Дж. МакХоски, американцы с высоким уровнем авторитаризма больше верят в то, что президент Кеннеди был убит по личным мотивам одиночкой Освальдом, чем в то, что это убийство могли организовать и осуществить представители государственной власти.²¹³ Результаты другого исследования демонстрируют явную поддержку военного вмешательства своей страны в дела других государств и негативную оценку политических лидеров этих стран. Авторитарные граждане США выступали в поддержку войны в Персидском заливе и чаще обычных американцев оценивали действия С. Хусейна как террористические, а его самого как террориста.²¹⁴

Другой значимой характеристикой авторитарной личности является неприятие демократических прав и гражданских свобод, в частности, свободы слова и свободы проведения демонстраций.²¹⁵

Авторитарные личности оправдывают и одобряют незаконные и откровенно недемократические действия правительств.²¹⁶ Существует мнение, что люди могут быть более авторитарны в результате «авторитарного» взаимодействия с властью. Речь идет о том, что

²¹¹ Krauss S.W. Romanian authoritarianism 10 years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. pp.1255-1264.

²¹² Peterson B.E., Smirles K.A., Wentworth P.A. Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol.72. pp.1202-1216.

²¹³ McHoskey J.W. Case closed? On the John F. Kennedy assassination: biased assimilation of evidence and attitude polarization // *Basic and applied social psychology*. 1995. Vol.17. No.3. pp.395-409.

²¹⁴ Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. No.6. pp.733-750.

²¹⁵ Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. No.6. pp.733-750; Duckitt J., Farre B.A. Right-wing authoritarianism and political intolerance among whites in the future majority-rule South Africa // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. No.6. pp.735-741; Geddes B., Zaller J. Sources of popular support for authoritarian regimes // *American Journal of Political Science*. 1989. Vol.33. pp.319-347.

²¹⁶ Altemeyer B. *Right-wing authoritarianism*. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. 352 p.; Geddes B., Zaller J. Sources of popular support for authoritarian regimes // *American Journal of Political Science*. 1989. Vol.33. pp. 319-347; Canetti-Nisim D. The effect of religiosity on endorsement of democratic values: the mediating influence of authoritarianism // *Political Behavior*. 2004. Vol.26. No.4. pp. 377-398.

недемократическая власть может привить своим гражданам привычки беспрекословного подчинения и некритического отношения, уважения к власти.²¹⁷

Результаты проведенных исследований показали, что чем выше уровень авторитаризма, тем сильнее люди выступают в поддержку ограничения демократических прав и свобод человека, особенно в период реальной и потенциальной угрозы (террористические атаки, военное вторжение в Ирак). Люди с высоким уровнем авторитаризма были сильнее убеждены, чем остальные, в том, что С. Хусейн поддерживает терроризм. Такие люди являются сторонниками политики, основанной на использовании силовых средств, и в тоже время испытывают потребность в безопасности и порядке.²¹⁸

Немецкие исследователи обнаружили, что пользователи интернета с высоким уровнем авторитаризма выступают за ограничения гражданских свобод, более восприимчивы к угрозам, демонстрируют стереотипное отношение к исламу и поддерживают военные действия как, своего рода, ответную реакцию на террористические атаки, не заботясь о возможных негативных последствиях любых военных действий.²¹⁹ Исследователи указывают на эмпирические подтверждения влияния распространенного уровня авторитаризма в обществе на восприятие социально-политических событий и их возможных последствий.

Е. На и Е. Лофтус в результате исследования обнаружили позитивное отношение авторитарной личности к закону и негативное к заключенным.²²⁰ На наличие связи авторитаризма с отрицательным отношением к тем, кто нарушает закон, указывает и другое исследование, однако, с отсылкой к субъекту престаупающему закон. Согласно данным исследования Н. Фезе, авторитарные люди оценивают преступление, которое было совершено представителем власти, например, сотрудником правоохранительных органов или военным, как менее серьезное, чем человеком, выступающим против власти.²²¹

По мнению современного исследователя Ф. Солта, необходимо ответить на главный вопрос в изучении причин авторитаризма, почему в одних странах больше авторитарных личностей, чем в других, безотносительно того, какая там политическая система, демократическая или авторитарная. Ф. Солт, изучая последствия распространенности в

²¹⁷ Geddes B., Zaller J. Sources of popular support for authoritarian regimes // American Journal of Political Science. 1989. Vol.33. pp. 319-347.

²¹⁸ Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // The Journal of Social Psychology. 2006. Vol.146. No.6. pp.733-750; Cohrs J., Moschner B., Maes J., Kielmann S. The motivational bases of right-wing authoritarianism and social dominance orientation: relations to values and attitudes in the aftermath of September 11, 2001 // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Vol.31. pp.1425-1434.

²¹⁹ Cohrs J.C., Kielmann S., Maes J., Moschner B. Effects of right-wing authoritarianism and threat from terrorism on restriction of civil liberties // Analysis of Social Issues and Public Policy. 2005. Vol.5. pp.263-276.

²²⁰ Na E.Y., Loftus E.F. Conservative authoritarianism, attribution and internal - external locus of control // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. Vol.29. pp.595-615.

²²¹ Feather N.T. Reactions to penalties for offenses committed by the police and public citizens: testing a social-cognitive process model of retributive justice // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol.75. pp.528-544.

обществе авторитаризма и беспрекословного подчинения индивидов «правильной» власти, в качестве первопричины авторитаризма определяет экономическое неравенство. Авторский посыл можно выразить так: «чтобы сохранить демократию следует экономить».²²²

Ф. Солт выявил, что экономическое неравенство усиливает авторитаризм среди всех членов общества, объясняя это тем, что экономические ресурсы распределяются неравномерно, соответственно и власть в обществе распределяется неравномерно. Для обществ с высоким уровнем экономического неравенства свойственны усиление вертикальных властных отношений и иерархизации социального пространства, что способствует распространению авторитаризма. Отношение к власти и бедных, и богатых характеризуется как послушание и уважение.²²³ Взгляды человека на власть отражают и культурное доминирование, и непосредственный опыт, и реальные социальные процессы.²²⁴ Из-за соответствующей политики перераспределения, усиления экономического неравенства, некритическое отношение граждан к власти кажется наиболее разумным.

Результаты исследования Ф. Солта, основанные на данных пяти волн (WVS, 1981-2007 гг.) подтверждают, что степень экономического неравенства оказывает влияние на уровень авторитаризма. Граждане, независимо от дохода, находясь в ситуации сильного экономического неравенства, проявляют уважительное отношение к власти, послушание и подчинение всем требованиям, им свойственен высокий уровень авторитаризма. Соответственно, по мнению Ф. Солта, изменение политики перераспределения, вероятно, приведет к снижению напряженности на линии этнических и религиозных различий, дискриминации сексуальных меньшинств, политической нетолерантности, согласия с незаконными действиями правительства, иными словами, авторитарности.²²⁵ Граждане тех стран, для которых характерно высокое экономическое неравенство, склонны полагать, что иммигранты отбирают рабочие места, влияют на снижение заработной платы и «неправомерно» попадают под государственное социальное обеспечение.²²⁶ Таким образом, увеличение экономического неравенства приведет к усилению нетерпимости, ксенофобии и анти-иммигранских настроений.

Другим более тревожным последствием усиления авторитаризма в обществе является риск международного конфликта. По мнению Ф. Солта, высокий уровень экономического неравенства можно рассматривать как потенциальную угрозу для мирного разрешения международных споров.²²⁷ Результаты ряда исследований показали, что авторитарные люди

---

²²² Solt F. The social origins of authoritarianism // Political Research Quarterly. 2012. Vol.65. No.4. pp. 703-713.

²²³ Там же: p.707.

²²⁴ Gabennesch H. Authoritarianism as world view // American Journal of Sociology. 1972. Vol.77. No.5. pp.857-875.

²²⁵ Solt F. The social origins of authoritarianism // Political Research Quarterly. 2012. Vol.65. No.4. pp. 709-711.

²²⁶ Crepaz M., Damron R. Constructing tolerance: How the welfare state shapes attitudes about immigrants // Comparative Political Studies. 2009. Vol.42. pp. 437-463.

²²⁷ Solt F. The social origins of authoritarianism // Political Research Quarterly. 2012. Vol.65. No.4. p.710.

гораздо чаще предпочитают использовать военную силу в решении проблем, чем конструктивные дипломатические средства.²²⁸

С учетом целей данного диссертационного исследования следует рассмотреть работы исследователей, в которых авторитарность рассматривается как характеристика политического поведения.

По мнению исследователей М. Яновица и Д. Марвика, F-шкала, разработанная под руководством Т. Адорно, имеет решающее значение в изучении влияния политической пропаганды и протестных настроений.

М. Яновиц и Д. Марвик предприняли попытку установить связь между авторитаризмом и основными видами политического поведения и политических установок. Авторы определяют авторитаризм как характеристику психологической реакции на разнообразие социальных ситуаций.²²⁹

Исследователи считают, что только два компонента из девяти, составляющих авторитарный синдром, непосредственно относятся к исследованию политического поведения. Первый компонент «авторитарное подчинение» рассматривается как свойственное индивиду некритическое отношение и покорное подчинение власти и моральным авторитетам. Вторым компонентом является «власть и сила», где подразумевается озабоченность индивида по поводу доминирования и подчинения, силы и слабости, превосходства и неполноценности. Авторская гипотеза состояла в том, что у более авторитарных индивидов низкий уровень политического участия, доверия к политической системе и уверенности в возможности лично влиять на политику.²³⁰

Результаты, полученные в ходе исследования, демонстрируют, что молодые люди менее авторитарны, чем люди старшего возраста, чем выше уровень образования, тем ниже уровень авторитаризма. Эти выводы согласовываются с полученными результатами Т. Адорно. Однако не было найдено подтверждения, что представители среднего класса являются носителями авторитарного синдрома. Люди старшего возраста из низшего класса более авторитарны и придают огромное значение социально-экономической нестабильности в стране, чем молодые представители среднего класса. В ходе исследования установлено, что молодые люди с высоким образовательным статусом менее авторитарны, чем люди старшего возраста с подобным образовательным уровнем. В целом, высокообразованные представители среднего класса менее авторитарны, тогда как для представителей низшего класса недостаток

---

²²⁸ Kam C., Kinder D. Terror and ethnocentrism: foundations of american support for the war on terrorism // Journal of Politics. 2007. Vol.69. pp.320-338; Barker D., Hurwitz J., Nelson T. Of crusades and culture wars: «Messianic» militarism and political conflict in the United States // Journal of Politics. 2008. Vol.70. pp.307-322

²²⁹ Janowitz M., Marvick D. Authoritarianism and Political Behavior // Public Opinion Quarterly. 1953. Vol.17. pp.185-186.

²³⁰ Там же: pp.186-187.

образования, или, напротив, высокий образовательный статус не является значимым в указании на авторитарные тенденции.²³¹

Результаты исследования свидетельствуют о том, что авторитаризм связан с социально-экономическими характеристиками социального класса. Было установлено, что представители среднего класса с низким уровнем дохода более подвержены авторитаризму, чем представители этого же класса, но с высоким уровнем дохода. Авторы объясняют это тем, что подверженность авторитаризму происходит из-за их расстроенных планов, и последующей фрустрации. Что касается принадлежности к нижнему социальному классу, то результаты оказались вполне ожидаемыми, индивиды с низким уровнем дохода более авторитарны.²³²

Важным результатом исследования является объяснение причин авторитарных тенденций свойственных представителям среднего класса. Разочарование в социальной мобильности, изменение социального статуса, снижение уровня дохода и, следовательно, покупательской способности, являются объяснением авторитарных тенденций, присущих представителям среднего класса. Предположение авторов о связи авторитаризма и нисходящей мобильности было позже подтверждено в исследовании Л. Роудса, который кроме этого указал на тот факт, что важным является не социальный статус как таковой, а изменение самого статуса, провоцирующее чувство отчужденности и усиление авторитарности.

По мнению М. Яновица и Д. Марвика, проявление авторитарности следует рассматривать как способ выпуска напряженности у тех лиц, которые приняли цели общества, но которым трудно адаптироваться к демократическим практикам, с помощью которых как раз эти цели и достигаются.²³³

М. Яновиц и Д. Марвик предприняли попытку определить авторитарные установки в политике, рассматривая авторитаризм как общую политическую установку, выражающуюся в уверенности индивидов действовать в политике и реализации собственных интересов в политике. На примере установки на изоляционизм-интервенционализм в отношениях США и Европы, авторы показали проявление авторитарности у индивидов. Речь идет о том, что если индивид считает, что он лично или группа, с которой он себя идентифицирует, неспособны повлиять на действия правительства, то вероятнее всего он относится к индивидам с высоким уровнем авторитаризма. Авторитаризм, по мнению авторов, непосредственно связан с чувством политической неэффективности.

В ходе исследования М. Яновиц и Д. Марвик установили связь авторитаризма с электоральным поведением, на примере формы политического участия - голосование. Среди

---

²³¹ Там же: pp.193-195.

²³² Там же: pp.191-193.

²³³ Там же: p.197.

образованных представителей среднего класса, только 20% тех, кто не голосовал, тогда как таких людей с низким уровнем образования из низшего класса оказалось 42%.²³⁴

Исследователь Ч. Фаррис в ходе эмпирического исследования ряда отдельных поведенческих практик - авторитаризм, политическая информация, политическая активность, доверие к политической системе, личный интерес к выборам – установил, что авторитарным респондентам свойственны: «больше» личного интереса к выборам, неблагоприятное отношение к неграм, ожидание роста цен на потребительские товары. Менее авторитарным свойственны: поддержка и уверенность в существующей политической системе, хорошая информированность о политике, политическая активность и ожидание снижения безработицы.²³⁵

Ч. Фаррис составил социальный портрет типичного авторитарного представителя: «рабочий 40 лет, который считает, что экономика находится в угрожающем положении, что цены на потребительские товары и безработица будут расти; он не любит негров; несмотря на большой личный интерес к выборам, он аполитичен, не верит в свою способность влиять на ход политической жизни и отдает предпочтение крайне правым и популистским политикам».²³⁶ Результаты исследования свидетельствуют о том, что авторитаризм положительно коррелирует с отсутствием доверия к политической системе и с низким уровнем политической информированности. Менее авторитарные респонденты сильнее выражают уверенность в собственной способности влиять на ход политики.

Исследователи В. Маккиннон и Р. Сентерс изучали связь авторитаризма и социальной стратификации. Изучение авторитарных настроений распространенных в обществе, по их мнению, является существенным в объяснении антидемократических установок людей, сопротивления либеральным политическим ценностям. Представление о распределении авторитарных настроений и установок между различными слоями общества позволяет установить их влияние на социальные процессы, а также определить условия и факторы, детерминирующие антидемократические установки и настроения.²³⁷

В. Маккиннон и Р. Сентерс установили, что авторитаризм усиливается с возрастом. Это связано с тем, что чем старше человек, тем сильнее он переживает изменение своего социального статуса. Для людей в возрасте с низким образовательным статусом ухудшение социально-экономического положения воспринимаются более болезненно. Рост авторитаризма

---

²³⁴ Там же: p.200.

²³⁵ Там же: p.69.

²³⁶ Там же: p.71.

²³⁷ MacKinnon W., Centers R. Authoritarianism and urban stratification // American Journal of Sociology. 1956. Vol.61. No.6. p.10.

с возрастом происходит из-за расхождений между ожиданиями и реальными возможностями в естественной борьбе за социальное превосходство.²³⁸

Исследователи В. Маккиннон и Р. Сентерс установили наличие связи между социальным классом и демократическим мировоззрением. Представители рабочего класса более авторитарны, чем представители среднего или высшего классов. Социальный класс предопределяет готовность индивида поддерживать и сохранять демократические институты или наоборот. По их мнению, это зависит от осознания индивидом своих интересов как краткосрочных или долгосрочных. Соответственно, представители среднего и высшего классов выстраивают долгосрочные стратегии и выступают за сохранение благоприятных для этого институтов, в данном случае, демократических.²³⁹ Что касается рабочего класса, то исследователи определили, что уровень авторитаризма снижается среди его представителей со снижением классовой идентификацией (чувство принадлежности к группе) и внутригрупповой ориентации.

В. Маккиннон и Р. Сентерс рассматривали авторитаризм не как вариант невроза личности, а как «дефект с точки зрения культуры» (дефект в культурном отношении) в контексте определенного общества.²⁴⁰

Исследователи Д. Стюарт и Т. Холт, рассматривая концепцию «авторитарная личность» в качестве объяснительного инструментария политического поведения, представили свою социально-психологическую теорию авторитарности. По мнению исследователей, психоаналитическая концепция, лежащая в основе теории авторитарной личности, разработанной Т. Адорно, ограничивает возможность использования авторитаризма как социологического концепта.²⁴¹ Взамен они предложили использовать социально-психологическую концепцию авторитаризма, включающую психологический - «принятие роли» (ожидаемое поведение) и социологический «разыгрывание роли» (ролевое исполнение) концепты. В основе концепции предположение о том, что «чем больше поведенческих ролей в репертуаре человека, тем лучше его социальная адаптация».²⁴²

Д. Стюарт и Т. Холт в качестве факторов и условий, способствующих развитию и усилению авторитарности у индивида, выделили следующие: 1) социальная среда ограничивает возможности индивида осваивать различные социальные роли; 2) индивид способен освоить несколько ролей, но нет необходимой среды для ролевого исполнения; 3) неудачи провоцируют индивида играть одну приемлемую роль, в которой он чувствует себя комфортно; 4) индивид не

---

²³⁸ Там же: pp.612-613.

²³⁹ Там же: p.616.

²⁴⁰ Там же: pp.619-620.

²⁴¹ Stewart D., Houl T. A social-psychological theory of the authoritarian personality // American Journal of Sociology. Vol.65. No.3. p.274.

²⁴² Там же: p.275.

в состоянии исполнять роль других групп, не относящихся к его референтной группе, что в свою очередь, провоцирует враждебность по отношению к членам таких групп, рационализацию неудач и проецирование вины на членов аутгрупп.²⁴³ Таким образом, исследователи подчеркнули, что авторитаризм свойственен тем людям, которые выросли или живут в среде, ограничивающей их в освоении и исполнении различных ролей.

По мнению Д. Стюарт и Т. Холт типичной авторитарной личностью является индивид с низким уровнем образования, в возрасте старше 40 лет, преимущественно из сельской местности, принадлежит к какому-либо меньшинству, является представителем низшего класса, социально изолирован, воспитывался в авторитарной семье.²⁴⁴

В качестве преимуществ социально-психологического подхода можно отметить следующие: основан на теории ролей, а не на понятиях психоанализа; основан на общей переменной - ограниченная социальная среда - для всех характеристик авторитарности; принимает во внимание субкультурные различия; учитывает влияние многих факторов на развитие и уровень авторитарности; включает возможность изучать влияние «профессионального авторитаризма» (среди представителей полиции, армии и т.д.); наличие доступного эмпирического материала для количественного анализа.

Таким образом, предложенная Д. Стюартом и Т. Холтоном социально-психологическая теория авторитарности, рассматривает авторитаризм как функцию освоения и исполнения индивидом различных ролей, и чем меньше освоено индивидом ролей, тем выше у него уровень авторитаризма.

Исследователь Х. Габенниш также предпринял попытку предложить альтернативный подход к авторитаризму взамен психоаналитическому, предложенному Т. Адорно, согласно которому авторитаризм рассматривается как определенная мировоззренческая система.²⁴⁵ Разделяя с другими исследователями мнение о том, что авторитаризм развивается из-за недостатка социальных возможностей, Х. Габенниш сосредотачивает исследовательское внимание на существовании связи между авторитаризмом и мировоззрением личности.

Подчеркивая значимость образования для личности, в том, что расширяется диапазон альтернативных мнений, представлений, идей, ценностей, реальностей, культурной осведомленности, Х. Габенниш не сводит свои объяснения к тому, что недостаток образования является причиной авторитаризма. Его исследовательский вопрос заключается в выяснении: люди с широким мировоззрением иначе воспринимают окружающий мир, чем люди с ограниченным мировоззрением, или нет.²⁴⁶

---

²⁴³ Там же: р. 275.

²⁴⁴ Там же: pp. 275-278.

²⁴⁵ Gabennesch H. Authoritarianism as a world view // American Journal of Sociology. 1972. Vol.75. No.5. pp.857-875.

²⁴⁶ Там же: pp.858-859.

Логическим ходом исследователя было рассмотрение того, каким представляется мир людям, чьи социальные возможности и перспективы объективно ограничены. Х. Габениш ссылается на исследование Коха, который изучал отношение социального класса к таким ценностным ориентациям, как самоуправление vs покорность власти. Кох установил, что ориентация на покорность к власти связана с авторитарным комплексом: выполнение приказов представителей власти, фокусирование на внешних регуляторах процессов, подчинение букве закона. Более того, ориентация на покорность связана с двумя чертами, свойственными нижнему классу: низкий образовательный уровень, отсутствие профессиональной самостоятельности (возможности легко сменить профессию), вера в то, что все происходит по велению Божьему.²⁴⁷ Люди с ограниченным мировоззрением смотрят на мир в застывших, абсолютных категориях, веря в то, что реальность управляется моральными авторитетами, и что людям остается только приспособиться к этому. Для таких людей предпочтительным способом «выжить в таком опасном и недоступном к пониманию мире» является послушание авторитетам и фигурам власти.²⁴⁸

Х. Габениш отмечал, что широкое мировоззрение способствует тому, что люди видят недостатки и несовершенство социальных институтов, а также безнравственность их представителей.²⁴⁹

Исследователь Ф. Гринштейн сфокусировал свое внимание на описании неполитической социализации индивида, оказывающей влияние на политическое поведение и на связи между характером (авторитарным и демократическим) личности и политическими убеждениями, действиями и отношением к политическим институтам.²⁵⁰

Основными исследовательскими вопросами автора являются: можем ли мы различить типы людей, чьи индивидуальные особенности отличаются от их политических убеждений и склоняют их действовать в авторитарной или демократической манере? Как возникает демократический и авторитарный характеры в процессе социализации? Какие обстоятельства будут провоцировать авторитарное или демократическое поведение? Какое влияние оказывают индивиды с авторитарным и демократическим характером на функционирование политических институтов?

В основе его рассуждений об авторитарном характере, его феноменологии, динамике и генезисе, лежит теория эго-оборонительного авторитаризма, который развивается в процессе социализации. Жесткая дисциплина и авторитарные родители способствуют развитию

---

²⁴⁷ Там же: p.862.

²⁴⁸ Там же: pp.862-863.

²⁴⁹ Там же: pp.867-868.

²⁵⁰ Greenstein F. Personality and political socialization: the theories of authoritarian and democratic character // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1965. Vol.361. Political Socialization: Its Role in the Political Process. pp.81-95.

враждебности и агрессивности, так называемой «велосипедной личности», для которой свойственно кланяться тем, кто выше и унижать тех, кто ниже.

Ф. Гринстейн выделил отличительные особенности авторитарного характера: индивиды думают в терминах власти, чувствительны к вопросам доминирования и подчинения, нетерпимы к двусмысленности, предпочитают порядок и стабильность, неспособны к самоанализу и не принимают собственные фантазии, сильно придерживаются внутригрупповых норм, проявляют агрессию к аутгруппам.²⁵¹

Кроме того, что исследователь придерживается интеллектуальной традиции психоаналитической теории Т. Адорно и его коллег, он также принимает во внимание объяснение социального характера Э. Фромма, в том плане, что индивид отвечает потребностям экономической и политической систем, и изменяется в соответствии с изменениями потребностей этих систем.²⁵²

Ф. Гринстейн, говоря о связи между структурой характера и отношением к политическим институтам, отмечает, что люди с похожими характерами могут демонстрировать различающиеся политические убеждения, и наоборот. Автор объясняет это тем, что существуют различные альтернативные каналы выражения политических эмоций, потребностей и убеждений и индивидуальная психологическая предрасположенность.²⁵³

По его мнению, является ошибочным слепо верить в то, что авторитарные черты характера обязательно связаны с авторитарными политическими убеждениями. К простому набору характерных черт личности должны добавиться соответствующие политические институты или политические движения, иными словами, «авторитарным личностям необходимы авторитарные институты».²⁵⁴

В качестве отличительных особенностей демократического характера Ф. Гринстейн выделяет следующие: вера в возможности человека, принятие альтернативных вариантов, идей, мнений, индивид освобожден от стремления к власти как таковой. Формирование демократического характера зачастую происходит в оппозиции авторитарному, а в некоторых культурах изначально может быть исключена, так называемая, демократическая социализации.²⁵⁵

Современные исследователи авторитаризма предполагают, что авторитарные установки людей, в частности, их ориентации по отношению к обществу и власти коренятся в конфликте между индивидуальными правами и благополучием коллектива, между индивидуальной

---

²⁵¹ Там же: pp.85-89.

²⁵² Там же: pp.90-91.

²⁵³ Там же: p.92.

²⁵⁴ Там же:p.93.

²⁵⁵ Там же: pp.94-95.

свободой и социальным контролем, между личной автономией и социальным соответствием.²⁵⁶ Этот конфликт предопределяет выбор индивидов.

Более авторитарные считают, что если они будут преследовать сугубо частные интересы и действовать, руководствуясь личной выгодой и благополучием, это нарушит стабильный социальный порядок. Для поддержания порядка авторитарные люди желают подчиняться социальным нормам, выступают за ограничение многообразия, также за то, чтобы правительство обеспечивало всех набором социальных правил и норм, как на уровне социального поведения, так и на уровне индивидуального поведения.²⁵⁷

Менее авторитарные в меньшей степени озабочены поддержанием общественного порядка, напротив, они поддерживают традиционные ограничения в поведении, приоритетным для них является право человека на автономию и свободу в выборе, действиях.²⁵⁸

Буквально до весны 1988 года отечественные исследователи не имели доступа к западным исследованиям по авторитаризму. Несмотря на то, что многие советские исследователи знали о работах Т. Адорно, М. Рокича, У. Стоуна, понятие «авторитарной личности» в их умах соотносилось с нацистской Германией и «консервативной» Америкой. Что касается провозглашенной идеологией «нового советского человека», то применительно к нему такой конструкт, как авторитарная личность и ее составляющие, не мог использоваться, потому что негативные характеристики не могли быть присущи советскому человеку. Термин «авторитарный» использовался советскими учеными, когда речь шла об авторитарном стиле лидерства, авторитарно-бюрократической системе или авторитарных методах управления, однако, не был связан с проблемой авторитарной личности, ни как общенаучная проблема, ни как проблема существования советского общества.²⁵⁹

Между тем, понимание проблемы авторитарной личности, причин ее появления, закономерностей ее массового воспроизводства поможет избежать повторения трагических событий истории, позволит определить эффективность и перспективы демократических преобразований. Последние вряд ли возможны без преодоления колоссальной инерции авторитарного сознания.

Эмпирические исследования авторитарности массового сознания российского общества начали проводиться с 1990-х гг. Первой социологической работой, посвященной авторитарности в СССР, была статья М. Урнова «Насколько мы готовы к демократии?».

---

²⁵⁶ Feldman S., Lavine H., Lodge M., Verhulst B. Seeing negative: authoritarianism and automatic vigilance for threatening stimuli. 2010. p.10.

²⁵⁷ Там же: p.11.

²⁵⁸ Там же: pp.15-16.

²⁵⁹ McFarland S., Ageyev V., Abalkina M. The authoritarian personality in the United States and the Former Soviet Union: comparative studies // Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. p.199.

вышедшая в 1989 году.²⁶⁰ В статье впервые детально описаны различия демократического сознания и недемократического – авторитарного сознания, основанные на результатах проведенного опроса среди сотрудников одного из ведущих естественно-научных академических институтов Москвы.

М. Урнов определил набор содержательных характеристик группового сознания с целью адекватной оценки уровня психологической готовности социальной группы к демократии. Первая группа характеристик отражала вербальное принятие или непринятие демократических механизмов и принципов, например, отношение к свободе выражения убеждений и мирных собраний, к свободе передвижений, отношение к развитию незатизированных форм политической и экономической жизни. Вторая группа характеристик служила индикатором морально-психологического климата, от которого зависит возможность реализации демократии на практике. Например, такими индикаторами являются социальная включенность, терпимость, неприятие аморальности в политике, отсутствие социального иждивенчества, удовлетворенность жизнью, уровень доверия к институтам, отсутствие социальных страхов.²⁶¹

Согласно результатам исследования, единственными значимыми социально-демографическими характеристиками, свидетельствующими о приобщенности респондентов к демократической политической культуре и принятии демократии, были уровень образования и содержание трудовой деятельности. Более высокий показатель демократичности наблюдался в подгруппе с высшим образованием. В тоже время, значительная часть респондентов демонстрировала декларативное принятие демократии, правовой нигилизм, социальную пассивность, недостаток терпимости, недоверие к людям и деятельности институтов, страх перед властями, поддержку социального иждивенчества.²⁶²

Первое кросскультурное исследование, проводившееся в рамках научно-исследовательского проекта «Советский человек как субъект международных отношений», можно отнести к работам, внесшим значительный вклад в разработку проблемы авторитарной личности в СССР. М. Абалкина, В. Агеев и С. МакФарланд, как авторы исследования, поставили перед собой цель изучить конструкт авторитарной личности применительно к Советскому Союзу. По мнению исследователей, авторитарное сознание населения, сложившееся исторически, является основным препятствием социально-экономических и политико-культурных перемен в стране.²⁶³

²⁶⁰ Урнов М. Насколько мы готовы к демократии? (статья первая) // Рабочий класс и современный мир. 1989. №4. С.75-91.

²⁶¹ Там же: с.76.

²⁶² Там же: с.78-83.

²⁶³ McFarland S., Ageyev V., Abalkina M. The authoritarian personality in the United States and the Former Soviet Union: comparative studies // Stone W.F., Lederer G., Christie R. Strength and weakness: the authoritarian personality today. New York: Springer-Verlag, 1993. p.200.

Были сформулированы следующие ключевые вопросы исследования авторитарной личности в СССР: являются ли предрассудки в отношении различных аутгрупп среди русскоязычного населения СССР также тесно связанными между собой, как и у населения западных стран? Могут ли для измерения авторитаризма советских граждан использоваться общие принципы, разработанные западными учеными? Можно ли на основе общего показателя авторитаризма определить уровень этноцентризма советских людей? Какие демографические характеристики (пол, возраст, уровень образования) влияют на степень авторитаризма?²⁶⁴

В кросскультурном исследовании авторитарной личности, в котором принимали участие респонденты из Москвы, Таллина и Кентукки, было обнаружено, что уровень авторитаризма правого толка у москвичей и таллинцев, по сравнению с американцами, ниже.²⁶⁵ По результатам исследования, авторитаризм в СССР положительно коррелирует с возрастом, слабо – с полом, отрицательно коррелирует с брачным статусом, местом проживания, количеством иностранных языков, которыми владеет русскоговорящий респондент (Москва, Таллин). Респонденты, занятые в сфере культуры, образования и науки, а также участники Национальных фронтов и неформальных движений менее авторитарны, чем респонденты, занятые в промышленности и сфере обслуживания, и те, кто являются членами общества «Память».²⁶⁶

Б. Альтмейер, проведя исследование по изучению авторитарности советских граждан в 1990 году, в котором приняли участие студенты из МГУ, обнаружил чрезмерно низкий уровень авторитарности московских студентов в сравнении с американскими.²⁶⁷

Суммируя результаты исследования, после проведения ступенчатой регрессии и дисперсионного анализа, М. Абалкина, В. Агеев и С. МакФарланд заключили – «авторитарный синдром жив и здоров в Советском Союзе».²⁶⁸

Один из основных выводов исследования авторитарной личности в СССР и США, о том, что уровень авторитарности сознания советских людей в период демократических преобразований оказался значительно ниже, чем у американских людей. Это объясняется двумя моментами. С одной стороны, демократизация политической жизни породила стремление многих советских граждан не отстать «от духа времени», поэтому низкий уровень авторитарности исследователи объясняют положительными представлениями граждан в отношении демократического будущего. С другой стороны, низкий уровень авторитарности не более чем отражение «авторитарного конформизма по отношению к изменившимся

---

²⁶⁴ Там же: pp.201-202.

²⁶⁵ Там же: p.210.

²⁶⁶ Там же: pp.207-209.

²⁶⁷ Там же: p.211.

²⁶⁸ Там же: p.212.

социальным предписаниям». ²⁶⁹ Итак, в кросскультурном исследовании авторитарность сознания интерпретируется как усиленная лояльность вместе с враждебностью, направленная на аутгруппы и инакомыслящие культуры, с поддержкой использования силы против тех, кто воспринимается как угроза существующему порядку.

Исследователи С. МакФарланд, В. Агеев и Н. Джинчарадже провели исследование в 1993 г. в Москве с целью изучить авторитарные настроения россиян после двух лет распада СССР и Коммунистической партии. Внимание было сосредоточено на том, что следует ожидать в ситуации, когда старые коммунистические ценности были быстро подорваны, а новые не успели закрепиться. ²⁷⁰ Исследовательская гипотеза заключалась в том, что некоторые авторитарные личности будут упорно цепляться за старую систему ценностей, тогда как другие предпочтут иную доступную систему ценностей.

Результаты исследования показали, что авторитарно настроенные граждане не поддерживали демократические реформы и капитализм, а были сторонниками жесткой консервативной политической линии, выступали в поддержку «советской уравниловки» и «коммунистического справедливого распределения благ». ²⁷¹ Более того, авторитаризм был негативно связан с поддержкой разного рода свобод (экономических, политических, интеллектуальных), демократических партий и организаций.

По результатам исследования авторы также установили связь авторитаризма с враждебным отношением к ВИЧ инфицированным, бездомным и защитникам окружающей среды (экологам). Однако для авторитарных людей свойственно обвинять экономическую систему в существовании бездомных и бедных. Более того, американцам свойственно воспринимать бездомных как ленивых людей, которые сами себя довели до бедственного положения, россияне, напротив, бедных и бездомных воспринимают как жертв социальной системы. ²⁷² Результаты свидетельствуют о патернализме российских граждан.

Исследовательский интерес В. Хамилтона, Дж. Сандерса и С. МакКерни состоял в том, чтобы изучить ориентацию граждан на власть в авторитарном политическом режиме. Исследование проводилось с целью изучить отношение граждан к военным преступлениям, послушанию и политическому инакомыслию. Была предпринята попытка разграничить неподчинение приказам властей и расхождение с действующей властью (политическим

---

²⁶⁹ Там же: p.220.

²⁷⁰ McFarland S., Ageyev V., Djintcharadze N. Russian authoritarianism two years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol.1. pp.210-217.

²⁷¹ Там же: pp.211-214.

²⁷² Там же: pp.215-216.

инакомыслием), и второе разграничение между неподчинением и отношением к неподчинению.²⁷³

По результатам исследования было установлено, что чем выше уровень образования, социальный статус и доход, тем ниже желание подчиняться власти.²⁷⁴ Была установлена связь авторитаризма с позицией, которую занимает индивид в социальной структуре. Чем ниже социальная позиция, тем выше уровень подчинения приказам властей, даже если этот приказ – стрелять в стариков, женщин и детей.

Что касается разграничения между установкой и личностной характеристикой, то авторы считают, что несходство взглядов с властью (политическое инакомыслие) связано с существующей социально-политической обстановкой, а неподчинение приказам властей связано с уровнем внутреннего контроля (personal control), с развитым чувством личной автономии (personal autonomy).²⁷⁵

Изучение общественных настроений и установок в отношении власти в авторитарном режиме является важным, потому что поддержка установленной власти является ключевым моментом в авторитаризме, основой легитимности режима. Восприятие власти как неэффективной и бессильной приводит к снижению легитимности режима в авторитарной системе.

Исследование «Радикальное обновление общества и проблема авторитарной личности», проведенное В.А. Самойловой, было направлено на оценку выраженности авторитарных установок у различных групп городского населения.²⁷⁶ Результаты свидетельствуют об укреплении и распространении авторитарности в российском обществе. После подъема демократических ожиданий в 1990-х гг. среди населения последовал их спад. В.А. Самойлова, рассматривая авторитарный синдром как устойчивое личностное ядро, подчеркивает, что конкретные проявления авторитарности могут быть ситуационно обусловлены. Например, условия жизни могут усиливать или, напротив, снижать некоторые проявления авторитаризма. По ее мнению, в российском обществе существует инерция авторитарного сознания, обусловленная как социальными реалиями, так и собственно психологическими механизмами трансляции авторитарного опыта.

В исследовании были проранжированы социальные группы по выраженности авторитарных установок. Сравнительный анализ величин средних индексов позволил сделать

---

²⁷³ Hamilton V.L., Sanders J., McKearney S. Orientations toward authority in an authoritarian state: Moscow in 1990 // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. Vol.1. p.356.

²⁷⁴ Там же: p.357.

²⁷⁵ Там же: p.363.

²⁷⁶ Самойлова В.А. Проявления и динамика авторитарного сознания в социокультурных установках городского населения. 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/27278880.html>

вывод о высоком уровне авторитарности рабочих, инженерно-технических работников и учителей, у них сильнее проявляются эгоцентризм, доминирование негативных установок по отношению к людям, категоричность в оценках, жесткость воспитательных установок, стереотипность и ригидность мировосприятия. Более низкий уровень авторитарности у предпринимателей, преподавателей ВУЗов, работников сферы культуры и студентов.

Один из существенных выводов исследования состоит в том, что авторитарность не зависит от биологических и природных особенностей индивида, напротив, образование – один из определяющих факторов проявления авторитарности. Уровень образования определяет отношение к методам воспитания, политическому инакомыслию, к предпочтительному образу жизни, мировосприятию, отношению к «чужим». Индекс авторитарности у лиц, имеющих высшее образование, значительно ниже (8.2), чем у лиц, не имеющих и среднего образования (12.5).²⁷⁷ В ходе исследования было также выяснено, что авторитарность отрицательно коррелирует с гендерными различиями и удовлетворенностью жизнью. Сходные результаты в начале 2000-х годов получили В. Юртайкин и Н. Дьяконова, которые исследовали авторитаризм в системе установок российских и американских студентов.²⁷⁸

М. Урнов предпринял попытку количественной оценки авторитарного синдрома распространенного среди населения России, посредством разработанной шкалы. Шкала включала следующие утверждения: коллективизм/индивидуализм; недружественность/дружественность окружающего мира; неравенство/равенство взаимоотношений с окружающим миром; склонность/несклонность к принятию безусловных авторитетов; отрицание/принятие универсальности нравственных норм.

Результаты исследования показали, что авторитарные представления были доминирующими в 1990-х гг. в морали и политике, несмотря на формирование демократической инфраструктуры. Результаты указали на усиление авторитарности российского массового сознания в течение 1992-1994 гг., и на зависимость уровня авторитарности от социально-демографических характеристик, социально-психологических показателей и идеологических установок личности.²⁷⁹

В кросскультурном исследовании авторитарной личности, проведенном Н.А. Дьяконовой и В.В. Юртайкиным, показано, что специфика взаимосвязи между авторитаризмом, локусом контроля и ценностными ориентациями определяется социокультурным контекстом развития личности. Вопреки зарубежным исследованиям, показывающим связь авторитарности с внутренним локусом контроля (что в особенности

²⁷⁷ Там же: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/27278880.html>

²⁷⁸ Юртайкин В.В., Дьяконова Н.А. Авторитаризм в системе установок российских и американских студентов // Социологическое исследование.- 2001.- №9.- С.58-67.

²⁷⁹ Урнов М. Авторитарность: опыт количественной оценки // Мониторинг общественного мнения.- 1994.- №5.- С.20-22.

характерно для мужчин), у авторитарной личности в России данная тенденция не проявляется. Это дало основания считать, что внутренний локус контроля связан с авторитаризмом в тех культурах, где контроль над своей жизнью является одной из приоритетных социальных ценностей. Кроме того, обнаружено что российские и американские студенты, обучающиеся гуманитарным специальностям, менее авторитарны и в меньшей степени привержены западным ценностям, чем студенты, обучающиеся специальностям, связанным с бизнесом.²⁸⁰

Результаты исследования «Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании» показали, что российское общество «готово к принятию идеологии радикального авторитаризма». Речь идет о: желании ограничить проживание в стране «лиц кавказской национальности» (60%); об убежденности, что «национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в стране» (42%); о представлении, что «взаимоотношения России и Запада всегда будут строиться на недоверии» (50%); об убежденности, что «нашей стране нужны не столько законы и политические программы, сколько сильные, энергичные лидеры, которым бы народ верил» (66%); об убежденности что «государство должно гарантировать каждому приличную работу и достойный уровень жизни» (68%); националистические и ксенофобские взгляды разделяют 45-70%.²⁸¹

Авторитарная опасность заключается в том, что граждане предпочитают авторитарное государство, нежели представительную демократию. Именно такое российское государство, с ярко выраженными недемократическими чертами (внеправовой характер отношений, подавление оппозиции), способно уменьшить экономическое неравенство и гарантировать каждому достойный уровень жизни. Однако если российской власти не хватит силы и различных ресурсов противостоять авторитаризму, тогда страна упустит шанс на модернизацию и выживание в высоко конкурентном мире XXI века.²⁸²

Р.Ф. Баязитов сосредоточил исследовательский интерес на выявлении и измерении авторитарного стереотипа.²⁸³ Результаты его исследования показали, что для молодежи характерен повышенный уровень авторитаризма. Обнаружены различия в степени приверженности авторитарному стереотипу между различными этническими группами. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что личности с повышенной степенью выраженности авторитарного стереотипа склонны воспринимать ситуации социального

²⁸⁰ Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии.- 2000.- №4.- С.55-59.

²⁸¹ Современная Россия: вызовы и ответы. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. - С.45-65.

²⁸² Там же: с.51.

²⁸³ Баязитов Р.Ф. Авторитарный стереотип в менталитете современной молодежи: дис....канд.психол.наук: 19.00.05 / Баязитов Фаис Раисович. Казань., 2005. - 181 с.

взаимодействия в контексте доминирования-подчинения и властно-иерархических различий, склонны к агрессии, эгоизму и подозрительности.

Л.А. Преснякова изучала влияние авторитарного синдрома в структуре личности современного россиянина на его индивидуальное восприятие политической власти. Была поставлена задача понять, обусловлены ли авторитарные тенденции, в посткоммунистической России, наличием в структуре личности авторитарного синдрома. По мнению Л.А. Пресняковой, влияние авторитарного синдрома на восприятие политической власти может оказаться серьезным препятствием на пути развития демократии в России.²⁸⁴

Л.А. Преснякова определяет авторитарный синдром как особый личностный конструкт, который проявляется на уровне когнитивных (стереотипность, ригидность, догматизм) и потребностно-эмоциональных особенностей личности (авторитарное подчинение и авторитарная агрессия), и на уровне системы ценностей личности (конвенционализм). Авторитарный синдром формируется в структуре личности в ходе первичной социализации и детерминирует восприятие власти личностью. Авторитарный тип личности ищет во властных институтах или их представителях объект для подчинения. По мнению исследователя, личный опыт индивида и опыт прямой политической социализации усиливают, либо ослабляют авторитарный синдром. Результаты проведенного исследования зафиксировали связь между авторитарным синдромом и восприятием политической власти. А рост авторитарных настроений в массовом восприятии власти, в частности, патерналистских установок, потребности в порядке, «сильной» руке, обусловлен авторитарным синдромом в структуре личности.

В ходе исследования был выявлен механизм восприятия политической власти авторитарной личностью, отличительными особенностями которого являются: потребность в подчинении жестким и сильным лидерам, преклонение перед силой и негативное отношение к слабости в политике, нетерпимость в отношении политических оппонентов, патерналистские ожидания от власти.

Исследования авторитарности, проведенные под руководством Е.Б. Шестопаля, описывают своеобразную версию авторитаризма в постсоветской России. Авторитаризм основывается не на авторитарной агрессии, а скорее на авторитарном подчинении, конвенционализме и традиционализме.²⁸⁵

---

²⁸⁴ Преснякова Л.А. Структура восприятия политической власти // Полис.- 2000.- №4.- С.135-149.

²⁸⁵ Шестопаля Е.Б. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития.-2011. -№3 (62). - С.34-47; См. также: Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009. - С.28-37; Шестопаля Е.Б. Демократические ценности в сознании россиян // ОНС.- 1996.- №2.- С.45-61; Шестопаля Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис.-1995.- №4.- С.86-98.

Концепциям «авторитарной личности», разработанным в рамках западной науки, до некоторой степени релевантны теории отечественных авторов, посвященные социально-антропологическому типу личности, характерному для бывшего СССР.²⁸⁶ Речь идет о концепциях так называемого «человека советского» и советского синдрома, поскольку в них также сконцентрировано внимание на личности и ее чертах, как основных факторах возникновения и развития тоталитарного строя в СССР.

По мнению В. Кагана, тоталитарная политическая система не просто навязывала гражданам чуждое им тоталитарное сознание, но апеллировала к уже существующим у них личностным предпосылкам. В результате чего формировался особый комплекс личностных черт, характеризующийся: догматичность сознания, закрытость его эмпирическому опыту при некритическом доверии к «коллективному разуму», расщепленность сознания, раздвоенность социального и приватного «я», инфантильная экстернальность упований на внешние инстанции и перенос на них ответственности за неудачи, постоянный страх, отсутствие чувства стабильности и безопасности, ведущий мотив поведения – избегание неудач, а не достижение позитивных результатов, занижение самооценки и чувства собственного достоинства, недостаточное принятие своего «я», недостаточная рефлексивность при высокой нормативности.²⁸⁷

Отечественный социолог Ю. Левада, описывая социально-антропологический тип «человека советского», выделил несколько фундаментальных характеристик:²⁸⁸

- Принудительная самоизоляция. Фундаментальная характеристика, отражающая внушение им представления о собственной исключительности, особости, принципиальном отличии от типичного человека иных времен и социальных систем. Такой человек обладает исключительной системой собственных ценностей, своей системой социальных мер и весов.

- Государственный патернализм. Фундаментальной чертой социального характера советского человека является государственно-патерналистская ориентация. Такой человек не мыслит себя вне государственной структуры, а государство в его восприятии не просто исторически сформировавшийся социальный институт, имеющий свои функции, а некий «супер-институт», всеобщий, универсальный, как по своим функциям, так и по своей деятельности. Более того, основные функции государства – это патерналистские функции,

²⁸⁶ Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии.- 1991.- №3.- С.164-173; Гозман Л.Я., Эткинд А.М. От культа властей к власти людей // Нева.- 1989.- №7.- С.156-179; Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989-1994 // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения.- 1995.- №1.- С.10-14; Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену «человека советского» проблемы методологии и анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.- 1995.- №6(20). -С.14-18; Левада Ю.А.Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В, 2011. - 526 с.

²⁸⁷ Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии.- 1992.- №1-2.- С.14-21.

²⁸⁸ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. – С.13-24.

точнее охранительные и контрольные функции, исполняемые как будто в порядке неустанной «отеческой заботы» о подданных. Согласно Ю. Леваде, патернализму непременно соответствует инфантилизм. «Забота» со стороны «верхов» должна встречать «благодарность» со стороны «низов» - такова главная осевая формула патерналистского устройства общества и социальной личности. Патерналистская критика, имеющаяся наряду с благодарностью, не выходит за пределы «плохой» заботы о подданных. Образ «отеческого государства», по мнению социолога, наиболее инерционный компонент советского социального сознания.

- Эгалитаристская иерархия. Другая фундаментальная черта внутреннего миропорядка человека советского — иерархичность. Принятие иерархического характера отношений, иерархической властной вертикали сочетается в традиционном для него наборе личностных ориентаций с установкой на специфический эгалитаризм. Иерархический эгалитаризм отвергает лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии «незаслуженные привилегии» и «нетрудовые доходы».

- Имперский синдром. По мнению Ю. Левады, «человек советский» генетически фрустрирован тем, что поставлен перед проблемой выбора между этнической и суперэтнической принадлежностью.

Отечественные исследователи Л. Гозман и А. Эткинд, описывая «советский» синдром, выделили в нем следующие характеристики:²⁸⁹

1. ощущение своей принадлежности к великому, сильному и доброму народу;
2. ощущение своей включенности в движение по магистральному пути мировой цивилизации;
3. ощущение своей подвластности могущественному, никогда не признающему своих ошибок государству;
4. ощущение своей безопасности среди равных друг другу людей, живущих общей жизнью и всегда готовых прийти на помощь;
5. ощущение своего превосходства над порочным и не признающим очевидных истин миром;

По мнению исследователей, в советском синдроме наложились друг на друга логически противоречивые явления - величие государства, русский абсолютизм, марксистский «оптимизм», сталинский централизм и изоляционизм, образовав прочное химическое соединение. Советский синдром, возникая из сочетания внешних обстоятельств и внутренних склонностей человека, принимает разные формы у разных людей в зависимости от индивидуальной выраженности конкретных симптомов. Есть люди, для которых более важна

---

²⁸⁹ Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии.- 1991.- №3.- С.164-173.

«идентификация с помощью государства, для других – вера в особые нравственные качества народа, для третьих – гарантии их защищенности».²⁹⁰

Л. Гозман и А. Эткинд подчеркивают, что одни симптомы со временем могут усиливаться, другие ослабевать, менять форму или исчезнуть. Иными словами одни симптомы советского синдрома являются формообразующими, тогда как другие имеют случайный характер. Более того, синдром не появляется из неоткуда, он развивается в условиях «интоксикации внешними болезнетворными агентами». При условии отсутствия подкрепления советскому синдрому наступает «растерянность, боль, агрессия».²⁹¹

После крушения Советского Союза у людей – носителей советского синдрома оказались явно выражены следующие черты: низкая толерантность к неблагоприятному и слабому государству, желание поставить у власти сильного человека, культ власти, как попытка вновь обрести веру в своих вождей, кризис идентичности (обесценивание социальных чувств, разочарование в политической и социальной сферах), озлобленность и жестокость по отношению к тем, кто, находясь рядом, пытается жить иначе.²⁹²

По мнению Л. Гозмана и А. Эткинда, сильнее всего подвержены этому синдрому люди, «действия которых систематически не имели ожидаемого результата... выученная беспомощность – состояние, в котором человек чувствует бессмысленность и бесполезность любых действий, желаний и чувств. Десятилетия советской истории создали именно такую ситуацию для целых поколений советских людей. Они убеждались, что любые активные действия, направленные на изменения жизни, обречены на ужасающий провал, и даже тайные чувства, связанные с социальными ценностями, не имеют никакого смысла и лишь затрудняют жизнь... вера в демократию и права человека разбивалась о новые их нарушения».²⁹³

Л. Гозман и А. Эткинд подчеркивают, что необходима реанимация общества, в котором большинство людей овладели навыками безусловного послушания, ощущают бессмысленность протестов и социальных чувств, бегут от непривычной для них инициативы и предпринимательства. В долгосрочной перспективе такие люди представляют большую опасность для общества и развития государства в целом.

Как можно заметить, описанные выше отличительные черты «советского синдрома» до некоторой степени релевантны западной концепции «авторитарной личности», в частности, такие характеристики авторитарного синдрома как догматизм, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия. В связи с этим, предполагается, что авторитарный синдром присутствует в массовом сознании современных россиян. Соответственно, его влияние на

---

²⁹⁰ Там же: с.169.

²⁹¹ Там же: с.169.

²⁹² Там же: с.170-171.

²⁹³ Там же: с.171-172.

восприятие гражданами политической власти в стране может оказаться серьезным препятствием на пути развития демократии.

Антиподом «авторитарной личности», для которой характерными чертами являются вера в могущество политического руководства, готовность к подчинению приказам, чувство враждебности, недоверие к другим людям, нетерпимость к инакомыслию и плюрализму, догматизм, ригидность, конформизм, выступает «демократическая личность». Основными чертами демократической личности являются свобода от авторитетов, незаинтересованность в вопросах власти, интерес к общественным проблемам и желание быть включенным в эти процессы, информированность, толерантность к мнению, ценностям, убеждениям другого. Очевидно, что эти качества противоположны авторитарной личности, между тем, понятие «демократическая личность» не получило широкого распространения и встречается в единичных работах по политической психологии и политологии.

Проблематика процессов демократизации, перехода от авторитаризма к демократии, поставила вопрос о соотношении ценностей демократии, национальных институтов и политических культур. В данной связи, в научной литературе можно встретить гипотезу, согласно которой для установления и функционирования демократии в обществе, необходимым из условий является распространение «демократической личности».

В обществоведческом словаре под редакцией Н.Е. Яценко «авторитарная личность» определяется как - «тип личности, который является основой авторитарных и тоталитарных режимов в силу присущих ему черт, таких как слепое подчинение авторитету личности (партии, власти, учению), жажда власти, агрессивность, нетерпимость к инакомыслящим, низкая политическая и общая культура, политический авантюризм, неразборчивость в средствах достижения своих эгоистических целей, неинтеллигентность».²⁹⁴

В обществоведческом словаре под редакцией Н.Е. Яценко «демократическая личность» трактуется как – «тип личности, характеризующийся следующими чертами: уважительное и доверительное отношение к людям, терпимость и склонность к поискам компромиссов, высокая информированность и самостоятельность суждений, гражданственность и социальная активность, благоразумие и приверженность общечеловеческим ценностям».²⁹⁵

На сегодняшний день наблюдается дефицит концепций в политологии и политической психологии, описывающих феномен «демократической личности». В зарубежной литературе наиболее известными являются теория «современного человека» А. Инкелеса и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта.

А. Инкелес отметил следующие характеристики «modern personality»:

---

²⁹⁴ Яценко Н.Е. Обществоведческий словарь. 4 изд., испр. и доп. СПб., 2009. - С.18.

²⁹⁵ Там же: с.162

1. Открытость – открытое отношение к новому опыту, экспериментам и изменениям; отсутствие страха перед новациями, внешний мир не воспринимается как источник угроз, трудностей, страхов;
2. Секуляризм – принятие плюрализма мнений и его одобрение; деятельность должна основываться на фактах и доказательствах, а не на предубеждении вмешательства сверху;
3. Позитивизм - уважение к науке и технологиям, вера в научно-технический прогресс;
4. Меритократизм – достижение положения в обществе благодаря своим способностям и трудолюбию, а не зависит от случая; личности свойственно рассчитывать на себя, брать ответственность за свои действия, а не рассчитывать на помощь государства;
5. Рационализм – высокая ценность образования; расчетливое поведение и привычка все планировать наперед; большая ориентация на будущее и настоящее, а не на прошлое;
6. Активизм – участие в общественно-политической жизни общества; готовность к мобильности – географической социальной, культурной;
7. Национализм – идентификация с группой или нацией.²⁹⁶

Р. Инглхарт, анализируя происходящие изменения ценностных ориентаций в современных обществах, обращает внимание на происходящий «культурный сдвиг от материализма к «постматериализму». В контексте своего анализа Р. Инглхарт рассматривает возникновение реакций авторитарности и проявление авторитарного синдрома - преклонение перед авторитетами, потребность в жестком и сильном лидере, приоритет порядка, ксенофобия, нетерпимость и этноцентризм - как признак «материалистического» общества. По мнению Р. Инглхарта, в постматериалистическом обществе приоритетными становятся иные тенденции: уменьшение влияния любого типа власти (политического, экономического, научного) и авторитета традиций и условностей, менее значимым становится подчинение жестким, строгим правилам социума и религии.

Р. Инглхарт отмечает, что «постматериалисты», люди, достигшие относительно высокого уровня безопасности, могут более легко соглашаться с отклонениями от привычных образцов поведения, нежели те, кто беспокоится об удовлетворении своих базовых

²⁹⁶ Democratic personality and open-mindedness / The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by Hans-Dieter Klingemann and Russell J. Dalton, Oxford: Oxford Handbooks, 2007. Chapter 10. pp.188-190. Available at: http://www.google.co.th/books?id=0wAG_2b68nkC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false
Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues // Comparative Modernization / ed. C.E. Black. New York: Free Press, 1976. pp.320-348.

экзистенциальных нужд». Постматериалисты более толерантны, отдают предпочтение ценностям самовыражения и самоопределения человека, политического участия, свободы слова.²⁹⁷

В отечественном литературе понятие «демократический» является междисциплинарным. Сравнительно недавно, но уже прочно вошли в научный оборот словосочетания «демократический стиль управления», «демократическая коммуникация», «демократические отношения», «демократическое воспитание». В основном, понятие «демократический» характеризует качественное состояние различных сфер социально-политических взаимодействий и чаще всего рассматривается в дихотомической паре и противопоставляется понятию «авторитарный».

Диссертационное исследование С.М. Платоновой, одно из немногих, посвященное изучению демократической культуры личности, можно отнести к наиболее содержательно разработанным теоретическим научным трудам по данной проблематике.²⁹⁸

Проведение контент-анализа текстов, дающих характеристику демократическим социальным взаимодействиям различного типа, позволило С.М. Платоновой выделить компоненты демократической культуры личности (табл.1.1):

Таблица 1.1

Компоненты демократической культуры личности

«качества личности»	«ценностные ориентации»
Открытость, доверие, разумность, гибкость, диалогичность, доброжелательность, доступность, самоуправление, рефлексия	Сочетание индивидуального и коллективного начала, гуманистический идеал человека, свобода и права личности
«характер осуществляемого взаимодействия»	«деятельностная основа взаимодействия»
Партнерство, диалог, сотрудничество, взаимопонимание, уважение позиций и интересов других, коллегиальность, согласие, компромисс	Поддержка инициативы, поиск совместного решения, солидарность, взаимная ответственность, единство прав и обязанностей, единство правил для всех

Рассматривая демократическую культуру личности как тип политической культуры, С.М. Платонова выделила три основных компонента демократической культуры:

- первый – верховенство закона, признание и защита прав и свобод личности, терпимость к инакомыслию, отказ от насилия в пользу компромисса и переговоров как средств решения проблем, политическая грамотность, соблюдение установленных правил игры;

²⁹⁷ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf

²⁹⁸ Платонова С.М. Воспитание демократической культуры личности школьника в коллективной организаторской деятельности: дис....канд.педаг. наук: 13.00.01 / СПб., 2004. – 218 с.

- второй – стремление к согласию и консолидации на базе общей цели, признание интересов, убеждений и ценностей других;

- третий – участие в общественно-политической жизни общества, понимание ответственности за свои действия и решения, понимание точки зрения и интересов других, использование в качестве основных методов решений проблем – диалога и компромисса, способность отстаивать свои права, способность оценивать действия субъектов власти и функционирование политических институтов, соблюдение законов и правил.

Безусловно, перечисленные компоненты частично дублируют друг друга, но между ними существуют связи соподчинения и взаимного соответствия. Следует отметить, что в представленных компонентах демократической культуры личности как типа политической культуры больше внимания сосредоточено на аксиологической и поведенческой стороне политической культуры, тогда как мотивационная сторона исследователем значительно не выделяется.

В целом, «демократический тип» отличается от «авторитарной личности» следующими характеристиками: отсутствием стремления к подавлению других, свободой от бессознательной тревожности, открытостью мышления, терпимостью к инакомыслию и неопределенности, отсутствием этнических предрассудков, активной жизненной позицией и неконвенциональностью.

Следует отметить, что в данной работе не будем далее использовать понятие «демократическая личность», потому что это не отвечает задачам исследования. Понятие «демократическая личность» было обозначено для понимания того, что существует другой тип личности, не обладающий отличительными характеристиками «авторитарного типа».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Базовые черты авторитарной личности изучены достаточно широко и детально описаны в работах Т. Адорно, Б. Альтмейера, Дж. Дакита, однако условия возникновения и формирования авторитарной личности – вопрос дискуссионный, на него представители разных научных подходов дают разные ответы.

Изучением феномена авторитарности мышления и поведения на уровне личности и социальных групп занимались представители направления социального психоанализа (В. Райх), философии личности в рамках Франкфуртской школы (Э. Фромм, Т. Адорно), гуманистической психологии (А. Маслоу), социальной психологии (Б. Альтмейер, Дж. Дакит).

Весомый вклад в понимание авторитарного синдрома сделан Т. Адорно и его коллегами. Значимыми результатами эмпирического исследования группы ученых из Беркли было создание F-шкалы и описание девяти базовых черт авторитарной личности. В дальнейшем в

исследовательской практике стали использоваться другие шкалы измерения степени авторитарности в обществе. Три первых шкалы, которые измеряли авторитарность: Fascist Attitude Scale (Stagner, 1936), political economic progressivism (Newcomb, 1943), Unlabeled Fascist Attitude Scale (Edwards 1941). Затем появились и стали классическими шкалы: Anti-Semitism scale (Levinson and Sanford, 1944), Ethnocentrism scale (Adorno, 1950), the California F scale (Adorno, 1950). Затем в исследовательской практике использовались шкалы: Dogmatism scale (Rokeach, 1956), Balanced F scale (Christie, 1958), Balanced F scale (Lee and Warr, 1969), Authoritarianism – Rebellion scale (Kohn, 1972), Attitude toward authority scale (Ray, 1971), Right-Wing Authoritarianism scale (Altemeyer, 1981).²⁹⁹

Современная интерпретация авторитарной личности принадлежит Б. Альтмейеру. Он разработал шкалу RWA (шкала авторитаризма правого толка) для изучения комбинации авторитарных установок: авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм.

Можно выделить два основных подхода к исследованию авторитарной личности: первый интерпретирует авторитарность как характеристику отдельной личности, второй подход интерпретирует как характеристику социальной группы. Под авторитарностью как характеристики отдельной личности подразумевается набор ее когнитивных особенностей: догматизм, нетерпимость к инакомыслию и разнообразию, ригидность, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм. Под авторитарностью как характеристики социальной группы или группового сознания подразумевается представление о групповой сплоченности, представление индивида о нормативных отношениях, которые должны существовать между индивидом и группой, насколько действия индивида должны определяться его личными интересами и соотноситься с интересами и нормами группы.

В классических работах по изучению авторитарной личности были заложены перспективы для исследования связи авторитарности и восприятия угрозы реальной или воображаемой (Д. Остеррих, С. Фельдман, К. Стеннер, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст, М. Сэйлс), изучения проблемы социального доминирования (Ф. Пратто, Дж. Сиданиус, П. Хевен, С. Буччи), изучения ценностных ориентаций авторитарной личности (А. Кнафо, И. Макки, Н. Фезе, Н.А. Дьяконова), изучения авторитарности как характеристики политического поведения (М. Яновиц, Д. Марвик, Ч. Фаррис, Д. Стюарт, Т. Холт, Ф. Гринштейн, М. Сэйлс).

Современные исследования 1990-х и 2000-х годов показывают связь авторитаризма с расизмом, с негативным отношением к наркоманам, бездомным, к больным СПИДом,

---

²⁹⁹ Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. Measures of personality and social psychological attitudes. Academic Press. Harcourt Brace Jovanovich Publishers. San Diego California, 1991. pp.501-572.

защитникам окружающей среды, к нелегальным иммигрантам, гомосексуалистам, а также к представителям иных религиозных течений.

Разработанные в 1950-е годы подходы к феномену авторитарной личности с течением времени и развитием науки претерпели изменения. Критике подверглась и идея об источнике авторитарности. Исследователи подчеркивают, что особенность семейной ситуации является далеко не единственной причиной возникновения авторитарной личности, и выделяют следующие условия и факторы, способствующие формированию авторитарной личности, и оказывающие влияние на уровень авторитарности: социально-экономическая и политико-культурная обстановка в обществе, наличие реальной и сконструированной угрозы, уровень образования, профессия, тип культуры.

Существующие немногочисленные работы по исследованию авторитарности массового сознания российского общества, прежде всего, посвящены выявлению черт авторитарного характера (М. Абалкина, В. Агеев, С. МакФарланд), рассмотрению авторитарного синдрома как личностного конструкта (Л.А. Преснякова), выявлению авторитарных настроений и установок в отношении власти (Н. Джинчарадже, В.А. Самойлова, Е.Б. Шестопал, М.Ю. Урнов), изучению взаимосвязи между авторитаризмом, локусом контроля и ценностными ориентациями личности (Н.А. Дьяконова, В.В. Юртайкин), изучению роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности (Р.Ф. Базиятов).

Антиподом авторитарной личности является демократическая личность. На сегодняшний день наблюдается дефицит концепций в политологии и политической психологии, описывающих феномен «демократической личности». В зарубежной литературе наиболее известными являются теория «современного человека» А. Инкелеса и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта. Основными чертами демократической личности являются свобода от авторитетов, незаинтересованность в вопросах власти, интерес к общественным проблемам и желание быть включенным в эти процессы, информированность, толерантность к мнению, ценностям, убеждениям другого. Понятие «демократическая личность» было обозначено для понимания того, что существует другой тип личности, не обладающий отличительными характеристиками «авторитарного типа».

Обозначены методологические основы исследования взаимодействия авторитарного синдрома и политического процесса. Авторитарный синдром представлен как составная часть политической культуры переходных обществ, который оказывает влияние на развитие политического процесса в современной России. В диссертационной работе политическую культуру будем рассматривать как совокупность политических знаний, установок, ценностей, образцов поведения и действий, детерминирующих порядок и значение политического процесса. В работе политический процесс будем рассматривать в рамках политико-культурного

подхода, включая в его содержание производство и воспроизводство институциональной и политико-культурной систем. Иными словами, изменение институтов, ролей, норм, ценностных ориентаций индивидов, обуславливающие тем самым изменение политической системы и характер взаимоотношений в триаде «государство-общество-гражданин».

В исследованиях, посвященных изучению политических трансформаций, в сравнении с социально-структурными и политико-экономическими проблемами, проблемы культуры зачастую остаются второстепенными. Взгляд на культурный фактор, как на самостоятельный фактор в период политических трансформаций, способный сыграть решающую роль в переходе к демократии, не является ведущим. Внимание в диссертационной работе сосредоточено на важной проблеме взаимодействия между культурой и политикой в обществах, переживающих глубокую трансформацию. Авторитарный синдром, как составная часть культуры переходных обществ, является значимым фактором, влияющим на конфигурацию политического процесса и политической системы в целом.

ГЛАВА 2. АВТОРИТАРНЫЙ СИНДРОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Современный взгляд на исследование авторитарности в России

Интерес к проблематике политического сознания в посткоммунистических странах вызван тем, что в ситуации появления и углубления рыночных отношений, формирования демократических институтов, усиливающейся поляризации социальных групп, роста неравенства доходов, жизненных шансов и стартовых возможностей наблюдается усиление проявления авторитарности массового сознания россиян. В связи с этим актуализируется задача охарактеризовать природу авторитарности, выявить причины ее устойчивости и проследить динамику авторитарного синдрома в российском обществе.

В политической науке возрос интерес к исследованиям политического сознания и поведения граждан, столкнувшихся с политической и социокультурной трансформацией в обществе, вынужденных осваивать новые политические и культурные паттерны мышления и поведения. Речь пойдет, по преимуществу, о важной проблеме взаимодействия между культурой и политикой в процессе политической и социетальной трансформации – об актуализации и угрозе авторитарного синдрома в результате культурной травмы, порождаемой переходом. В работе предложен современный взгляд на исследование и анализ авторитарности в России. Изложен новый подход к рассмотрению авторитарного синдрома как последствия культурной травмы в результате политической и социокультурной трансформации общества.

Автор диссертационной работы в разработке теоретического концепта «авторитарный синдром» и операционализации основных его компонентов, применительно к исследованию посткоммунистической трансформации в России, опирался на исследование М. Шелера. Автор также опирается на концепцию теории культурной травмы, предложенную П. Штомпкой. Польский социолог для теоретико-концептуального объяснения посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы выделил шесть стадий травматического состояния, с помощью которых можно описать, по мнению автора, постсоветские изменения в России и по-новому взглянуть на причины устойчивости авторитарного синдрома в российском обществе и его влияния на политический процесс.

В 1912 году была опубликована работа М. Шелера «О ressentimente и моральной оценке. Исследование о патологии культуры», которая позднее была издана под измененным названием «Ресентимент в структуре моралей».³⁰⁰ Понятие «ресентимент» (фр. *ressentiment* – негодование, злопамятство, озлобление) занимает центральное место в системе взглядов М. Шелера. Он

---

³⁰⁰ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.

выделял три вида ресентимента: феноменологический, философско-религиозный и историко-социологический.

М. Шелер, наблюдая за изменениями и развитием социально-политических и культурных процессов своей эпохи, обусловленных модернизацией, капитализмом и индустриализацией общества, считал именно ресентимент скрытой движущей силой изменений, объясняющий переворот в ценностях.

Перспективность концепции ресентимента, ее потенциал, как для социально-политических исследований, так и для научно-теоретического анализа, до сих пор широко не признаны среди социологов и политологов. Роль и значение ресентимента в социально-экономических и психологических процессах представлены в работах таких современных исследователей, как Ч. Пака, А. Малинкина, А. Кравченко, П. Диденко, Ю. Беспаловой, В. Кондакова, И. Бандурина, В.А. Бачина, С. Ожиганова.³⁰¹

По мнению, Ч. Пака, в концепции ресентимента М. Шелера содержатся подходы к изучению теории действия и социологии знания, основывающиеся на философской антропологии и теории интерсубъективности.³⁰²

До недавних пор исследование ресентимента было исключительно уделом философов и психологов. Разработка автором теоретического концепта «авторитарный синдром» опирается на теорию ресентимента М. Шелера. Автор диссертационного исследования предпринял попытку использовать концепцию ресентимента применительно к анализу посткоммунистической трансформации в России, где скрытой движущей силой изменений является авторитарный ресентимент. Автором представлен механизм действия ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Таким образом, ресентимент в работе будет представлен как предмет политологического исследования, свидетельствующий о возможности актуального применения концепции М. Шелера в политологии для анализа современного политического процесса.

³⁰¹ Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/97/>; Варзоновцев Д. Ресентимент «АТАКА» или «веймарский синдром»: постановка проблемы // Политическая экспертиза: Политэкс.- 2007.- Т.3. №2.- С.200-207; Бандурина И.П. Экологические проблемы рыночного общества в рамках концепции ресентимента // Теория и практика общественного развития. -2010.- №2.- С.440-447; Бачинин В.А. Старорусский бунт 1831 года, «ресентимент» М. Шелера и «подполье» Ф. Достоевского // Человек.- 2011.- №4.- С.116-127; Диденко П.И. Ресентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7: Философия. Социология и социальные технологии.- 2012.- №3.- С.79-85; Баев П.А. К вопросу об исследовании влияния института религии на процесс социальной интеграции российского общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. -2012. -Т.61. №2.- С.162-167; Беспалова Ю.М., Кондаков Ю.А. Энтропия и ресентимент в современном российском обществе // Академический вестник. -2013. -№2 (24).- С.11-19.

³⁰² Пак Ч. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4cherun.htm>

Прежде чем продемонстрировать перспективы практического применения концепции в рамках данного исследования, следует изложить основные содержательные элементы теории ресентимента М. Шелера:

- Интенсивное переживание и последующая ответная психологическая реакция на действия окружающих, имевших (явный или затаенный) отрицательный (обидный, агрессивный, оскорбительный) характер, перенесенная на другое время и до более подходящей ситуации, иными словами, отложенное мщение;

- Долговременная психическая установка, возникающая вследствие систематического запрета на выражение человеческих эмоций и аффектов, порождающего склонность к ценностным иллюзиям;

- Перемещение ресентиментного переживания в центр личности. Постоянные мысленные возвращения личности к ресентиментному переживанию и поэтому личность лишается внутреннего спокойствия; происходит образование мощной, долговременной доминанты, некой эмоционально-психологической «клетки», из которой внутреннее «Я» не в состоянии вырваться собственными силами, ощущая при этом свою слабость, бессилие и беспомощность перед лицом истинных или воображаемых внешних враждебных сил.

- Внутреннее напряжение между аффектами — месть, ненависть, злоба, зависть, враждебность с одной стороны, и сознанием собственного бессилия, неполноценности с другой, приводит к формированию ресентимента.

- Установка на ценностное сравнение себя с другими, сопряженное с бессилием чего-то достичь или чем-то владеть, ведет к появлению ценностной слепоты или ценностной иллюзии по отношению к тому, чего объект не в состоянии достичь или иметь. Это ограничение ценностного сознания ведет к иллюзорному делению ценностей на «высокие» и «низкие», «хорошие» и «плохие» соразмерно желаниям и целям личности;

- Негативная установка, как устойчивая форма протекания переживания, имеет определенный смысл: она не возникает и не исчезает вместе с объектами – раздражителями, а скорее выискивает в вещах, действиях и вербальных высказываниях окружающих те объекты и ценностные моменты, которые удовлетворяют воображаемую месть, восстанавливают оскорбленное чувство, чувство собственной неполноценности. Такой установкой соопределяется сам процесс формирования восприятия, ожиданий и воспоминаний у личности. Ресентимент напоминает «психологическую мину» замедленного действия, которая может взорваться в любой момент.

- Деструктивность ресентиментного переживания, несущего в себе посыл явной враждебности (уязвленность, жажда мести, возмущение, негодование, гнев, зависть) по отношению к виновникам его возникновения и раздражителям.

- Способность ресентимента к относительно автономному существованию во внутреннем мире людей: «освободившиеся от своих первоначальных объектов аффекты словно сжимаются в одну сплошную ядовитую массу и образуют очаг воспаления, которое в момент, когда верхний уровень сознания становится проницаемым, начинает распространяться как бы само по себе».³⁰³

- Формирование и распространение ресентимента среди социальных общностей, индивидов, зависит как от природных способностей личности, так и от социальных структур общества. Влиянием ресентимента объясняются не только социальные взаимодействия, но и сдвиги в истории.

- Ресентимент формирует особую категорию социальных типов («ресентиментные типы»), в сознании и поведении которых все подчинено ресентиментной доминанте, независимо от разновидностей индивидуальных характеров. Выделяются два человеческих подтипа, которые различаются в зависимости от установки на силу - слабость, обладание властью - отсутствие власти.

- Ресентимент в сущности интерсубъективен, как некий интегральный комплекс социальных чувств. Он способен оказывать влияние на мировоззрение, ценностные ориентации, реальное поведение всех участников социального взаимодействия, находящихся в «ресентиментных ситуациях» - типовых критических социальных ситуациях.

- Ресентимент формируется и проявляется в конкретном социально-историческом контексте и является результатом практического взаимодействия социальных субъектов. Ресентимент аффективен и может быть внутренней причиной активных социальных действий индивидов или групп, заряжать их чувствами агрессивной враждебности, ненависти, зависти, злобы и яростного ожесточения.

- Ресентимент является антиподом систем ценностей, смыслов, норм, оценок позитивного характера. Из него формируются системы ложных семантических и аксиологических ориентиров, детерминирующих направленность поведения, и приводящие личность к ценностной слепоте и экзистенциальным тупикам.

- Ресентиментный тип мышления к «данным» и «очевидным» относит не очевидное само по себе, а то, что утверждает себя в противоположность критике и сомнениям. Образ мыслей, наделяющий отрицание и критику творческой силой. Еще одной характерной чертой является тоска по какому-то историческому периоду прошлого, основывающаяся не на притягательности и значимости для субъекта ценностей того периода, а на стремлении убежать из собственной эпохи, из-за намерения принизить настоящее.

---

³⁰³ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С.53-54.

- Человек постоянно сталкивается с позитивными явлениями – счастьем, красотой, силой духа, добром, богатством. Человека, находящегося во власти ressentimenta мучает тайное желание иметь это все, но оно осознается, как тщетное из-за чувства бессилия этим обладать, тогда возникает противоположное желание отвергнуть, игнорировать это все. С помощью ressentimenta человек освобождается от напряжения, вызванного недостижимостью этих благ и последующей девальвацией их ценности. Перевернутое ценностное чувство ложится в основу «действующей морали», приобретая силу господствующего этоса, сохраняется путем традиции, воспитания.

Суммируя вышеизложенные основные содержательные моменты концепции М. Шелера, смысл понятия ressentimenta сведем к следующему:

Рессентимент находится в определенной структуре причин и следствий. Рессентимент не только следствие внешних причин. Его отличает от других аффектов (злости, ярости) прежде всего специфика его возникновения. Рессентимент активен, т.е. идет постоянный поиск в любых вещах, отношениях, людях, тех черт, свойств, эмоций, которые вновь подпитывают и оправдывают существование мстительной установки.

Рессентимент - это эмоции негативного характера, интенции ненависти, злобы, враждебности, агрессивности.

Рессентимент - это долговременная психическая установка, возникающая вследствие задержки и переноса на другое подходящее время ответной реакции на «удар».

В основе рессентиментного переживания чувство бессилия, неполноценности, неспособности личности.

Рессентимент является источником изменения ценностей и основанных на них мировоззрения (сознание) и практических действий (поведения) личности. Под влиянием рессентимента формируется определенная установка на окружающий мир.

По отношению к концепции авторитарного синдрома теории ressentimenta М. Шелера и культурной травмы П. Штомпки могут служить чем-то вроде теоретического ключа, открывающего доступ к его новой интерпретации, и более того, применительно к отечественному политическому процессу.

Автор вслед за исследователем Ч. Паком предпринял попытку дать описательную модель ressentimenta, раскрывающую механизм действия ressentimenta, основным содержанием которого является авторитарный синдром.³⁰⁴ Механизм может быть описан через

---

³⁰⁴ Пак Ч. Рессентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4cherun.htm>

фазу возникновения, фазу формирования и развития, фазу распространения (эмансипации) авторитарного синдрома в российском обществе.

Фаза возникновения. Ресентимент возникает в определенных исторических, социально-экономических и политико-культурных условиях. М. Шелер понимает социальную среду как пространство разнообразных констелляций, где ресентимент формируется как бы независимо от индивидуальных проявлений человеческого характера, указывая на то, что он интересубъективен.

М. Шелер выделяет так называемые ресентиментные типы, которые различаются в зависимости от установки на силу - слабость, обладание властью - отсутствие власти, однако, существование которых не зависит от индивидуальных характеров. Ученый имел в виду то, что существуют типично повторяющиеся ситуации, которые как бы заряжены дозой «опасности впасть в ресентимент».

Ресентимент, по мнению М. Шелера, подвержен историческим и социальным вариациям, например: «ресентимент старой девы», «ресентимент уличной девки», «ресентимент старого поколения», «классовый ресентимент», «отступнический ресентимент». Даже в самой благоприятной социальной обстановке всегда будут появляться факторы и причины для проявления деструктивных тенденций, которые будут подпитывать ресентимент, либо же сами станут следствиями его влияния.

Автор в предыдущей главе указывал на то, что концепциям «авторитарной личности», разработанным в рамках западной науки, до некоторой степени релевантны теории отечественных авторов, посвященные социально-антропологическому типу личности, характерному для бывшего СССР.³⁰⁵ Отечественный социолог Ю.А. Левада, описывая социально-антропологический тип «человека советского», выделил несколько фундаментальных характеристик: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром.³⁰⁶ Отличительные черты – синтез принуждения и адаптации, примитивный по запросам и легко поддается управлению сверху. Такой государственно зависимый индивид ориентирован на такие формы контроля и вознаграждения, которые исходят от государства, которое играет патерналистскую и воспитательную роли. Такой тип человека разделяет эгалитаристские нормы, где доминирующими мотивами являются зависть, чувство мести, агрессия, следует упрощенным

³⁰⁵ Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии.- 1991.- №3.- С.164-173; Гозман Л.Я., Эткинд А.М. От культа властей к власти людей // Нева.- 1989.- №7.- С.156-179; Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989-1994 // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения.- 1995.- №1.- С.10-14; Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии и анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.- 1995.- №6(20).- С.14-18; Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В, 2011. - 526 с.

³⁰⁶ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. – С.13-24.

образцам, выбирает стратегию существования – выживание, минимизирует запросы с надеждой на лучшее будущее. Такой человек подозрителен к многообразию, недоверчив, пессимистичен, пассивен, индивидуально безответственен и хронически тревожен. Состояния неопределенности вызывают у него фрустрацию, агрессии. Массовые представления такого типа человека о роли государства, власти, институтов сводятся к тому, что государство и власти должны заботиться о населении, обеспечивая все его потребности, население, в свою очередь, поддерживает власть, защищает и оправдывает интересы и требования государства, принимая это как исполнение своего гражданского долга. Подобное двоемыслие приводит к тому, что с одной стороны человек терпит внешнее давление и контроль, с другой стороны – становится неспособным к самоорганизации, рационализации своего действия, готов адаптироваться к любым переменам путем снижения своих запросов.

Описание характерных черт позволяет лучше понять механизм действия ресентимента. В начале 1990-х гг. с началом посткоммунистической трансформации, в обстановке глубокого кризиса, описанные компоненты антиномии, так называемого двоемыслия превратились в дестабилизирующий фактор. То, что ранее составляло условно ценностный образец мышления и поведения, трактовалось как «хорошо» и «плохо», поменялось местами. Следуя мысли М. Шелера, ценности перевернулись, и перевернутое ценностное чувство легло в основу действующей морали. Такие явления, как недоверие друг к другу, готовность к обману, агрессия и насилие как коды поведения – все это вышло на первый план и обрело не негативные, а позитивные определения для понимания окружающего мира. Накопившийся за ряд лет груз разочарований позволил провести так называемый «переворот» в общественном мнении.

Длительное бездействие, военные неудачи, политическая нестабильность, рост преступности и безработицы, экономический и финансовый кризис, невыполнимые популистские обещания, также характерные для периода президентства Б. Ельцина механизм и стиль управления вызвали явное отторжение у граждан. Более того, способствовало формированию ресентимента у граждан такая черта деятельности Ельцина как показной антикоммунизм. Эмоциональное, декларативное, не подкрепленное критикой и последовательностью действий отрицание коммунистической системы использовалось в большей степени как инструмент самоутверждения новой демократической эпохи, нежели, например призывы к созданию демократической системы, потенциала гражданского общества. На этом фоне, согласно данным социологических опросов того периода, заметно улучшилось отношение граждан к коммунистическому прошлому, к фигурам прошлого. Естественным дополнением служат публичные поиски «виновных» в сложившейся ситуации.

Первоначальная демократическая эйфория, поддержка новых реформаторов, надежда на улучшение жизни вскоре обернулись разочарованием, фрустрацией, озлобленностью, дискредитацией новой демократической власти и всего что с ней ассоциировалось, ростом ксенофобии, социальной зависти в обществе.

Есть еще один существенный момент. Массовые ожидания преимущественно носили стабилизационный характер – наведение порядка и снижение цен, безработицы. Большинство населения было разочаровано демократией из-за изменения своего социального статуса, снижения уровня благосостояния. По мнению автора, это породило две характерные особенности, проявление которых можно наблюдать и сейчас, по прошествии двадцатилетия, в современном российском обществе. Первая особенность состоит в том, что проигрыш от изменения экономической системы, резкое обнищание, потеря сбережений способствовали формированию ресентимента - породили чувства злобы, ненависти, агрессии на фоне осознания гражданами своего бессилия что-либо исправить, беспомощности и слабости перед проблемами. Массовые экономические ожидания стали основными предпочтениями, носят популистский характер по содержанию и патерналистский – по средствам их достижения. Граждане склонны считать, что, прежде всего надо достичь материального благополучия, а уже потом демократию, соблюдать демократические принципы. Отсюда и постоянное желание государственной опеки, контроля над ценами и экономикой, улучшения уровня жизни и благосостояния.

Вторая особенность, ресентимент провоцирующий постоянное ценностное сравнение себя с другими, приводит к появлению ценностной иллюзии по отношению к тому, чего человек не в состоянии достичь. Вместо того чтобы использовать экономические возможности новой ситуации, выбрать активную стратегию адаптации, что-то делать, предпринимать, большая часть граждан, «впала в ресентимент», появилась мощная доминанта, эмоционально-психологическая «клетка», которая породила осознание невозможности граждан справиться с проблемами, чувство слабости, немощи, бессилия перед воображаемыми внешними враждебными силами. Отсюда и желание сильной руки, которая бы решала проблемы, желание иерархии, появление агрессии и ксенофобии, деление ценностей на «высокие» и «низкие», поиск врагов.

М. Шелер пишет «этого душевного динамита (ресентимента) образуется тем больше, чем больше разрыв между политическим и правовым (конституционным или соответствующим «обычаю») положением, а также публичной значимостью групп - и их фактическим

отношением к власти».³⁰⁷ Речь идет о том, что разрыв между притязаниями и ожиданиями, между «хочу» и «могу», формирует ресентимент.

М. Шелер, описывая социальный ресентимент, отмечал, что сильный заряд ресентимента заложен в социально-политической системе, где равные политические права и признанное социальное равноправие соседствуют с огромными препятствиями претворения их в жизнь, где сочетается формальное конституционное равноправие с фактической дискриминацией. В таком обществе, по мнению ученого, независимо от индивидуальных характеров и переживаний, в самой его структуре заложен мощный заряд ресентимента, «чем более фатальным кажется долгое социальное угнетение, тем менее оно способно высвободить силы для практического изменения этого состояния и тем менее ему содействует; но тем скорее оно вырождается в лишенную позитивных целей критику всего существующего».³⁰⁸

М. Шелер отметил то, что в обществе существуют формы разрядки для аффективных массовых и групповых эмоций, и, в качестве примера, называет парламентские институты, судебные органы и СМИ. В противном случае, если разрядка не происходит, возникает чувство бессилия, немощи, боязни, скованности в выражении эмоций и действий.

Следует обратить внимание на особое свойство ресентиментной критики, которое заключается в том, что любая помощь в устранении состояния, воспринимаемого как отягощающее, не приносит удовлетворения, напротив, вызывает неодобрение и раздражение, так как прекращает удовольствие, получаемое от критики объекта раздражения. Иными словами, в действительности, человек зараженный «самоотравлением души», не желает того, что выдает за желаемое, он критикует не для того, чтобы решить проблему, избавиться от раздражения, а лишь использует «критику» как предлог, чтобы высказаться, подпитать ресентимент. М. Шелер в качестве аргумента пишет следующее «кто не знает депутатов парламента, чья критика безоговорочна и безмерна именно потому, что они знают: министрами им никогда не стать».³⁰⁹

Ситуацией, заряженной ресентиментом, являются переходные периоды. Изменения приносят внутреннее удовлетворение личности, если в важнейшие переходные моменты происходит свободное отречение от ценностей специфических для предшествующих периодов, а новые ценности для наступающего этапа становятся достаточной заменой тому, что уходит. В противном случае, неприятие ценностей и только мучительные воспоминания о хорошем прошлом. Возможен и другой вариант, в переходный период происходит радикальная смена убеждений. Новые ценности еще не стали значимыми для индивида, он живет не их позитивным содержанием и пониманием, а лишь борьбой против старого порядка и старых

³⁰⁷ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С.21.

³⁰⁸ Там же: с.23.

³⁰⁹ Там же: с.23.

ценностей, ради отрицания и ниспровержения позитивного содержания прошлого, новые ценности не являются важными сами по себе. «Где такая робость перед властью — в противоположность воле к власти — становится конституциональной, критикой движет ресентимент».³¹⁰

Разрушение прежних коммунистических ценностных образцов и кодов поведения не сопровождалось серьезной работой по пониманию природы советского общества и соответствующей выработкой новых ценностей, поведенческих стратегий, новых ориентиров и общественных идеалов. Ни власть, ни общество оказалось не способно к этому. Возник ресентимент, возобладали настроения идеализации прошлого, ностальгия по былому имперскому величию, мифологизация отдельных значимых исторических событий.

Возникновение ресентимента предполагает не только определенный социальный контекст, несмотря на то, что факторы социальной структуры имеют до некоторой степени решающее значение. Речь идет об участниках социального взаимодействия, формах и способах их действий. Ресентимент, как долговременная психологическая ответная реакция предполагает действия окружающих. Ресентимент – это социальное чувство, которое существует в структуре интерсубъективности, независимо от индивидуальных характеров. Социальный контекст, который приводит к возникновению ресентимента, является интерсубъективным, например, свобода, безопасность, порядок, закон. Специфика и своеобразие ресентимента состоит в том, что он «проявляется в быстротечном движении от надежды к разочарованию, от стремления к его отрицанию, от ожидания к смущению, от желания быть в безопасности к чувству страха, от желания быть свободным к чувству угнетенности».³¹¹

Фаза формирования и развития. На этой фазе главным является понимание того, как ресентимент возник из-за внешних обстоятельств и переходит во внутреннее ресентиментное переживание личности. Условиями превращения в ресентимент является торможение и перенос ответной реакции, основанные на осознании собственного бессилия, неполноценности, немощности. По мнению М. Шелера, сознание собственного бессилия вызывает чувства страха, робости, подавленности, агрессии, ненависти, зависти, которые парализуют способность, открыто и своевременно, выражать свои чувства и действия. Возникает напряжение между стремлением к благу, вещи, к тому, чем обладает другой человек и невозможностью из-за сознания собственного бессилия этим обладать. Возникновение и развитие ресентимента обусловлено постоянным ценностным сравнением личности с другими людьми.

Ресентимент формируется там, где доминантой становится самообман. Вместо того чтобы использовать все средства для обладания вещью – «купить, украсть, отобрать силой –

³¹⁰ Там же: с.23.

³¹¹ Пак Ч. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4cherun.htm>

самообман личности, выдает ее немощь и бессилие овладеть вещью за позитивную силу и снимает возникшее напряжение. Формируется установка в результате самообмана, что другой человек или благо, которым он обладает, воспринимаются как причина необладания личностью этого блага. Для того чтобы уменьшить это возникающее напряжение, происходит переоценка ценностей. Ресентимент развивается в появлении своеобразных ценностных иллюзий для того чтобы избавиться от напряжения из-за желания чего-то и бессилием этим обладать, стремления к чему-то и немощью этого достичь.

Внутреннее напряжение иллюзорно снимается посредством ценностной девальвации внешнего раздражителя, т.е. принижение ценных качеств объекта с помощью выработки особой «слепоты» по отношению к ним, дискредитация «давящих» чуждых ценностей. «Вначале он распространяется на любые качества, действия, жизнепроявления этого человека, потом на все, что хоть как-то связано с ним – людей, отношения, даже на вещи и ситуации».³¹² Формируется универсальный ценностный негативизм, т.е. негативная установка к определенным ценностно окрашенным феноменам, независимо от их пространственно-временного проявления.

Путем девальвации объекта уменьшается напряжение между силой влечения и переживаемым бессилием, самочувствие личности улучшается, появляется ощущение собственной силы. Но подобное направление мышления развивает склонность думать, говорить и делать в расчете на других, снижается способность критически мыслить, беспристрастно оценивать.

Настоящее продолжает восприниматься гражданами в категориях кризиса, проблем, хронического развала, падении социальной морали.

Фаза распространения (эмансипации). Ресентимент не исчезает после снятия напряжения или исчезновения объекта раздражения и страдания. По мнению М. Шелера он является «живой творческой силой», которая затрагивает как мировоззренческую сферу личности, так и сферу действий. Человек во власти ресентимента определенным специфическим образом смотрит на мир, оценивает окружающих. Ресентимент наполняет действия смыслом. Для того чтобы оправдать свою систему ценностей, личность дискредитирует иные ценности окружающих, не соответствующие ее системе, что приводит заведомо к искаженному восприятию мыслей, чувств и действий окружающих.

Распространение ресентимента не ограничивается индивидуально-личностной сферой, происходит расширение действия ресентимента и круга объектов ресентимента. Вследствие действия ресентимента, формирования универсального ценностного негативизма, личность постепенно не понимает, не может объяснить чего она боится, перед чем она слаба и бессильна. Аффект освобождается от причин и от связи с конкретным объектом – человеком, вещью,

---

³¹² Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С.51.

благом. М. Шелер приводит как пример классовый ресентимент, «каждое внешнее проявление – жесты, одежда, манера говорить, ходить, вести себя, – обнаруживающее хотя бы намек на принадлежность к известному классу, сразу вызывает порывы ненависти и мести, в одних случаях, подобострастие, боязнь и страх – в других».³¹³

М. Шелер пишет о том, что ресентимент вследствие расширения своей предметной области и круга объектов начинает оказывать влияние на социальную среду, становится так называемым «коллективным ресентиментом» влияющим на социальную организацию. Ресентимент является питательной средой для конфликтов, ксенофобии и иных негативных феноменов. Живучесть ресентимента обеспечивается не только тем, что социальная структура создает благоприятную среду для него, но и тем, что он может передаваться другим поколениям посредством традиций, воспитания, символов, искусства, культуры. Если на ресентименте основаны доминирующие ценности, мнения и оценки, разделяемые большинством членов общества, тогда ресентимент канализируется через системы воспитания и образования.

В концепции ресентимента М. Шелера прослеживается идея о вездесущности ресентимента, что именно он является первопричиной многих современных негативных явлений, таких как терроризм, войны, националистические настроения, ксенофобия, массовые убийства. Ресентимент представляет собой общественную атмосферу, социальный фон, на котором возникают личностные, социальные, государственные и международные проблемы.

П. Штомпка описывая свою концепцию культурной травмы на примере стран Восточной Европы, в особенности, Польши, так же обращает внимание на некое культурное напряжение, вызванное социально-экономическими и политическими изменениями и которое породило посткоммунистическую травму.

Автор, опираясь на концепцию П. Штомпки, рассматривает авторитарный синдром как следствие культурной травмы, полученной обществом в ходе социокультурной трансформации. П. Штомпка выделил шесть стадий травматического состояния, с помощью которых можно описать постсоветские изменения в России:

I стадия: благоприятные структурные и культурные предпосылки. Общество теряет гомогенность, согласованность и стабильность, в нем быстро возникают и распространяются конфликты и противоречия на всех структурных и культурных уровнях организации. В России это состояние стагнации советской экономики, явное экономическое и технологическое отставание от Запада, огромный государственный долг, угроза утраты статуса великой державы, обесценивание промышленного и военного потенциала. Коренной перелом во всех сферах жизни: работа, отдых, потребление, образование, участие в политике, религиозность.

---

³¹³ Там же: с.52.

II стадия: травматическое событие или ситуация. В России это крах советской империи и исчезновение накоплений, обнищание населения, приостановка предприятий, стремительный рост безработицы, статусная деградация, рост преступности, кризис систем здравоохранения и образования.

III стадия: травматическое состояние общества. Травматическая ситуация может реально существовать, но не проявляться до тех пор пока на нее не наклеят ярлык общественной проблемы. Травматические ситуации перерастают в травматическое состояние благодаря интерпретативным действиям людей-агентов или СМИ. Люди-агенты способствуют активации либо нейтрализации травматической ситуации. Одними травматические события воспринимаются разрушительно, а для других они полезны и желательны. Разную чувствительность и восприимчивость к травмам П. Штомпка объяснил через дифференциацию доступа к фонду культурных паттернов и интерпретации. Одни группы обладают более высокой способностью восприятия и интерпретации травмы, тогда как другие не располагают реальными средствами преодоления кризисной ситуации или борьбы с ней. Решающим фактором преодоления травмы является наличие у личности социального, культурного и образовательного капиталов.

IV стадия: формирование новой культурной системы. Появление новых демократических институтов в ситуации нехватки или скорее отсутствия людей, готовых действовать в новых политических, организационных и культурных контекстах, столкновение несовместимых культур, спровоцировали активацию авторитарного синдрома в постсоветской России. У тех, кто оказался несовместимым с новой средой наблюдается высокий уровень фрустрации с доминирующей установкой на подозрительность ко всему.

V стадия: посттравматическая адаптация. Посттравматическая адаптация предполагает использование либо активной стратегии преодоления трудностей, либо, напротив, стратегии примирения с ними. Р. Мертон предложил модели адаптации индивидов к реалиям общества, к активной адаптации относятся инновация (креативный класс) и бунт (лидеры экстремистских группировок), к пассивной – ритуализм и ретретизм (бомжи). Пассивные стратегии адаптации, оказавшиеся доминирующими в российском обществе, усугубляют последствия травматических событий и способствуют устойчивости проявления авторитарного синдрома.³¹⁴

Другой аспект, на который следует обратить внимание - у российского правящего класса не оказалось ресурсов, опыта и достаточного уровня знаний позитивной интерпретации последствий распада страны, рационализации травмирующих событий, элита лишь интерпретировала перемены в лозунгах «Голосуй или проиграешь», «Да-Да-Нет-Да», «Партия, дай порулить».

³¹⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – 873 с.

VI стадия: преодоление травмы. Завершающая фаза преодоления травмы, по сути, должна совпадать с окончанием переходного периода. По мнению П. Штомпки, средствами преодоления культурной травмы, наряду с наличием высокого уровня образования, являются уровень толерантности, релятивистские взгляды и наличие больших социальных связей, которые служат амортизаторами травм.

Что считать преодолением травмы или завершением «переходного» периода? Какие политико-экономические и социокультурные изменения констатируют преодоление культурной травмы и формирование новой культурной системы? Проблема определения остается нерешенной из-за отсутствия надежного критерия оценки.

Демократические перемены советским обществом были встречены с восторгом и энтузиазмом, была создана в обществе демократическая инфраструктура. Но после восторгов появляется «похмельный синдром» следующего утра, и доверие к демократическим политикам и демократическим институтам начинает неуклонно снижаться. На уровне повседневности, меньшая часть населения оказалась преуспевающей в новых условиях, способной использовать появившиеся возможности. Большая часть общества потеряла прежний социальный статус и негативно воспринимала перемены. Именно среди этой части населения стал активироваться один из психологических механизмов защитной реакции на вызовы среды – авторитарный синдром - внутренне мотивированное или внешне индуцированное «бегство от свободы» в пользу отношений патерналистского типа.

В обществах, переживающих политическую или социетальную трансформацию, наблюдается всплеск ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Иными словами, речь идет о всплеске отторжения формирования новой культурной системы на ценностном, когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Причин для активации авторитарного синдрома может быть много – неэффективность власти, рост социального неравенства, коррупция, ухудшение материальных и статусных характеристик жизни, разрушение привычной ткани повседневного бытия в сочетании с необходимостью приспособляться к новым, незнакомым и более сложным условиям – словом, все обстоятельства, способные привести к крушению иллюзий и надежд и тем самым породить фрустрацию.

П. Штомпка выделил симптомы травмы, которые распространяются в обществе в результате травматического события, переоценки прошлого, роли людей, значимости событий:

- Недоверие к институтам власти;
- Недоверие к государству из-за нарушения традиции эгалитарного патернализма;
- Мрачный взгляд на будущее, страх неопределенности результата перемен;

- Ностальгия по прошлому, особенно, с точки зрения оценки уровня благосостояния;
- Доминирующими являются чувства тревоги, недоверия, пессимизма и апатии;
- Политическая апатия населения, низкая гражданская инициатива.³¹⁵

Таким образом, произошла активация авторитарного синдрома в результате травматического события – распада коммунистической политической системы. Травматическая ситуация, связанная с крахом советского государства и прежней экономической системы, ревизией традиций прошлого, нарушением привычного образа жизни, мышления и мировосприятия своих/чужих, привела к актуализации авторитарного синдрома, и в особенности отдельных его компонентов.

Травма распада советского государства, сознания, внезапный крах великой и непобедимой державы, которая компенсировалась настроениями и убеждением в том, что мы бедные, мы маленькие, но зато великая держава была, нас все уважали и боялись. М. Шелер подчеркивал, что основе возникновения ресентимента чувство мести и стыда. В посткоммунистической России стыд возник из-за того, что большая страна имеет неисчерпаемые огромные ресурсы, а большая часть населения живет в бедности. Грубость нравов, хамство власти и ощущение зависимости подпитывают авторитарный ресентимент.

В отличие от Т. Адорно, Б. Альтмейера, Дж. Дакита, авторов классических работ по теории авторитарной личности, где авторитарный синдром определяется через специфические черты характера личности, в данном диссертационном исследовании авторитарный синдром рассматривается как политико-аксиологический феномен, который является частью (компонентом культуры) культуры переходных обществ и оказывающий влияние на развитие постсоветского общества.

Аксиологический компонент включает наличие определенной специфической системы ценностей. Система ценностей побуждает субъекты политики к формированию моделей политического поведения, через которые авторитарный синдром институционализируется в политическом процессе, определяет форму взаимодействия государства и общества, восприятие власти, политических институтов. Авторитарный синдром представляется как динамично развивающаяся система, которая с одной стороны влияет на политический процесс, с другой – под влиянием реформ приобретает новые качества, что обеспечивает его живучесть и устойчивость.

Авторитарный синдром, с одной стороны, система ценностей, с другой – синтез значимых политических характеристик субъекта политической системы, который оказывает

³¹⁵ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования.- 2001.- № 2.- С.8-9.

влияние на политический процесс. Таким образом, авторитарный синдром можно считать одним из факторов развития политического процесса. Авторитарный синдром присутствует в массовом сознании, несет образец политического поведения и определяет развитие и перспективы общества и государства. В данной связи, авторитарный синдром рассматривается как неформальный (неинституционализированный) фактор политического процесса, обуславливающий деятельность институтов государственной власти.

Авторитарный синдром, будучи составной частью политической культуры переходных обществ, характеризуется как единство компонентов, вносящих определенный порядок и значение в политический процесс. Авторитарный синдром является коррелятом конкретно-исторических общественных ситуаций. Авторитарный синдром – это комплекс групповых и индивидуальных ценностей, которые регулируют и конституируют политическое поведение индивидов. Регулятивная сторона реализуется в нормах, ценностях, ограничивающих поведение индивидов, а конституирующая сторона насыщает политическое действие содержанием, что помогает индивидам понимать ситуацию и соотносить свои действия и ожидания с другими. В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, ресентимент, основным содержанием которого является авторитарный синдром, исполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

Авторитарный синдром активизируется в условиях кризиса. На первый план выходят аксиологические моменты, отсюда и культивирование ценностей силы, авторитета, иерархии в основе общества, деятельности институтов, государства. Распространенность данного феномена в современной России во многом связана со специфической реальностью трансформирующихся обществ, прежде всего, неразвитыми институтами, слабой правовой культурой, возросшей аномией. Устойчивость и распространенность авторитарного синдрома в трансформирующихся общества может быть объяснена как следствие того, что индивид отдает предпочтение инструментальным ценностям - безопасность, минимизация усилий, социальные гарантии, а не внутренним - профессиональное развитие, социальная репутация, призвание, саморазвитие, самоутверждение. Более того, в такие переходные периоды доминируют групповые нормы, ценности и нормы группы к которой принадлежит индивид или с которой он себя идентифицирует. Коллективные представления выступают не только как значимые ценности, но и как общественные запросы, что придает им общенациональную значимость.

Следует обратить внимание, что в основе действия механизма авторитарного синдрома принцип «стимул-реакция». Вне ситуации авторитарный синдром не проявляется. Реальные объекты или процессы – политические, экономические, социальные – выполняют роль

спусковых механизмов для выброса авторитарного ресентимента, для вызова людей к действиям. Более того, восприятие информации под влиянием авторитарного синдрома осуществляется в соответствии с поведенческой схемой «стимул - политико-культурная установка - реакция». Деятельность политических институтов, власти, функционирование государства рассматриваются через призму авторитарного синдрома и таким образом легитимизируются общественно-политические процессы.

Понятие авторитарного синдрома дает возможность описать характер отношений индивидов и социальных групп к власти, политическому участию, проанализировать характер функционирования политической системы, политического процесса, деятельности основных политических институтов.

Авторитарный синдром, как система, имеет свои функции: адаптивная, стимулирующая, установочная, идентификационно-интегрирующая, ориентационная, компенсационно-регулирующая, конституционно-интегрирующая.

За 60 лет прошедших с момента публикации книги Т. Адорно «Авторитарная личность», концепция авторитарного синдрома существенно изменилась. Наука перешла от психологической интерпретации причин появления авторитарного синдрома у личности к политико-культурологической трактовке, включающей не только типичные психологические характеристики авторитарной личности, но и разделяемые ее ценности, установки, политические предпочтения, а также образцы социального и политического поведения.

Авторитарный синдром с той или иной степенью выраженности присутствует в культурах тех стран, которые переживают процессы демократизации. Более того, многочисленные исследования авторитарности зарубежных и отечественных исследователей позволяют говорить о том, что базовые компоненты авторитарного синдрома остаются неизменными при преобразовании политико-культурных контекстов.

Выделим наиболее существенные характеристики авторитарного синдрома:

- Невысокая ценность личной свободы по сравнению с ценностью принадлежности к ин-группе, т.е. явное преобладание чувства зависимости индивида от группы над чувством индивидуальной свободы; поведение объясняется с точки зрения групповых норм, обязательств, ролевых позиций и целей группы, тогда как личные потребности, права и способности приоритета не имеют; успех приписывается помощи, полученной от других, тогда как неудачи приписываются внешним факторам;
- Гипертрофированная склонность к иерархичности, признанию безусловных авторитетов; статусно-асимметричные отношения считаются нормальными и естественными;

- Убеждение, что «естественным» типом отношений внутри группы являются отношение господства / подчинения, отношения неравенства, признание значимости распределения в соответствии с властными полномочиями; соблюдение субординации по отношению к власти имущим своей группы и демонстрация превосходства по отношению к представителям аут-групп;
- Убеждение, что группа, с которой индивид себя идентифицирует, находится в недружественной внешней среде, где также «естественным» типом отношений внутри группы являются отношение господства / подчинения, отношения неравенства; осознание наличия общей угрозы со стороны внешних групп повышает значимость групповых целей как регуляторов поведения; действия скорее должны быть «правильными», соответствовать принципам, чем быть ориентированными на достижение «истины»;
- Отрицание универсальности нравственных норм, двойная мораль (одна для «ин-группы», другая для «аут-групп»);
- Отрицание многообразия ценностей, правил и норм (нетерпимое отношение к мнению тех, кто думает не как большинство, лучше действовать традиционными, проверенными жизнью способами);
- Социальная ксенофобия, проявление агрессивной нетерпимости к меньшинствам;
- Доминирующими оказываются ценности: безопасность, подчинение, долг, персонализированные отношения, самопожертвование ради целей ин-группы;

С учетом целей диссертационного исследования выделим политико-аксиологические компоненты этого синдрома, учитывая политико-культурные особенности России:

1. Установка на этатизм (значительная роль государства; государство должно контролировать экономику и рынок);
2. Установка на патернализм (патерналистские ожидания в экономической и социальной сферах); государственные социальные программы необходимо всячески поддерживать, даже ценой некоторого сдерживания частной инициативы в экономике; государство должно заботиться о благосостоянии каждого своего гражданина;
3. Установка на эгалитаризм (принятие иерархического характера отношений, иерархической властной вертикали, отвергается лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии; в государстве не должно быть резкого разделения на богатых и бедных; не следует допускать слишком большого разрыва в условиях жизни различных людей и общественных групп);

4. Великодержавность (отношение граждан к месту России на международной арене; наличие «внешних» врагов государства);
5. Установка на порядок в противоположность установке на свободу (свобода противопоставляется порядку и стабильности); предпочтение порядка демократическим правам и свободам, неприятие принципов многопартийности, разделения властей, политической конкуренции, необходимости политического участия; необходимость наведения порядка в стране оправдывает некоторое ограничение политических свобод; лучше больше порядка и меньше свободы;
6. Потребность в сильном лидере (готовность воспринимать носителей власти как отцов, людей обладающих безусловным авторитетом; потребность в сильном лидере, которому люди верят больше, чем в законы и политические программы; предпочтение жесткого, авторитарного стиля политического управления и особо уважительное отношение к фигуре сильного лидера, наряду с пренебрежением к либеральным ценностям, плюрализму).
7. Неверие в собственные силы, нежелание проявлять самостоятельность в принятии политически важных решений, недоверие к внешнему миру; иерархизация властных отношений;
8. Склонность к ксенофобии (ксенофобию можно считать компонентом авторитарного синдрома, а высокую степень ее распространенности в обществе – критерием того, что общество подвержено авторитарности. Ксенофобия – дословно, «боязнь чужих», объединяет в себе такие черты авторитарности как агрессия, вымещающаяся на национальных меньшинствах, страх, а также традиционность и негибкость мышления, выражающиеся в восприятии всего инородного как источника угрозы, в первую очередь, угрозы в адрес идентичности носителей авторитарного сознания);
9. Склонность к проявлению националистических настроений (люди коренной национальности должны иметь больше прав; только люди русской национальности могут развивать и сохранять русскую культуру).

2.2. Влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России

Анализ политических процессов в современной России указывает на тенденцию нарастания в общественном сознании авторитарности. Специфика сложившейся ситуации состоит в том, что сокращение политической конкуренции, изменение системы выборов, препятствия на пути установления многопартийности, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса к государству, ликвидация некоторых элементов прямой демократии, в целом, соответствовали общественному запросу на авторитаризм и патернализм.

В последнее десятилетие политическая система России пережила очередной этап трансформации, содержанием которой являются создание федеральных округов, новый порядок формирования Совета Федерации, изменение избирательного законодательства, увеличение сроков полномочий президента и депутатов ГД ФС РФ, принятие поправок к закону «о некоммерческих организациях». За этот период был принят целый пакет мер, направленных на изменение политической системы. Их подготовка и осуществление породили определенные явные и неявные эффекты, ситуативные и структурные, которые необходимо зафиксировать и проанализировать.

Несомненно, это объясняется рядом факторов, среди которых то обстоятельство, что действующий президент РФ опирается на поддержку общественного мнения.³¹⁶ Результаты опросов Левада-центра свидетельствуют о поддержке политического режима и проводимой президентом политики. В первые месяцы третьего президентского срока В. Путина принятые законы о гигантских штрафах за нарушения на митингах, возвращение в Уголовный кодекс статьи о клевете (табл.2.1), создание реестра запрещенных сайтов (табл.2.2) и введение понятия «иностранный агент» для некоммерческих организаций (табл.2.3), находят поддержку среди каждого четвертого опрошенного гражданина,³¹⁷ и были восприняты как стремление власти превратить Россию в великую и экономически благополучную державу. Каждый третий респондент считает, что власть, таким образом, наводит порядок в стране.³¹⁸ У граждан сформировался запрос на порядок, а патернализм по-прежнему главенствует в обществе.

Таблица 2.1

³¹⁶ Пресс-выпуск «Октябрьские рейтинги одобрения, доверия и положения дел в стране, значимые события месяца». 24.10.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-10-2012/oktyabrskie-reitingi-odobreniya-doveriya-i-polozheniya-del-v-strane-znachimye-sobytiya-me>; Пресс-выпуск «Власть в стране». 28.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-08-2012/vlast-v-strane>

³¹⁷ Иванов М. России запросили строгий режим // Газета «Ъ». 28.07.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1990744>

³¹⁸ Пресс-выпуск «Россияне теряют страх перед популярным Путиным». 24.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-08-2012/rossiyane-teryayut-strakh-pered-populyarnym-putinyim>

По данным Левада-центра, летом 2012 года в России ответы на вопрос, «Как вы относитесь к возвращению в уголовный кодекс «закона о клевете», исключенного из него полгода назад?», распределились следующим образом:³¹⁹

Целиком положительно	19%
Скорее положительно	39%
Скорее отрицательно	15%
Резко отрицательно	5%
Затрудняюсь ответить	22%

Таблица 2.2

По данным Левада-центра, летом 2012 года в России ответы на вопрос, «Как вы относитесь к принятию закона о регулировании интернета/составлению списка запрещенных интернет-сайтов?», распределились следующим образом:³²⁰

Целиком положительно	28%
Скорее положительно	34%
Скорее отрицательно	11%
Резко отрицательно	6%
Затрудняюсь ответить	22%

Таблица 2.3

По данным Левада-центра, летом 2012 года в России ответы на вопрос, «Как вы относитесь к ужесточению закона о некоммерческих организациях, требованию, чтобы те из них, которые получают средства из-за рубежа, регистрировались в качестве «иностранных агентов»?», распределились следующим образом:³²¹

Целиком положительно	17%
Скорее положительно	28%
Скорее отрицательно	14%
Резко отрицательно	4%
Затрудняюсь ответить	37%

Высокая популярность Владимира Путина лежит в основе конфигурации властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. Этот фактор оказывает существенное влияние на легитимацию политической системы в целом и на перспективы эволюции политического режима.

³¹⁹ Пресс-выпуск «Отношение к законодательным инициативам последнего времени». 01.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/01-08-2012/otnoshenie-k-zakonodatelnyim-initsiativam-poslednego-vremeni>

Опрос был проведен 20-23 июля 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же.

Развивая веберовскую типологию легитимности с учетом реалий второй половины XX века, американский политолог Д. Истон внес существенный вклад в обоснование проблемы легитимности власти, предложив три типа легитимности политической власти: идеологический, структурный и персональный. Его классификация оказалась востребована в рамках исследований посткоммунистических трансформаций стран Восточной Европы и России³²² и более пригодной для анализа массовых феноменов.

В книге Д. Истона «Системный анализ политической жизни»³²³ представлена таблица типов легитимности, которые взаимосвязаны между собой и создают основу легитимации власти в обществе. В диссертации эта таблица была дополнена столбцом (табл.2.4), в котором указаны «слабые места» каждого из трех типов легитимности, которые могут привести к делегитимации.

Таблица 2.4

Типы легитимности

Источник легитимности	Объекты легитимности: режим/власть	«Слабое место»
Идеология	Идеологический	
	Убеждение граждан в истинности политических ценностей и норм существующей системы, в обоснованности политического режима и распределения властных ролей;	Перенесение базовых ценностей одной политико-культурной системы на почву другой; Сильная социальная поляризация; Ценностный диссонанс;
Структура	Структурный	
	Убеждение граждан в ценности структуры и норм политического режима, распределении властных ролей;	Противоречивость или конфликтность в осуществлении властных ролей (например, структура отношений, сложившаяся между законодательной и исполнительной властью, выражающаяся в стремлении одной ветви власти подчинить себе другую или в наделении исполнительной власти функциями законодательной);
Личные качества	Персональный	
	Убеждение граждан в обоснованности возложенных на конкретное политическое лицо выполняемых им властных ролей. Речь о соответствии личных	Юридически—правовые основания выполнения властным лицом властных функций; Смена власти;

³²² Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России. / Отв. ред. Ланцов С.А., Елисеев С.М. СПб.: СПбГУ, 1995. - С.86-118; Haerpfer C.W. Support for democracy and autocracy in Russia and the Commonwealth of independent states, 1992-2002 // International Political Science Review. 2008. Vol.29. No.4. pp. 411-431.

³²³ Easton D. A system analysis of political life. New York, 1965. p.287.

	характеристик требованиям, возлагаемым на него властной ролью;	
--	--	--

Согласно Д. Истону легитимность обеспечивает принятие и подчинение власти, согласие с ее требованиями. Легитимность выражает тот факт, что индивид в явной или не явной форме воспринимает политический объект как соответствующий его собственным принципам. Тем самым между властью и индивидом устанавливаются определенные социально-психологические отношения, основывающиеся на определенном ценностном консенсусе. Индивид воспринимает политическую власть как «свою», как действующую в его интересах. Это нивелирует в его сознании негативное отношение к власти и формирует установку или убеждение на поддержку власти. Вера в легитимность власти формирует убеждение в том, что правительство будет действовать в соответствии с выраженной им волей, что индивид сам способен оказывать влияние на власть посредством легально установленных каналов.³²⁴ В диссертационной работе автор опирается на сформулированное Д. Истоном определение легитимности.

Д. Истон создал функциональную концепцию легитимности власти, что позволило измерять ее эмпирическим путем. Идеологический тип легитимности основывается на поддержке базовых ценностей и норм существующей политической системы. При изучении идеологического типа внимание сосредотачивается на ценностных ориентациях, формирующих отношения между властью и обществом, устанавливающих между ними согласие или расхождение относительно целей и методов развития общества.

Структурный тип базируется на убеждении граждан в том, что существующие политические институты и юридические нормы вполне удовлетворительны и эффективно решают стоящие перед обществом задачи. Исследование структурного типа легитимности предполагает изучение в массовом сознании граждан легитимности политических институтов данного общества, самого политического режима в целом, механизмов реализации власти в обществе, разделение властей.

Персональный тип легитимности связан с доверием граждан к конкретному политическому лидеру. Персональный тип может быть исследован через оценку граждан деятельности политического лица. Это может находить свое отражение в опросах общественного мнения, в рейтингах популярности. В любом случае оценка политического лидера будет предопределяться базовыми ценностями и нормами, которые разделяют граждане, и которые объединяют их с существующим политическим режимом.

³²⁴ Там же: pp.63-78.

Все три типа легитимности взаимосвязаны между собой и создают основу легитимации власти в обществе. Сама же легитимация власти в современном обществе означает быть в соответствии с ценностными предпочтениями граждан, которые носят в соответствии с концепцией Д. Истона устойчивый и долговременный характер.

В результате крушения коммунистической системы идеологические принципы легитимации, по терминологии Д. Истона,³²⁵ оказались дискредитированы. В тоже время формирование структурной легитимности не произошло по причине отсутствия ряда необходимых условий – действенной системы разделения властей, политической оппозиции, института многопартийности, независимых СМИ и ясного понимания гражданами необходимости наличия и функционирования этих политических институтов.

В России сложился механизм персональной легитимации политической системы, который выражается в высоких и стабильных показателях популярности президента. Персональный тип легитимности связан с серьезными рисками для стабильности политической системы и оказывает существенное влияние на перспективы эволюции политического режима в структурный тип легитимации власти. Британский исследователь Р. Роуз подчеркнул, что «чем больше вклад Путина в обеспечение массовой поддержки существующего в России политического режима, тем выше вероятность потрясений после его ухода с этого поста».³²⁶

Необходима постепенная трансформация персональной легитимности президента Российской Федерации в структурную (по Д. Истону) легитимность президента РФ, кто бы не занимал этот пост в будущем.

Не В. Путин создал авторитарный режим³²⁷ в России, а специфика сложившейся ситуации состоит в том, что сокращение политической конкуренции, изменение системы выборов, препятствия на пути установления многопартийности, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса к государству, ликвидация некоторых элементов прямой демократии, постсоветская политическая культура, продолжительный экономический кризис и неудачные реформы, в целом, соответствовали общественному запросу на авторитаризм и патернализм и, предопределили приход к власти В. Путина на волне народной надежды на лучшее.

Известный политолог Р. Пайпс пишет: «Антидемократические, антилиберальные шаги администрации президента не навязываются российскому народу, а пользуются его поддержкой. Популярность президента В. Путина и одобрение его политики обусловлены тем, что он восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство,

---

³²⁵ Easton D. A system analysis of political life. New York, 1965. 507 p.

³²⁶ Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol.23. No.2. pp. 97-117.

³²⁷ Под авторитарным режимом автор будет понимать такой характер отношений власти и общества, где ограниченный и контролируемый плюрализм, отсутствие политической мобилизации, оппозиции и политической конкуренции, низкий уровень политического участия, ограничены политические права и свободы граждан.

где граждане освобождены от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов».³²⁸

В данной связи важным является исследование влияния компонентов авторитарного синдрома в условиях постсоветской социально-политической трансформации на процесс легитимации различных органов и институтов государственной власти, начиная с распада СССР, в частности, на установление и поддержание персонального типа легитимации.

Отношение граждан страны к институтам государственной власти является важным элементом легитимности политического режима и предопределяет степень устойчивости политической системы страны к вызовам разного рода. Легитимная власть является таковой, когда соответствует ценностным ориентациям граждан, поэтому источник легитимности исходит из народа, из ценностей, норм, стереотипов общественного сознания.

Чтобы понять каковы перспективы трансформации российского политического режима, а именно перехода персонального типа легитимности в структурный, необходимо проанализировать компоненты авторитарного синдрома в их динамике, присутствующие в массовом сознании российских граждан.

Детальное исследование трех типов легитимности политической системы не входит в задачи исследования, остановимся на некоторых существенных моментах применительно к анализу перспектив эволюции персонального типа легитимности в России, фиксируя проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, которые подтверждают доминирование персонального типа легитимности российской политической системы, и демонстрируют неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности.

В условиях, когда новые институты только формируются, когда будущее трудно предсказуемо, граждане надеются на волевые, «харизматические» качества политических лидеров, на людей, которые способны взять на себя ответственность за происходящее в стране. В переходных обществах именно легитимность отдельных политических руководителей играет важнейшую роль в легитимации власти в целом. Формируются отношения между властью и обществом, устанавливается между ними согласие или расхождение относительно целей и методов развития общества.

Для стабильного развития общества необходимо чтобы цели, реализуемые политической элитой, совпадали с ценностями большинства населения. В данной связи необходимо учитывать связь между социально-экономическими и политико-культурными изменениями в обществе и ценностными ориентациями основных социальных групп. В ситуации

---

³²⁸Пайпс Р. Бегство от свободы: что думают, и чего хотят россияне // Иносми. 01.06.2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20040601/210029.html>

несовпадения, в обществе растет социально-психологическая напряженность, которая может найти выход в политической сфере в виде различного рода протестных и экстремистских действий.

Высокая популярность В. Путина лежит в основе конфигурации властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. В связи с этим, проблема выделения оснований популярности президента, лежащих в основе механизма персональной легитимации постсоветской политической системы, привлекла внимание целого ряда исследователей. Исследователи выдвинули ряд гипотез, содержащих культурное (авторитарные традиции политической культуры), неоинституциональное (решающим фактором признается оценка эффективности политического курса руководства страны) и коммуникационное (учитывающее важную роль СМИ в формировании легитимности государственных органов власти, в частности, президентской власти) объяснения оснований популярности президента России.³²⁹

Исследователи У. Мишлер и Дж. Уиллертон выделили два варианта объяснения президентской популярности: культурный и неоинституциональный. По их мнению, к числу культурных предпосылок популярности президента В. Путина относятся авторитарная политическая культура (укорененность в массовом сознании россиян авторитарных ценностей) и отсутствие опыта успешного политического руководства в условиях демократического политического режима. «Культурная теория, - утверждают они, - интерпретирует первоначальную популярность Б. Ельцина и В. Путина как следствие общественной поддержки сильных лидеров, стремящихся укрепить национальную гордость россиян, особенно в условиях политического и экономического беспорядков».³³⁰

В пользу этой версии говорит тот факт, что массовое сознание видит в президенте В. Путине «отца всех побед» и относит неудачи на счет правительства или иных институтов государственной власти. Особенно отчетливо проявляется эта специфичность российского массового сознания в ответах на вопросы: «Кому принадлежит основная заслуга за последние повышения зарплат, пенсий, пособий, в успехах России на международной арене, в росте благосостояния граждан?» (табл.2.5) и, соответственно, «На ком лежит основная ответственность за последние повышение цен, рост стоимости жизни, за проблемы в стране?» (табл.2.6). Данные опросов, проведенные Левада-центром в 2001-2013 гг., показывают,

³²⁹Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС.- 2006.- №3.- С.67-74; Mishler W., Willerton J. The dynamic of presidential popularity in post-communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice // Journal of Politics. 2003. Vol.65. No.1. pp.111-141; Кейзеров Н.М. Доктрина персонализации власти // Социс. - 1990.- №3.- С.79-87; Башкирова Е., Лайдинен Н. Президент: феномен общественной поддержки // Социологические исследования.- 2001.- № 9.- С.29-36; White S., McAllister I. Putin and His Supporters // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No.3. pp. 383-399.

³³⁰ Mishler W., Willerton J. The dynamic of presidential popularity in post-communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice // Journal of Politics. 2003. Vol.65. No.1. p.112.

что 55-62% опрошенных респондентов в повышении своего благосостояния видят заслугу президента В. Путина, и только 12-30% - правительства России. С вопросом об ответственности – ситуация диаметрально противоположная: 26-49% опрошенных россиян винят правительство и 18-29% - президента страны.³³¹ Ситуация более чем за десятилетие практически не изменилась, что свидетельствует о крайней устойчивости в массовом сознании представления о «хорошем президенте» и «плохих министрах», которым приписываются все промахи и неудачи.

Данные социологических опросов Левада-центра за 2008-2012 гг. показывают, что когда В. Путин занимал пост премьер-министра, 42-59% опрошенных россиян в повышении своего благосостояния и уровня жизни видели заслугу именно Председателя правительства России В. Путина, тогда как ответственность за проблемы в стране и рост стоимости жизни разделяется между правительством (30-38%) и непосредственно Председателем правительства В. Путиным (19-51%).³³² Эти данные свидетельствуют о том, что В. Путин, как глава исполнительной власти, нес ответственность за страну, но в сознании российских граждан глава правительства и институт исполнительной власти мало связаны друг с другом.

Таблица 2.5

Мнения россиян о том, кому принадлежит основная заслуга за экономические успехи России, рост благосостояния населения, 2008-2012 гг., %³³³

	2008	2009	2010	2011	2012
Президенту Д. Медведеву	26	11	33	30	11
Председателю Правительства России В. Путину	42	52	44	38	59
Правительству России/министрам	25	12	14	16	12
Губернатора/местной власти	4	2	5	7	3
Затруднились ответить	11	16	14	17	13

Таблица 2.6

³³¹ Пресс-выпуск «Власть в стране». 28.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-08-2012/vlast-v-strane>

Опрос проведен в период с 17 июля по 21 августа 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%; Данные результатов социологических исследований за 2013 год были взяты из Ежегодника «Общественное мнение-2013».

³³² Общественное мнение - 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013. М.: Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/>

³³³ Общественное мнение – 2009. М.: Левада-Центр, 2009. С.75; Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012. С.79.

В данных выпусках помещены материалы социологических исследований общественного мнения, проведенных Левада-центром. Объем выборки: 1600 человек.

Мнения россиян о том, на ком лежит основная ответственность за проблемы в стране и рост стоимости жизни?», 2008-2012 гг., %³³⁴

	2008	2009	2010	2011	2012
Президенту Д. Медведеву	20	23	36	41	19
Председателю Правительства России В. Путину	19	17	31	29	51
Правительству России/министрам	38	36	30	40	31
Затруднились ответить	10	18	14	10	11

Более того, по результатам опроса, проведенного Левада-центром, у В. Путина выросло бремя ответственности, по мнению 51% опрошенных россиян он несет ответственность за проблемы в стране.³³⁵ Владимир Путин стабильно незаменим, так продолжает считать большинство опрошенных россиян – 56%.³³⁶

Другой подход к объяснению высокой популярности президента В. Путина – неинституциональный. Подход базируется на концепции рационального выбора, где решающим фактором в динамике популярности двух российских президентов является оценка гражданами эффективности политического курса, учет выполнения правительством политических и экономических требований граждан.

В рамках этой теории резкое падение популярности президента Б. Ельцина в середине 1990-х гг. было обусловлено, прежде всего, экономическим кризисом, который повлек за собой резкое снижение средних доходов населения страны, фактически обнищание населения.³³⁷ По данным академика Д. Львова, среднемесячная заработная плата россиян в сопоставимых ценах в 1991 году составляла 598 рублей в месяц, а в 1998 году – только 198 рублей, получается, что произошло снижение зарплаты в 3 раза. В 1995 и 1998 годах специалистами было отмечено наибольшее падение реальной заработной платы.³³⁸

Рост популярности В. Путина совпал с благоприятными годами для российской экономики, исключительно высокие цены на нефть дали российскому бюджету огромные денежные средства. В период за 1999-2002 гг. прирост валового национально продукта составил 19%, за два года российский экспорт превысил 100 миллиардов долларов, возросли

³³⁴ Там же.

³³⁵ Пресс-выпуск «Власть в стране». 28.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-08-2012/vlast-v-strane>; <http://regions.ru/news/2458795>

³³⁶ Пресс-выпуск «Владимир Путин стабильно незаменим». 20.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamnim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>

³³⁷ Hesli V., Bashkirova E. The Impact of Time and Economic Circumstances on Popular Evaluations of Russia's President // International Political Science Review. 2001. Vol.22. No.4. pp. 379-398.

³³⁸ Климантова Г. И., Мухетдинова Н. М. Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. — 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf139-08/vestniksf139-08030.htm>

реальные доходы граждан, а с ними и личное потребление. Если в первом квартале 2000 года средняя зарплата в стране составляла 2100 рублей, то в конце 2002 года - свыше 5000 рублей. Средняя пенсия, которая в начале 2000 года составляла 500-600 рублей, также возросла примерно в два с половиной раза.³³⁹ Масштабы крайней бедности заметно сократились: число тех, кому их доходов не хватало даже на питание, уменьшилось с 28% в 1999 году до 10% в 2007 году.³⁴⁰

Более того, россияне смогли оценить реальные результаты к концу первого срока пребывания В. Путина на посту президента. По мнению Р. Роуза, Н. Манро, У. Мишлера, «удовлетворенность экономическим положением и отсутствие видимых альтернатив существующему режиму усиливают его вынужденную поддержку, несмотря на осознание его недемократического характера».³⁴¹ В свою очередь, исследователи, опираясь на данные социологических опросов, попытались определить факторы, лежащие в основе общественной поддержки политического режима президента В. Путина.

Исследователи построили регрессионную модель, выделив основные факторы, влияющие на поддержку режима: текущая экономическая ситуация, уровень доверия к политическим институтам, оценка гражданами уровня свободы, поддержка проводимого политического курса и личная симпатия к В. Путину. Исследователи Р. Роуз, Н. Манро, У. Мишлер пришли к выводу, что экономическая эффективность путинской администрации является важным фактором его электорального успеха.³⁴²

Отечественный исследователь А.Н. Щербак отмечал в своей работе о связи между экономическим ростом и результатами выборов в Государственную Думу ФС РФ 2003 года. В исследовании А.Н. Щербак проверял две гипотезы: первая предполагает поощрение избирателями экономических успехов, достигнутых в 2000-2002 гг.; вторая состоит в том, что экономический рост, наряду с перераспределением налогов между регионами и Центром, способствовал управлению лояльностью регионов и достижению нужных электоральных результатов.³⁴³

Экономические теории голосования изучают экономические детерминанты электорального поведения граждан. В качестве основных переменных, влияющих на выбор избирателя и исход выборов, исследователи называют уровень инфляции и безработицы, экономический рост, государственный долг, индекс экономической активности, уровень

---

³³⁹ Три года без Ельцина // Российская Федерация сегодня. 2002. №24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russia-today.ru/old/archive/2002/no_24/24_topic_1.htm

³⁴⁰ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. - 2007.- №5 (91).- С.10.

³⁴¹ Роуз Р., Манро, Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения. - 2005. - №2 (76).- С. 31.

³⁴² Там же: с.39.

³⁴³ Щербак А.Н. Экономический рост и итоги думских выборов 2003 года // Третий электоральный цикл в России, 2003-2004 годы / В.Я. Гельман. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. - С.196-216.

благосостояния и стабильность доходов избирателя, показатели, характеризующие структуру экономики региона.³⁴⁴

Исследователи предпринимали попытки использовать модели экономического голосования для объяснения результаты выборов в посткоммунистических странах с переходной экономикой. С одной стороны отмечается, что голосование носит перспективный характер, избиратели поддерживают реформаторов с надеждой на лучшее будущее, в результате установления рыночной экономической системы.³⁴⁵ Другие исследователи полагают, что в посткоммунистических странах с переходной экономикой избиратель не способен оценить реальные последствия своего выбора, не понимает, кого он «поощряет» или «наказывает» своим голосом.³⁴⁶ Д. Трейсман, изучая влияние экономики на результаты выборов в посткоммунистической России, одним из первых указал на связь результатов думских и президентских выборов в 1990-х гг. с трансфертами федерального Центра регионам.³⁴⁷

В данной связи автором были проанализированы особенности поддержки главы государства В. Путина на выборах 2004 года и 2012 года. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой фактор удовлетворенности экономической эффективностью путинского руководства является значимым в объяснении результатов президентских выборов. Предполагается, что в таком случае, должна наблюдаться устойчивая корреляция между уровнем благополучия граждан в различных субъектах страны и уровнем поддержки граждан президента на выборах. Автором были рассчитаны коэффициенты линейной корреляции (далее - Ккор) между результатами голосования на президентских выборах 2004 года и 2012 года в субъектах Федерации и, такими показателями уровня жизни, как средняя заработная плата и средняя пенсия в регионах в 2004 году и, соответственно, в 2012 году.

Показатели средней заработной платы и средней пенсии были взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики;³⁴⁸ данные о результатах голосования на

³⁴⁴ Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981; Fiorina M.P. «Voting Behavior»: In *Perspectives on Public Choice: A Handbook* / ed. by D. Mueller. New York: Cambridge University Press, 1997. pp.391–415; Lewis-Beck M., Stegmaier M. *Economic Determinants of Electoral Outcomes* // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol.3. pp.183-219; May В., Кочеткова О., Яновский К., Жаворонков С., Ломакина Ю. *Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (опыт России 1995-2000 годов)*. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/vibor/3_7/article.php?art=1

³⁴⁵ Fidrmuc J. *Economic of Voting in Post-Communist Countries* // *Electoral Studies*. 2000. Vol.19. No.2. pp.199-217.

³⁴⁶ Голосов Г. *Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов* // *Полис*.- 1997.- №4.- С.44-56; Colton T. *Economics and Voting in Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol.12. No.4. pp.289-317; Гельман В. *Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение* // *Политическая социология и современная российская политика* / Под ред. Г. Голосова, Е. Мелешкиной. СПб.: Борей-принт, 2000. - С.9-36; Гельман В. *Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России* // *Второй электоральный цикл России, 1999-2000 гг.* / Под ред. В. Гельмана, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. - С.10-42.

³⁴⁷ Treisman D. *After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. 262 p.

³⁴⁸ Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

По данным сайта Федеральной службы государственной статистики в методологических пояснениях указано:

президентских выборах 2004 года и 2012 года за В.В. Путина были взяты с сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.³⁴⁹ (приложение 1; приложение 2).

В целом по стране коэффициент корреляции между результатами голосования на выборах президента России и средней заработной платой в 2004 году составил (+0,0702), а средней пенсией – (+0,1151), (табл.2.7) т.е. связь можно считать малозначительной. Данные за 2012 год выглядят следующим образом: коэффициент корреляции между итогами выборов и зарплатой составил (-0,0373), средней пенсией – (-0,0363), связь малозначительная.

Таблица 2.7

Влияние уровня жизни избирателей на результаты голосования на президентских выборах 2004 года

	По России	ЦФО, СЗФО	ЮФО, ПФО	УФО, СФО, ДФО
коэффициент корреляции зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина	+0,0702	+0,1953	-0,39108	+0,4581
коэффициент корреляции пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина	+0,1151	+0,2982	-0,6945	+0,3916

Другие результаты получаются, если рассчитать корреляционную зависимость по трем группам регионов страны:

- Центральный федеральный округ (ЦФО) и Северо-западный федеральный округ (СЗФО);
- Южный федеральный округ (ЮФО) и Приволжский федеральный округ (ПФО);
- Уральский федеральный округ (УФО), Сибирский федеральный округ (СФО) и Дальневосточный федеральный округ (ДФО);

- *Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников* исчисляется на основании сведений, полученных от организаций, делением фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников, и на количество месяцев в отчетном периоде. В фонд заработной платы включаются начисленные работникам суммы оплаты труда в денежной и неденежной формах за отработанное и неотработанное время, компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условиями труда, доплаты и надбавки, премии, единовременные поощрительные выплаты, а также оплата питания и проживания, имеющая систематический характер.

- *Средний размер назначенной пенсии* определяется делением общей суммы назначенных пенсий на численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации.

³⁴⁹ Сайт ЦИК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/>; Сайт ЦИК РФ. Протокол ЦИК о результатах выборов (2004 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=1001000882951&vrn=1001000882950&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=1001000882951&type=226 ; Сайт ЦИК РФ. Протокол ЦИК о результатах выборов (2004 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100031793509&vrn=100100031793505&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100031793509&type=227

По данным сайта ЦИК РФ:

- число избирателей, включенных в список избирателей на выборах в 2004 г. Составило 108064281

- число избирателей, включенных в список избирателей на выборах в 2012 г. составило 109860331

Автор при анализе коэффициента корреляции между итогами выборов и уровнем жизни граждан в регионе в 2012 году (табл.2.8), во вторую группу включил Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), образовавшийся в результате проведения политики укрупнения регионов.

Таблица 2.8.

Влияние уровня жизни избирателей на результаты голосования на президентских выборах 2012 года

	По России	ЦФО, СЗФО	ЮФО, ПФО, СКФО	УФО, СФО, ДФО
коэффициент корреляции зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина	-0,03736	-0,26506	+0,31069	-0,13402
коэффициент корреляции пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина	-0,0363	-0,10709	+0,2729	-0,11935

Результаты вычисления корреляции между уровнем поддержки В. Путина на президентских выборах 2004 года и 2012 года и, такими показателями уровня жизни, как средняя заработная плата и средняя пенсия в регионе в 2004 году и 2012 году не свидетельствует о наличие значительной связи между этими переменными. Гипотеза, выдвинутая и проверенная автором, не подтвердилась.

В регионах УФО, СФО и ДФО зависимость между выбранными показателями уровня жизни населения и результатами голосования на выборах в 2004 году оказалась наиболее значимой: Ккор зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,4581); Ккор пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,3916).

В ЮФО и ПФО связи между выбранными показателями не наблюдается. В этой группе регионов зависимость между уровнем жизни и уровнем поддержки В.В. Путина как действующего президента страны в 2004 году оказалась отрицательной: Ккор зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина (-0,39108); Ккор пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина (-0,6945). В этих регионах фактор удовлетворенности экономической эффективностью путинского руководства в период 2000-2004 гг. не стал определяющим условием его поддержки на президентских выборах 2004 года. По мнению Н.В. Гришина, специфика избирательных кампаний и электоральных предпочтений по Югу России определяется приоритетом социокультурных факторов перед экономическими, а также возможностями национальных элит влиять на результаты голосования за счет особенностей политической культуры электората южных регионов России.³⁵⁰

³⁵⁰ Гришин Н.В. Устойчивость территориальных различий предпочтений населения (на примере Юга России) // Политэкс: Политическая экспертиза. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/243/>

Для ЦФО, СЗФО автором были получены промежуточные значения корреляционной зависимости: Ккор зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,1953); Ккор пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,2982).

Результаты вычисления корреляции между уровнем жизни населения в регионах и результатами голосования за 2012 год свидетельствуют о наличии положительной зависимости между этими переменными в регионах ЮФО, ПФО, СКФО: Ккор зарплата / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,31069); Ккор пенсия / процент голосов поданных за В.В. Путина (+0,2729).

В ЦФО, СЗФО, УФО, СФО и ДФО связи между выбранными показателями не наблюдается в 2012 году. Это может свидетельствовать о том, что фактор удовлетворенности экономической эффективностью также не является значимым, несмотря на то, что информация о значимости экономических достижений путинского руководства активно внедрялась в массовое сознание через СМИ. Более того, это может быть свидетельством желания граждан улучшить свое материальное благосостояние, ростом экономических притязаний и ожиданий соответствующих практических шагов от власти.

Признавая не определяющее значение, но значимость экономического фактора, ряд исследователей принимают во внимание коммуникационное объяснение популярности президента В. Путина. Для поддержания устойчивости популярности власти в нестабильных молодых демократиях, экономические успехи являются необходимым, но недостаточным условием. Без поддержки подконтрольных СМИ государственная власть не в силах представить экономический рост в качестве результата собственных управленческих усилий. Исследователи получили данные, свидетельствующие о том, что государство посредством СМИ, особенно телевидения, может оказывать огромное влияние на избирательный процесс в нестабильных молодых режимах, в которых социальные структуры и политические пристрастия остаются изменчивыми.³⁵¹

Автор предлагает еще одно объяснение устойчивости путинской популярности и формирования доминирующего персонального типа легитимности российской политической системы – активация авторитарного синдрома в массовом сознании граждан. Это объяснение предполагает, что массовая поддержка рыночных и демократических реформ значительно ослабла в ходе болезненной адаптации населения к новым реалиям и уступила место разочарованию, пессимизму, враждебности граждан к некоторым политическим и экономическим изменениям. В обществах, переживающих политическую или социетальную трансформацию, наблюдается всплеск ресентимента, основным содержанием которого является

---

³⁵¹ White S., Oates S., McAllister I. Media Effects and Russian Elections, 1999-2000 // British Journal of Political Science. 2005. Vol. 35. No.2. pp.191-208; Осокина Е. Влияние американских СМИ на массовое сознание. 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>

авторитарный синдром. Речь идет о всплеске отторжения формирования новой политической и культурной систем на ценностном, когнитивном и поведенческом уровнях, желание сильной власти и наведения порядка.

Причинами для активации авторитарного синдрома стали неэффективность политического руководства (управления), резкий рост социального неравенства, коррупция, обнищание населения, стремительный рост безработицы, статусная деградация. Иными словами, коренной перелом во всех сферах жизни: работа, отдых, потребление, образование, участие в политике, в сочетании с необходимостью приспосабливаться к новым, незнакомым и более сложным условиям – словом, все обстоятельства, способные привести к крушению иллюзий и надежд, и тем самым, актуализировать авторитарный синдром.

Кризис доверия к государственной власти в процессе посткоммунистической трансформации был обусловлен не только экономическими трудностями, снижением уровня жизни граждан, криминализацией общества, падением престижа государства на мировой арене, но и тем, что старые политические институты были полностью дискредитированы, а становление новых демократических пришлось на период экономической депрессии. Не имея положительного опыта функционирования демократического режима, граждане связывали свои неудачи, чувство национального унижения, страх перед будущим с новой демократической формой правления.³⁵² Более того, кризис доверия к власти и отсутствие взаимодействия между новой элитой и населением, привели к снижению электоральной активности и потере интереса у граждан к политическому участию.

В свою очередь, политическая апатия россиян снижала легитимность новых демократических институтов. Исследование ИС РАН «Берлинская стена: до и после» (сент., 2009) выявило, что значительное число россиян к неудачной попытке М. Горбачева модернизировать Россию относят стремление одновременно продвигаться и к рынку, и к демократии.³⁵³ Непродуманные действия демократических сил спровоцировали рост авторитарных ценностей и установок в массовом сознании граждан. Но такой рост было бы неверно оценивать только как признак провала демократических преобразований. Л.А. Гордон верно отметил, что «восстановление общественного порядка на выходе из революций или революционной реформации, вроде той, что мы переживаем с середины 80-х годов, всегда сопряжено с известным усилением авторитарности».³⁵⁴

---

³⁵² Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе // В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов. М.: Аспект-пресс, 1996.- С.88-89.

³⁵³ Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2010.- С.26-27.

³⁵⁴ Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе // В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов. М.: Аспект-пресс, 1996.- С.99.

Идея авторитарной корректировки постсоциалистического развития в той или иной мере нашла массовую поддержку в большинстве стран Центральной и Восточной Европы. Исследователь Г. Вайнштейн отметил, что в значительной мере эти идеи приняли форму массового влечения к «сильному лидеру», который способен восстановить порядок в обществе и взять под жесткий контроль процесс экономических и социальных преобразований.³⁵⁵ Более того, «отход от авторитарной системы не обязательно является вступлением в демократическую систему. Общество переживает крушение прежней системы правления, сталкивается с неспособностью демократических сил решить экономические и социальные проблемы, в нем расширяется отчуждаемость масс от представительных институтов, и люди рассматривают авторитарный курс как жизнеспособную альтернативу росту хаоса и беспорядка».³⁵⁶

Демократический кризис после первой попытки демократизации способствовал значительному росту общественной потребности в «твердой руке», стремлению к порядку, неудовлетворенности россиян демократией. В такой ситуации, персонализация политики, усиленная подконтрольными средствами массовой информации, является решающим фактором установления политической легитимности в молодых демократиях, где новые политические структуры и новые «правила игры», а также общее удовлетворение функционированием экономики еще недостаточно окрепли.³⁵⁷

Результаты опросов общественного мнения, которые проводились в 1992-1994 гг. в рамках российско-американского проекта «Демократические ценности в структуре массового сознания», свидетельствовали об оптимизме и высоких демократических ожиданиях российских граждан на ранних этапах реформ.³⁵⁸ Однако реальный ход рыночных преобразований за период 1994-2000 гг. создал благоприятные условия для роста не либеральных, а этатистских установок, как среди населения, так и среди политической элиты.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в процессе радикальной социально-экономической и политико-культурной трансформации роль государства и ожидания граждан по отношению к нему возрастают. Уход государства со структурной, психологической, экономической точек зрения или ограничение задач и вмешательства государства до капиталистического минимума важны в такой период, и этого можно добиться при помощи значительных усилий. Однако если эти попытки неудачны, молодые демократии подвергаются опасности быть захваченными волной разочарования, ухода из общественной жизни, протестов,

³⁵⁵ Вайнштейн Г. Рост авторитарных установок в политическом развитии современной России // Мировая экономика и международные отношения.- 1995.- №11.- С.60-66.

³⁵⁶ Там же: с.61.

³⁵⁷ Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России. / Отв. ред. Ланцов С.А., Елисеев С.М. СПб.: СПбГУ, 1995. - С.97.

³⁵⁸ Никовская Л.И. Изменение образа демократии как фактор самоопределения России // Политика. - 2008. №4.(51).- С.62-72. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/29/1270393142/Politeia_Nikovskaya-2008-4.pdf

вследствие неэффективности и негативных социальных последствий экономических преобразований. В России это и произошло.

Немецкий политолог Г. Майер отмечал, что подобные явления сопровождаются латентным авторитаризмом и снизу, и сверху. Авторитаризм сверху понимается как доминирование небольшого числа политических элит, которые, в условиях отсутствия существенного давления со стороны неэлиты и институционализированной конкуренции, контролируют процессы преобразований посредством использования иерархических институтов. Авторитаризм снизу, — как утверждает Г. Майер — это наследие недемократических традиций: распространенность традиционных принципов воспитания в семье, слабая критически настроенная общественность, национализм, враждебность по отношению к другим и, наконец, поиск сильной власти и лидеров.

При таких обстоятельствах, для того чтобы легитимность была демократического или структурного типа, по терминологии Д. Истона, требуется полное осознание гражданами, что политические решения или лидеры являются авторитарными по природе, и что они препятствуют дальнейшему демократическому развитию.³⁵⁹

В период политической апатии, социально-экономических проблем, доминирования в обществе негативных настроений, поляризации элиты, стало очевидно, что ключевым фактором устойчивости политического режима в новой России может быть доверие к верховной власти, персонифицированное в личности президента. Начало перестройки и демократизация поставили вопрос о новых формах политического руководства огромной страной. В ситуации системного кризиса, требующей усиления централизующего начала, институт президентства должен был стать новым политическим ресурсом и рычагом влияния.

По мнению исследователя В. Кувалдина, институт президентства очень персонифицирован и индивидуализирован, при кажущейся внешней определенности, президентство многозначно и пластично: «это и человек, и положения Конституции, и административный аппарат, и окружение, и традиции, и неписанные правила, и законы. Все это в контексте и динамике, когда смысл и значение одного элемента во многом зависят от всего остального».³⁶⁰ Такая роль центральной власти, когда центр политической жизни в определенном смысле подменяет собой всю политическую систему, по мнению исследователя, соответствует отечественной политической традиции. Князь, царь, император, генсек, всегда были сакральными фигурами и делали погоду на Руси.

³⁵⁹ Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России. / Отв. ред. Ланцов С.А., Елисеев С.М. СПб.: СПбГУ, 1995. - С.109-110.

³⁶⁰ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. - С.15-16.

О том, что власть в стране централизована, недифференцирована, персонифицирована и принадлежит президенту - «вождю» народа, и осуществляется посредством неконституционных органов управления и механизмов господства (администрация президента), посвящены работы отечественных исследователей Ю.С. Пивоварова, Е.Б. Шестопаля, Н.Г. Щербининой, И.И. Глебовой, Н.А. Романович.³⁶¹

Особенно интересно продемонстрировать мнение или даже «особые заметки» Ю.С. Пивоварова по поводу особенностей русской политики. Занимаясь исследованием современной политики, наблюдая столь неустойчивые элементы демократии, противоречивый политический процесс, Ю.С. Пивоваров считает, что истоки этого необходимо искать в генезисе русской власти. Ю.С. Пивоваров задается вопросом, почему цивилизационный процесс идет, не оказывая влияния на русские процессы, испытав веяния демократии, страна с неизбежностью возвращается к привычным недемократическим формам. По мнению исследователя, формированию политических процессов предшествовало формирование «самодержавной политической культуры», которая характеризуется властечетричностью. Причем «власть» должна писаться с большой буквы – «Власть» и она всегда персонифицирована. Персонификация была всегда, только названия «главных» менялись - царь, император, генсек, президент. Таким образом, «Россия в полном объеме управляется персонифицированной Властью».³⁶²

Институт президентства определяется не только политической конъюнктурой, но и традициями страны, политической зрелостью общества. Л. Радзиховский полагает, что авторитаризм имманентно присущ российской государственности, что в России тем или иным образом кристаллизуется авторитарный строй. И лидер, естественно, должен быть авторитарной личностью или личностью «авторитарного типа». Л. Радзиховский связывает это с особенностями национального менталитета, с российским прошлым, где нелегко обнаружить ростки демократии.³⁶³ Л. Шевцова отмечает, что «...при любой организации власти возникшие в период правления Ельцина (либо воссозданные им) традиции, привычки и формы политического поведения, скорее всего, сохранятся надолго. Я имею в виду патернализм,

³⁶¹ Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004.- 320 с.; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. - 166 с.; Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009. - 416 с.; Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис.- 1995.- №5.- С.127-140; Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / И.И. Глебова; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: Наука, 2006. - 332 с.; Романович Н.А. Концепция единовластия в общественном сознании (традиции и социокультурные основания). 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>

³⁶² Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. - С.19.

³⁶³ Радзиховский Л. Российское президентство: образы и имиджи // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.5. 1995.- С.42-47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsogu.ru/media/files/2013/03_26/vestnik-5_1.pdf

чередование у власти нескольких кланов, стремление к решению проблем в нелегитимных центрах...».³⁶⁴

Анализируя институт президентства в контексте российской политической трансформации, исследователь В. Кувалдин отметил, что в России, в отличие от стран Центральной Европы и СНГ, институт президентства взял на себя роль несущей конструкции всей системы государственной власти. Если для постсоветских элит российское президентство было воплощением откровенных притязаний на верховную власть, то общество видело в нем гарантию необратимости демократических преобразований, средство защиты народных интересов и облегчение тяжести переходного периода.³⁶⁵

Однако магия президентства сыграла роковую роль в судьбе страны и судьбах ее граждан. «Шоковая терапия», проводимая реформаторами ельцинской команды, привела к обвалу экономики и стремительному падению уровня жизни населения. Утраченную общественную поддержку власть решила заменить, взяв курс на создание режима личной власти. В. Кувалдин верно отметил, что под прикрытием демократической риторики создавалась «президентская вертикаль» – «авторитарная система управления, непосредственно подчиненная главе государства».³⁶⁶

Президентство стало стержнем формирующейся новой российской государственности и демиургом новых отношений между властью и обществом. По мнению В. Кувалдина, то обстоятельство, что президентство не определяло ориентиры развития страны и общества, а выражало «динамику теневых центров влияния», предопределило эволюцию режима от парламентского президентства к авторитарному. «Преуспевающие политики, верхушка бюрократии, финансовые тузы, придворные интеллектуалы, региональные боссы со своими командами образовали костяк постсоветской олигархии, которая предопределила авторитарные склонности режима».³⁶⁷

Политический прогноз исследователя В.А. Ачкасова, сделанный в 1995 году, о развитии российского политического режима сбылся. Утверждение плебисцитарного вождистского типа демократии, предполагаемого исключительную роль президента и властных структур, имело следствием — стремительный рост государственных бюрократических структур, формирование «партии власти», обладающей монополией на распределение ресурсов, использование технологии «образ врага», сдвиг в сторону государственно-патриотических настроений

³⁶⁴ Россия: Десять вопросов о самом важном / Под общ. ред. Шевцовой Л.; Московский Центр Карнеги. М., 1997. - С.69.

³⁶⁵ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. - С.20-21.

³⁶⁶ Там же: с.24.

³⁶⁷ Там же: с.40.

общества, возобладание идеи сильного государства над ценностями свободы, законности и прав человека.³⁶⁸

Ельцинское президентство взяло курс на либеральный авторитаризм, поставив цель проведения рыночных реформ, а российский парламент стал в сложившейся ситуации защитником демократии и принципа разделения властей. В условиях глубокого системного кризиса российского общества, исполнительная и законодательная власти старались переложить бремя ответственности друг на друга. В неоформившейся партийно-политической системе президентские структуры и парламент боролись за власть. Невозможность урегулировать конфликт, ни при помощи Конституционного суда, ни путем референдума, при явной агрессивности президентской стороны, привела к тому, что расстрел парламента осенью 1993 года стал моментом истины ельцинского президентства, сузивший широкий коридор демократических возможностей нового российского политического режима. Формирование персонифицированного режима намного обогнало становление разнообразных сдерживающих политических и социальных институтов, общественных структур. В условиях отсутствия полноценных партнеров и оппонентов такой режим стал восполнять и подменять другие институты.

Подобная неустойчивая и малоэффективная конструкция несет в себе постоянный и усиливающийся контроль над обществом и нестабильность системы. В обществе, особенно, в переходный период, когда социальные и политические институты неразвиты и слабы, вакуум заполняет сильная президентская власть.

При всем этом, важным является вопрос: как объяснить длительное сохранение поддержки президента гражданами, которые в большинстве своем, много потеряли. Прочность российского президентства не спишешь на ельцинскую харизму, тотальное промывание мозгов через СМИ и благоприятную политическую конъюнктуру. «Такое состояние массового сознания – когда люди знают от чего они уходят, но неясно представляют то, что их ждет впереди, – отмечает В. Кувалдин – позволяет легко ими манипулировать».³⁶⁹ Большинство людей видели в президенте гарантию возвращения к нормальной жизни, как в западных странах. Люди надеялись и верили, что их дети и внуки будут жить по-человечески, эта так называемая *idée fixe*, наложенная на ельцинский миф, обеспечила поддержку лично Б. Ельцину, а не президентству как институту государственной власти.

Консервация персонализма после краха коммунистической системы, по мнению социолога Л. Гудкова, произошла из-за того, что дефициты легитимности власти восполнялись

³⁶⁸ Ачкасов В.А. Кризис идентичности и перспективы «русской национальной правы» // Вестник СПбГУ. - 1995. - Сер. 6. вып.2 (13).- С.36-39.

³⁶⁹ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998.- С.40-41.

традиционалистским мифологизаторством, ксенофобией, изоляционизмом и антизападничеством.³⁷⁰

Политическим идеалом для россиян после президента М. Горбачева стал Б. Ельцин. Он обладал высоким кредитом доверия населения, народ ожидал от него политическую стабильность, повышения жизненного уровня, сохранения введенных ранее гражданских прав, прекращения политических преследований, проведения эффективных реформ, и главное – сохранения и усиления социальной защищенности, улучшения всего комплекса государственных социальных услуг в образовании, медицине и социальном обеспечении. По данным ИСПИ РАН до принятия новой Конституции РФ и парламентских выборов, в течение 1991 года Б. Ельцин пользовался поддержкой более 50% населения страны.³⁷¹

Однако на практике: спад промышленного производства, затяжной экономический кризис, безработица, преступность, коррупция, беспризорность и нищета привели к широкому недовольству ельцинским руководством, которое вместо того чтобы быть сильной патерналистской властью, оказалось неуправляемым и бросило граждан на произвол судьбы. Популярность Ельцина резко упала. По данным социологических опросов населения, «уже после первых шагов в проведении радикальных экономических преобразований «дала трещину» и социальная база доверия к президенту России Б. Ельцину», однако, остается фактом, что на протяжении 1992-1993 гг. «при всем недовольстве политикой экономических реформ фигура Ельцина среди российского электората продолжала оставаться вне конкуренции».³⁷²

Причины утраты президентом доверия со стороны граждан демонстрируют результаты исследований, проведенных независимым Институтом социологии парламентаризма в конце 1997 года. По мнению россиян, последнее место среди мотивов ельцинского поведения занимали государственные интересы России, а основными являлись сохранение личной власти, учет мнения влиятельных кругов Запада и российского крупного бизнеса. Разочарование

³⁷⁰ Гудков Л. Общество с ограниченной вмняемостью // Вестник общественного мнения. - 2008.- №1 (93).- С.10.

³⁷¹ Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: РОССПЭН, 2003. - С.53.

Эмпирическая база – социологический мониторинг Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), который в 1992-2000 гг. регулярно проводил общероссийские социологические опросы; в период 2001-2002 гг. – социологический мониторинг Института комплексных социальных исследований РАН. Мониторинговые опросы проводились в 12-14 территориально-экономических районах России. Объем выборки: в опросе окт. 1994 г. выборка составляла 1150 чел.; в февр. 1995 г. – 1630 чел.; в опросе дек. 1996 г. – 1687 чел.; в марте 1997 г. – 1736 чел.; в окт. 1998 г.- 1765 чел.; в опросе 1999 г. – 1759 чел.; в марте 2000 г. – 1749 чел.; в июне 2002 г. – 1753 человека. Целевая аудитория: респонденты в возрасте 18 лет и старше, представлявшие 11 укрупненных социально-профессиональных групп населения. Статистическая погрешность каждого опроса – 3,5%.

³⁷² Там же: с.53-56.

россиян в Б. Ельцине не проецировалось на институт президентства, 51,8% опрошенных россиян все равно отдавали предпочтение президентской форме правления.³⁷³

Наряду с кризисом доверия к президенту, в период 1993-1995 гг. наблюдалось падение рейтинга органов представительной власти, связанное отчасти и с отсутствием традиций парламентаризма и с низким престижем депутатов, обусловленный их поведением как внутри, так и вне стен Государственной Думы. Согласно данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ (апрель 1994 год), две трети опрошенных россиян были уверенным в том, что «депутаты забыли об обещаниях, данных своим избирателям», и что «депутатов интересуют только собственные привилегии».³⁷⁴

Другим политическим институтом в новой России был парламент. Парламент выступал как инструмент слома коммунистического режима в России и поддержки демократических преобразований. Парламент олицетворял конституционность и правовое начало в новой России. Возникновение парламента, как непривычного механизма отбора элит, с одной стороны вызвало внутригрупповой раскол элиты, с другой – политическое расслоение общества.

После начала реформ политическая роль российского парламента кардинально изменилась. Парламент утратил свою роль в политической системе по сравнению с группами давления и СМИ, которые стали главным инструментом презентации общественных настроений. По мнению исследователя Ю. Федорова, принципиально важным для анализа российского парламентаризма является четко сформулированное положение о том, что президент и парламент, в условиях президентского режима, имеют собственные, независимые друг от друга источники легитимности, что является одной из предпосылок институциональных противоречий.³⁷⁵

Политический кризис 1992-1993 гг. ознаменованный в России как противоборство исполнительной и законодательной властей, был с определенной долей условности запрограммирован. В массовом сознании россиян доминировали патерналистские установки, власть соотносилась не с представительными институтами, а с самодержавным лидером. По этой причине, президент воспринимался населением как «естественный» институт власти, чем собрание парламентариев. Более того, некоторым преимуществом для президента стала некомпетентность значительной части членов парламента. Переход профессионально сильных депутатов в органы исполнительной власти и отсутствие амбициозных лидеров снизило общественный престиж парламента. Неспособность парламента контролировать назначение высших должностных лиц (за исключением премьер-министра), лояльность ряда ключевых

³⁷³ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998.- С.44-45.

³⁷⁴ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // ВЦИОМ.- 1994.- №4. С.13.

³⁷⁵ Федоров Ю. Парламент в трансформационном процессе в России // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. - С.88.

региональных руководителей Б. Ельцину, ослабляли позиции института представительной власти в новой политической системе.³⁷⁶

Парламент, как политический институт, содействует стабильной демократической трансформации политической системы. Существование и прочное положение парламента способствует постепенной демократизации политической культуры, осуществлению политической деятельности в рамках правового поля. При всей своей властной ограниченности, как отмечает Ю. Федоров, парламент совместно с Конституционным судом — единственные институты, препятствующие нарушению Конституции со стороны исполнительной власти.³⁷⁷ Более того, парламент позволяет обеспечить легальное присутствие оппозиции как политического игрока и его легальное воздействие на исполнительную власть.

Таким образом, отсутствие парламента или его слабость, способствуют усилению авторитарных тенденций (табл.2.9). Отсутствие действенных каналов артикуляции и агрегирования политических интересов и настроений граждан усиливает распространение антидемократических тенденций, желание «сильной руки», способной навести порядок.

Таблица 2.9

Доверие к институтам власти в России, 1993-1997 гг., %³⁷⁸

Наименование института	1993 июнь	1994 февраль	1995 январь	1995 май	1996 июль	1997 сентябрь
Верховный Совет РСФСР / Федеральное собрание РФ	9.3	-	4	4	9.4	7.3
Президент России	27.8	19.7	8	5.6	22.5	12.5
Правительство России	17.9	11.2	6	4.3	13.1	9.7
Областные органы власти	9.9	13.1	13	9.1	12.4	19.5
Местные органы власти	11.7	14.3	13	13.1	16.3	22.5
Армия	38.9	37.1	24	26.2	27.1	28.1
Органы госбезопасности	20.2	21.1	13	12.7	18.3	19.1
Милиция, суд, прокуратура	16.1	17.2	9	8.6	12.2	13.1
Профсоюзы	13.3	9.7	8	6	9.7	11.4
Православная церковь, религиозные организации	48	51.5	47	37	41.2	37.6
Печать, ТВ, радио	26	27.4	21	23.4	24.7	25.8
Политические партии	-	-	-	-	-	3.8

Уровень доверия к президенту колебался летом 1993 года от почти 30% до немногим более 5% весной 1995 года. Наиболее низкие показатели доверия были зафиксированы в 1995 году. Тем не менее, даже предельно низкий уровень доверия к президенту России был

³⁷⁶ Там же: с.97-98.

³⁷⁷ Там же: с.124-125.

³⁷⁸ Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 2000. - С.137. Примечание: Вопрос был сформулирован так: «В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия перечисленные государственные и социальные институты?». В таблице показан процент респондентов, которые ответили «вполне заслуживают».

стабильно выше, чем уровень доверия к парламенту. Низкое политическое доверие к президенту и парламенту указывают на слабость политического механизма, нацеленного на обеспечение функционирования демократии. В этот период все ветви власти и все политики испытывают дефицит доверия избирателей, несмотря на то, что их легитимность в значительной мере базировалась на персональной легитимности президента Б.Н. Ельцина.

Причины быстрого и резкого снижения доверия к российской власти в 1991-1999 гг. коренились в затяжном экономическом кризисе, в специфике демонтажа советской системы, в специфических социально-экономических и политико-культурных условиях формирования новых институтов государственной власти. Данные социологических опросов подтверждают, что Президент, Правительство, Совет Федерации, Государственная Дума не пользовались высокой поддержкой у населения, и это стабильно низкое доверие оставалось вплоть до выборов 2000 года.

На фоне резкого упадка систем образования и здравоохранения, масштабной преступности и коррупции, военной кампании в Чечне, успех В. Путина на президентских выборах был обусловлен еще его соответствием общественным настроениям, патерналистской надежде большинства граждан на сильную и эффективную власть, которая справится с хаосом, в который была погружена страна.

Отечественный социолог Ю. Левада писал о принципиальной особенности советской системы – отсутствии институционализированных механизмов передачи власти. Периоды власти персонифицированы и коротки, поэтому каждая смена власти инициирует острый политический и социальный кризис. Главным механизмом легитимации власти в подобной политической системе является критика предшествовавшего периода и лидера, негативная консолидация посредством внешних или внутренних врагов или угроз. В. Путину с успехом удалось связать советское прошлое и российское настоящее, представив ельцинский период реформ как время хаоса и потерь. Символическая роль В. Путина как государственного деятеля восстанавливающего страну стала важным фактором массового признания его в качестве национального лидера.³⁷⁹ По мнению Л. Гудкова, Владимир Путин стал «символической репрезентацией коллективных иллюзий и ценностных представлений».³⁸⁰

Владимиру Путину удалось оправдать народную надежду и стать ключевым фактором стабильности российского политического режима. В общественном мнении, декларируемая и проводимая им внутренняя и внешняя политика, создала контраст с периодом 1990-х гг. Улучшения в социальной и экономической жизни рассматриваются как главные достижения президента. Однако внушительный мандат доверия к центральной президентской власти не

---

³⁷⁹ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. - 2007. - №5 (91). - С.17.

³⁸⁰ Там же: с.18.

привел к возрождению либеральных ценностей, напротив, проводимый политический курс на «завинчивание гаек», по данным социологических опросов, пользовался поддержкой большинства граждан (табл.2.10).

Таблица 2.10

По данным Левада-центра, ответы на вопрос, «Что следовало бы сейчас предпринять президенту и правительству?», распределились следующим образом:³⁸¹

	2001	2006	2007	2009	2013
«Закрутить гайки» и жестче относиться к любым «вольностям» в политической и экономической жизни	53%	39%	48%	37%	43%
Предоставить людям свободу заниматься своими делами и следить только за тем, чтобы они не нарушали закон	33%	47%	36%	48%	43%
Затруднились ответить	14%	14%	17%	15%	14%

N=1600

Установка «с нашим народом надо быть поосторожнее и не давать послаблений», оказывается желательной не только с точки зрения властей, но и значительной части населения, ощущающего неспособность к гражданской самодеятельности.³⁸² Правовой и гражданский нигилизм граждан, мало кого волнующий в администрации президента или в самом обществе, позволил восторжествовать бюрократическому произволу, который ставит в зависимость от власти и суды, и оппозицию, и процедуру выборов, и политические и общественные организации.³⁸³

По данным Левада-центра, в течение 1990-2013 гг. в ответах на вопрос «какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали», доля утверждающих, что «государство должно больше заботиться о людях» возросла с 57 до 83%, а удельный вес считающих «люди должны проявить инициативу» снизился с 25 до 9%.³⁸⁴

Государственно-патерналистские ориентации сильны в российском обществе (табл.2.11). Люди, рассчитывающие на себя, на свои силы, составляют меньшинство и в основном проживающие в мегаполисах. В крупных городах выше уровень образования, развитая инфраструктура, люди включены в частный сектор, в общественные сети, поэтому и меньше зависимости от власти. Периферия все также ждет помощи от власти. В малых и средних городах размещены остатки советской отраслевой структуры, неконкурентные отрасли, неквалифицированные кадры. Без государственной поддержки эти предприятия закроются.

³⁸¹ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-Центр, 2014. - С.32.

³⁸² Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения.- 2008.- №1 (93).- С.23.

³⁸³ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения.- 2007.- №5 (91).- С.10-11.

³⁸⁴ Пресс-выпуск «Россияне о свободе, демократии, государстве». 25.09.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>

Опрос проведен 23-26 августа 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

Поэтому жители этой части страны ждут от власти поддержки, заботы, помощи и всевозможных социальных гарантий (табл.2.12).

Таблица 2.11

Динамика представлений россиян о роли государства, 2001-2013 гг., %³⁸⁵

Представления	2001	2006	2007	2009	2011	2013
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6	5	6
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28	34	35
Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63	58	53
Затруднились ответить	4	4	3	3	3	7

N=1600

Таблица 2.12

Мнение о том, сможет ли большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства, 1990-2012 гг., %³⁸⁶

	1990	1997	2008	2011	2012	2013
Большинство сможет прожить без опеки государства	21	17	15	17	20	20
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	72	81	79	75	70
Затруднились ответить	17	11	4	4	4	10

N=1600

Более того, доля сторонников принципа устройства общества, когда власть должна заботиться о людях за десятилетие с 2001 по 2012 гг. ниже 60% не опускалась.³⁸⁷

Следует отметить, что годы формирования новой политической системы под руководством В. Путина совпали с благоприятными годами для российской экономики, что позволило улучшить уровень жизни населения, воссоздать атмосферу безопасности, даровать некоторые гражданские и политические свободы и укрепить позиции страны на международной арене. Легитимность российской политической системы за годы президентства В. Путина возросла, но она имеет персональный характер легитимности по терминологии Д. Истона.

Многочисленные социологические опросы фиксируют хроническое социальное недовольство, неуважение к власти, достаточно трезвое понимание людьми того, что используются административный ресурс и фальсификации на выборах, однако, почему эти

³⁸⁵ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-Центр, 2014. - С.47.

³⁸⁶ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-Центр, 2014. - С.49.

³⁸⁷ Общественное мнение - 2012. М.: Левада-центр, 2012. - С.36. Объем выборки: 1600 человек.

граждане, не только не сопротивляются всему этому, но и считают «своим долгом демонстрировать поддержку путинской политике», что подтверждают результаты выборов.³⁸⁸

Исследователи И. Крастев и С. Холмс обозначили функции подтасованных выборов в путинском политическом режиме:

1) публичный повод напомнить, что личная популярность В. Путина является основным источником легитимности режима, и что его правлению нет приемлемой или привлекательной альтернативы;

2) фальсифицированные выборы являются инструментом управления страной, контроля и обновления политического истеблишмента;

3) подтасованные регулярные выборы выполняют функцию симуляции национального единства;

4) нечестные выборы служат имитацией авторитаризма. Смысл показных выборов заключается в том же демонстрационном эффекте, что и сталинские показательные процессы 1930-х гг. Стиль авторитарной власти, иллюзия сильной вездесущей и всевидящей власти повышают уровень народной поддержки, создавая иллюзию права выбора у населения.³⁸⁹

В странах бывшего СССР институт президентской власти приобрел ряд весьма специфических характеристик в постсоветских режимах, подвергшихся политическим трансформациям. Американский политолог Г. Хейл отнес постсоветские режимы к типу, названному «патрональным президентством».³⁹⁰ В рамках политического режима с укрепившимся институтом патронального президентства различные группировки политической и экономической элиты признают за президентом роль верховного арбитра при разрешении любых конфликтов. Патрональное президентство позволяет сосредоточить в руках действующего президента огромную формальную и неформальную власть, огромные ресурсы, заведомо превосходящие ресурсы любого отряда элит. В зависимости от патронального президента находятся основные элитные группировки, прежде всего, региональные лидеры и крупный бизнес. Патрональное президентство отличает от полноценного авторитарного режима то обстоятельство, что периодически проводятся выборы, на которых элиты делают все, чтобы подтвердить свою лояльность патрональному президенту.

Исследователь Г. Хейл признает ограниченность чисто институционального подхода к динамике постсоветского режима и подчеркивает важную роль неинституциональных факторов, в частности, влияния общественного мнения на рост / падение популярности действующего президента. Популярные президенты, по мнению Г. Хейла, оказываются в

³⁸⁸ Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения. - 2008. - №1 (93). - С.10-11.

³⁸⁹ Крастев И., Холмс С. Странная смерть управляемой демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. - 2012. - №2 (112). - С.49-52.

³⁹⁰ Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et contra. - 2008. - №1. - С.6-21.

состоянии дисциплинировать элиты и обеспечить избрание «преемника». В пользу это версии говорят результаты социологических опросов, проведенных Левада-центром.

Построение «вертикали власти» требует концентрации государственной и политической власти в институте президентства. Успешный результат операции «преемник» предопределил характеристики путинского политического режима – подавление политической конкуренции и оппозиции, государственная информационная монополия (табл.2.13). Российское телевидение, радиовещание, влиятельные центральные общественно-политические печатные издания с 2000 года постепенно перешли под контроль государства или аффилированных с властью политико-экономических групп. Передел медийного рынка сочетался с публично декларируемыми лозунгами об укреплении российской государственности, об удалении от власти «олигархов», о защите государственных и национальных интересов, о борьбе с коррупцией.³⁹¹

Таблица 2.13

Мнение россиян о сосредоточении в руках В. Путина практически всей власти в стране, 2004-2013 гг., %³⁹²

	2004	2005	2006	2007	2009	2010	2012	2013
Идет на благо России	68	57	63	66	63	52	53	49
Не приносит России ничего хорошего	20	29	20	17	16	22	26	33
Затруднились ответить	13	15	17	14	21	26	21	19

N=1600

Эти весьма красноречивые результаты, свидетельствующие о беспрецедентно высоком доверии и поддержки президента, на фоне роста патерналистских и конформистских настроений, обнажают проблему субъектности общественных и политических изменений в России. Политическая система, основывающаяся на фигуре президента В. Путина, не может быть устойчивой и стабильной. Более того, культура неучастия граждан, социальная апатия, недоверие друг к другу и к политическим институтам, стремление перенести всю ответственность «наверх», представляют собой серьезную угрозу для демократического развития России.

Исследователь Л. Гудков отметил, что за период социологических наблюдений с 1989 по 2007 гг., авторитарные установки россиян выросли почти вдвое, тогда как страх перед концентрацией власти в одних руках, в руках «вождя» уменьшился почти в 2,5 раза. «Сдача населением своих гражданских прав и ответственности диктатору проходит при

³⁹¹ Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда: Очерки политической истории России: 1991-2008. Научное издание / Ю.А. Нисневич. М.: Аспект-пресс, 2010. - С.93-98.

³⁹² Общественное мнение - 2013. М.: Левада-Центр, 2014. - С.91.

одновременном ослаблении сопротивления в отношении антидемократических тенденций в России».³⁹³

Анализируя трансформации политического режима в России, исследователь А. Зудин отметил, что одним из явных эффектов консолидации политической системы вокруг фигуры президента в период 2000-2007 гг. стал персонализм, а также политическое ослабление института выборов, в результате изменения избирательного законодательства и, соответственно, проведения явных плебисцитарных избирательных кампаний 2003-2004 гг. и 2007-2008 гг.³⁹⁴

В результате изменений законодательства о деятельности политических партий и избирательного законодательства политическая конкуренция была поставлена под административный контроль действующей власти и перестала быть значимым фактором российского политического режима.

Федеральный закон от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ³⁹⁵ стал главным инструментом власти для административного регулирования и контроля деятельности политических партий. Закон о партиях ограничил автономность российских политических партий, обеспечил широкие административные возможности влияния на процесс создания, деятельности и ликвидации партий и политических объединений. Наличие и так труднопроходимой бюрократической процедуры регистрации политических партий, осложнилось в соответствии с Федеральным законом от 20 декабря 2004 г. №168-ФЗ³⁹⁶ тем, что в список документов обязательных к представлению для регистрации регионального отделения включен «список членов регионального отделения политической партии». Таким образом, практика применения закона о политических партиях, установленная процедура создания и регистрации партий, позволяет, используя административные полномочия регистрирующих органов, как на федеральном, так и на региональном уровнях, препятствовать созданию новых политических партий, «неудобных» для действующей власти.

Определяющую роль в подавлении партийной конкуренции сыграли требования закона к необходимым количественным параметрам партийной структуры, жесткие требования к количественным параметрам, как общефедеральной структуры партии, так и структуры ее региональных отделений. Поэтому в закон о партиях были внесены изменения – не менее 50 000 членов партии в целом, не менее 500 членов в ее региональных отделениях.

³⁹³ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения.- 2007.- №5 (91).- С.18.

³⁹⁴ Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС.- 2010.- №5.- С.72; См.: Рыжков В.А. Авторитаризм и Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/26/1251348252/011_Рыжков_Авторитаризм%20и%20Россия_179-189.pdf

³⁹⁵ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ «О политических партиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

³⁹⁶ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. №168-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/12/24/partii.html>

Парламентские выборы 2007 года и выборы Президента 2008 года предопределили направленность изменений в законах о выборах депутатов, о партиях, о выборах президента, на обеспечение сохранения правящего режима путем нивелирования партийной политической конкуренции на выборах. Преследуя эту цель, новый закон о выборах депутатов внес изменения в систему выборов в Государственную Думу: введение избрания всех депутатов по единому федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за закрытые федеральные списки кандидатов; повышение заградительного барьера до уровня 7%; запрет на создание партиями избирательных блоков.

Отмена избрания депутатов в ГД ФС РФ по мажоритарным округам закрыла путь появления новых публичных политиков, ущемляет конституционные права граждан, лишая возможности реализовать пассивное избирательное право и принимать непосредственное участие в политическом процессе. Исчезла также возможность общественного контроля за проведением выборов. Более того, в новых редакциях законов о выборах президента и депутатов отменены голосование «против всех» и минимальный порог явки избирателей на выборы, тем самым российские граждане лишились с 2007 года права и возможности публично, и в юридической форме выразить протест против правящего режима.³⁹⁷

Российский политический класс «отворачивает» от демократии, не желает существовать в условиях подлинной открытости и политической конкуренции. Возникает вопрос, почему народ участвует в выборах и придает легитимность такому режиму? Существуют две причины отсутствия серьезного сопротивления со стороны граждан, лежащие на поверхности: не развита демократическая политическая культура и политическое сознание обработано пропагандой. На наш взгляд, есть и более глубокая причина. В. Путин предложил россиянам модель развития отличную от коммунистической и либеральной в духе 1990-х гг. Суть модели – экономическое развитие и рост личного благосостояния в обмен на гражданские и политические права и свободы. Российский народ согласился передать всю полноту власти В. Путину (и его команде) в обмен на проведение необходимых экономических и социальных реформ, которые, в конечном счете, должны были привести к экономическому процветанию, социальной защищенности, возвращению международного престижа страны. Иными словами, часть общества готова принять любые незаконные, но зато эффективные способы упорядочивания политической и экономической сфер. Одним из первых об этом писал А. Аузан.

Благодаря высокой личной популярности и победе в первом туре, восстановив тем самым прямую связь с социальным большинством, В. Путин смог политически восстановить растерянный Б. Ельциным патрональный потенциал президентской власти и действительно

---

³⁹⁷ Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда: Очерки политической истории России: 1991-2008. Научное издание / Ю.А. Нисневич. М.: Аспект-пресс, 2010. - С.31-40.

стать патрональным президентом. Более того, «власть опирается не только на институциональную базу, но и на массовую политическую поддержку, причем значение этой «второй опоры» со временем начинает расширяться».³⁹⁸

По мнению А. Зудина, становление и консолидация моноцентрического режима стали главным политическим итогом электорального цикла 2003-2004 гг. Политическое ослабление и маргинализация политической оппозиции, плебисцитарный характер федеральных выборов сочетались с усилением политической силы президента и превращением моноцентрического российского политического режима в персоналистский.³⁹⁹

Адекватный анализ ценностной и институциональной динамики в постсоветской России предполагает преемственность с реальным состоянием массового политического сознания в советскую эпоху. При соблюдении методологической осторожности два исследования общественного мнения, осуществленных в 1950-х и 1980-х гг. могут быть использованы при сравнительном анализе преемственности политических идеалов и ценностных доминант «человека советского». Одно из них, так называемый «Гарвардский проект интервью с мигрантами», выполненный под руководством А. Инкелеса и Р. Бауэра, другое исследование – «Проект советских интервью». Оба исследования зафиксировали специфическое отношение к государству: бывшие советские люди, категорически отвергавшие советскую систему, давали высокие оценки отдельным ее аспектам – системам бесплатного здравоохранения, образования и социального обеспечения. Советские люди видели в «государстве могучую, но доброжелательную патерналистскую и контролирующую силу, которая отвечает за судьбу страны и руководит ею... рядового гражданина опекает и оберегает».⁴⁰⁰

Советские люди приветствовали реформы и политическую либерализацию, но лимитировано, чтобы это не нарушило основы общественной стабильности, а также выступали за то, чтобы тяжелая промышленность находилась под контролем государства. Результаты исследований «Гарвардский проект» и «Проект советских интервью» зафиксировали: «обеспеченность материальным достатком и социальная защищенность преобладают над стремлением к обеспечению индивидуальных демократических прав и свобод».⁴⁰¹ Подобные результаты были получены в 1989 году в ходе проведенного ВЦИОМ в СССР исследования «Советский человек».⁴⁰² Это свидетельствует о некоей преемственности системы ценностных ориентаций.

³⁹⁸ Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС.- 2010.- №5.- С.75.

³⁹⁹ Там же: с.76.

⁴⁰⁰ Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. - С.153-156.

⁴⁰¹ Там же: с.155.

⁴⁰² Там же: с.153-156.

Режим В. Путина в годы своего президентства соответствовал политическому идеалу и политической культуре россиян. Исследователь А. Лукин в статье «Политический идеал и политический режим в постсоветской России»⁴⁰³ описал советский политический идеал, который продолжал доминировать практически в том же виде в сознании россиян и в начале XXI века. В основу реконструкции политического идеала легли результаты периодических опросов, в рамках программы «Новый российский барометр» (НРБ), проведенных под руководством Р. Роуза.

Основные содержательные позиции идеала: сильное государство с большим объемом полномочий в политической и экономических областях, возглавляемое сильным лидером; основная цель государственной власти - повышение уровня жизни населения; государственная собственность в ведущих отраслях промышленности – оборонной, тяжелой, металлургической; сохранение государственных систем здравоохранения, социального обеспечения, образования при условии значительного повышения их эффективности; предоставление или расширение ряда гражданских прав и свобод - свободы передвижения, права выбора рода деятельности и владения собственностью; сохранение определенного государственного либо иного рода контроля над нормами общественной нравственности; сохранение СССР (России) как великой державы.⁴⁰⁴

Следует отметить два момента, политический идеал сложно назвать демократическим, скорее авторитарным, и он явно свидетельствует об авторитарном запросе граждан. По мнению социолога Б. Дубина, президент В. Путин вписался в рамки базовой для советских людей легенды о великодержавной России.⁴⁰⁵

Исследователь Е. Осиновский,⁴⁰⁶ изучая политические процессы современной России, предпринял попытку объяснить загадку популярности В. Путина. Он сформулировал два исследовательских вопроса: почему недемократический президент имеет стабильно высокий рейтинг доверия и почему персональная поддержка В. Путина не транслируется на государственные политические институты? В качестве исследовательского инструментария Е. Осиновский использовал веберовскую теорию типов легитимности для анализа структуры власти в постсоветской России.

Одним из первых выводов автора является обнаружение конфликтной структуры легитимности российской политической системы, которая заключается в том, что персональная

---

⁴⁰³ Лукин А. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // Pro et Contra.- 2008.- №4.- С.81-104.

⁴⁰⁴ Там же: с.85.

⁴⁰⁵ Дубин Б. Сталин и другие. Фигуры высшей власти общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения.- 2003. - №2 (64).- С.26-40.

⁴⁰⁶ Ossinovsky E. Legitimacy political power in Putin's Russia. Available at: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsioonid/2010/pdf/Ossinovski_MA.pdf

легитимность президента подрывает легально-рациональную легитимность политических институтов.

Различие между поддержкой президента и поддержкой государственных институтов связывается с тем фактом, что «харизматическая легитимность противопоставляется легально-рациональной». Эта оппозиция происходит из конфликтной природы самой легитимности: легально-рациональная легитимность апеллирует к процедурной точности, в то время как харизматическая предполагает использование любых средств для достижения целей. Это объясняет утверждение, что харизматическая легитимность подрывает легально-рациональную легитимность государственных институтов. Это вполне объясняет ситуацию в России, почему поддержка президента, основанная на харизматической легитимности, не транслируется на государственные институты, в основе которых легально-рациональная легитимность. Результаты социологических опросов подтверждают, что принцип разделения властей не снискал особой популярности и можно выделить специфические особенности отношения граждан к различным ветвям государственной власти.

В качестве объяснительной схемы специфической структуры власти в постсоветской России и ее влияния на установление и эволюцию режима, воспользуемся концепцией английского политолога Р. Саквы.⁴⁰⁷ Конструкция власти в России им описывается как дуальная конструкция, суть которой заключается в том, что наряду с государственными институтами, действующими согласно принятой в 1993 году Конституции, параллельно функционируют дополнительные, впервые установленные Б. Ельциным, административные структуры, которые были созданы с целью личной подотчетности президенту и присмотра за парламентом. Пример такой административной структуры - администрация президента. К тому же, новые конституциональные рамки были созданы, чтобы соответствовать личности президента Б. Ельцина, и предопределили невыполнение принципа разделения властей.

Парламент начал терять свои политические позиции. Структуры президентской власти перехватили у него законодательные инициативы, оставив лишь функции поправок и возможность оттянуть принятие законов. В ситуации, когда реальные полномочия находились в Администрации президента и в Совете Безопасности, происходит укрепление режима личной власти, но происходит неизбежное ограничение политических контактов с Государственной Думой.⁴⁰⁸

Российский парламент как представительный орган не стал механизмом политической плюрализации общества, не усилил ответственность власти перед гражданами, не

⁴⁰⁷Sakwa R. The dual state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol.26. No.3. pp.185-206; Саква Р. Путин: выбор России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 480 с.

⁴⁰⁸ Соловьев А.И. Гражданское общество и правовое государство. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или матрица развития? // ОНС.- 2004.- №1.- С.64-76.

препятствовал монополизации государственной власти различными элитарными группами, и не стал источником развития демократии в России. Парламент постепенно был встроено в вертикаль исполнительной власти, стал зависимым как от политических, так и от кадровых решений представителей административной исполнительной вертикали.

И все же, характер взаимоотношений ветвей власти, функционирования властных институтов обусловлен как стилем политического руководства, так и распространенными массовыми политико-культурными установками, политическими традициями. Подобные социальные опоры власти и создают возможность ее дрейфа в ту сторону, где превышаются конституционные ограничения. За этим стоят признаки авторитаризма, вождизма и консервации традиционалистских тенденций в отправлении власти, которые не благоприятствуют демократизации.

С приходом к власти В. Путина произошел коренной перелом общественных настроений в отношении фигуры президента, и все последующие президентские сроки уровень доверия оставался достаточно высоким. С другой стороны, столь заметных изменений в отношении представительных органов власти, силовых структур, общественных организаций не наблюдалось. Отношение к ГД ФС РФ практически не менялось ни в ситуации, когда она являлась реальной оппозицией действующему президенту, ни в настоящее время, когда она сотрудничает с исполнительной властью. Можно утверждать, что политическая конструкция продолжает базироваться на президенте, а сам институт президентства на личности Владимира Путина.

«Незначительное» положение законодательной власти в массовом сознании можно объяснить отсутствием в российской политической культуре представлений о необходимости разделения властей, политической конкуренции, оппозиции, и напротив, значимостью патерналистских ориентаций. Более того, в СМИ Государственная Дума не наделяется статусом самостоятельного политического института и формируется образ «подчиненного учреждения» самому президенту, обуславливая тему предсказуемости результатов ее работы (табл.2.14).

Таблица 2.14

По данным Левада-центра, ответы на вопрос, «Как вы считаете, нужна ли России Государственная Дума, или жизнь страны может быть с тем же успехом организована в соответствии с указами Президента?», распределились следующим образом:⁴⁰⁹

⁴⁰⁹ Пресс-выпуск «Общественное мнение о деятельности Госдумы и депутатах». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh>

Опрос проведен 15-18 ноября 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

	2007	2011	2013
России нужна Государственная Дума	48%	47%	39%
Жизнь страны может быть с тем же успехом организована в соответствии с указами Президента	37%	32%	43%
Затрудняюсь ответить	15%	21%	18%

Работу нынешних депутатов оценивают отрицательно 56% опрошенных россиян. 49% опрошенных граждан совершенно не осведомлены о том, чем занимаются депутаты, каковы их политические цели и предпочтения, а 51% россиян вообще не интересуется то, чем занимаются депутаты Государственной Думы РФ.⁴¹⁰

Инфляция, безработица, резкое падение уровня жизни, высокий уровень преступности, ставшие наглядными результатами демократических реформ, способствовали разочарованию населения в демократии, мрачному взгляду на будущее, ностальгии по советскому прошлому, недоверию к демократической власти, политической апатии. С середины 1990-х гг., когда стало ясно научному сообществу, что все попытки проведения экономических реформ по западному либеральному образцу не приводят к желаемым результатам, возник вопрос о причинах сложившейся ситуации. В начале 2000-х гг. в качестве причин назывались наследие советской эпохи, с которой связывались патерналистские ожидания россиян, отсутствие экономической рациональности мышления, господство конформистских установок. Было разумно ожидать, что со сменой поколения патернализм и конформизм уйдут в прошлое, однако этого не произошло, демократическая личность не сформировалась.

В период своего первого президентства В. Путин демонстрировал попытки создать легально-рациональную легитимность политической системы путем установления «диктатуры закона». Это явно выражено в первом послании президента В. Путина Федеральному Собранию в 2000 году: «В России наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм.... Однако буква закона и реальная жизнь подчас далеки друг от друга. В России построен лишь каркас гражданского общества. Сейчас требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства. Нам пока не всегда удается совместить патриотическую ответственность за судьбу страны с тем, что Столыпин когда-то называл «гражданскими вольностями». Поэтому еще так трудно найти выход из ложного конфликта между ценностями личной свободы и интересами государства. Между тем сильное государство немислимо без уважения к правам и свободам человека. Только демократическое государство способно обеспечить баланс интересов личности и общества, совместить частную инициативу с общенациональными задачами».⁴¹¹

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 8.07.2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>

За период политической борьбы 1990-х гг. различных федеральных властей, региональных элит и крупного бизнеса появились и заметно окрепли новые центры влияния. Они не были демократически настроенными, но их многообразие создавало благоприятные условия для политического плюрализма, поиска компромиссов и взаимных уступок. В перспективе это могло позволить сформироваться системе сдержек и противовесов, обеспечивающей устойчивость разделения властей. Однако последовали унификация регионального законодательства, смирение региональных элит, вытеснение оппозиционных партий, введение цензуры в СМИ, иными словами, основанное на моральном праве построение «вертикали власти», которая с одной стороны стала определенно действенной в критический период для страны, и с другой стороны получила мандат доверия населения. Голоса той части общества, которая обратила внимание на негативные последствия подчинения независимых СМИ и сокращения прав регионов (реформа СФ ФС РФ), оказались практически не слышны.

Кризис доверия между обществом и властью был обусловлен в России рядом факторов, таких как резкое усиление социально-экономического неравенства и рост коррупции. Исследователь У. Бек отметил, что «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью».⁴¹² Иными словами, политические свободы невозможны без материальной безопасности и защищенности прав граждан.

В условиях дефицита демократии редко удается решить проблему резкого социального расслоения населения. Для этого необходимы эффективная антимонопольная политика, гражданское общество, действенные профсоюзы, высокий уровень образования и культуры населения. Прогрессирующее расслоение общества привело к тому, что разрыв в уровне жизни бедных и богатых социальных групп стал в России одним из самых высоких в мире (табл.2.15).

Таблица 2.15

Динамика децильных показателей (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных, Россия), 1992-2009 гг., %⁴¹³

Год	1992	1995	1998	2001	2002	2003	2004	2007	2008	2009
Значение	8,0	13,5	13,8	13,9	14,2	14,5	14,8	16,8	16,8	16,7

Согласно данным ежегодного «Доклада о мировом богатстве», подготовленного Merrill Lynch совместно с консалтинговой фирмой Capgemini, число долларовых миллионеров в России

⁴¹² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-традиция, 2001. - С.115.

⁴¹³ Пропась между богатыми и бедными усугубляется. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kprf.org/showthread.php?t=62>

в 2004 году достигло 88 тысяч человек.⁴¹⁴ По мнению З. Бжезинского, устойчивость путинской авторитарной системы, популярность В. Путина и пассивное согласие общества связаны и зависимы от неожиданно обрушившегося на страну, но вероятнее всего преходящего богатства, добыча и экспорт нефтяных ресурсов. Эта зависимость оголяет фундаментальную слабость путинской системы: «неприкрытое сосредоточение богатства на вершине властной пирамиды оказывает разлагающее, а в конечном итоге и деморализующее воздействие на общество».⁴¹⁵ Подобная диспропорция при падении цены на нефть может стать причиной «социального брожения».

Ряд исследователей отмечают, что резкое увеличение доходов от добычи и экспорта нефти в странах обладающих большими запасами «черного золота», оказывает негативное влияние на состояние политической системы, в частности, на состояние институтов представительной демократии и частной собственности.⁴¹⁶

Проблема неравенства и снижение ценности демократической идеи обостряются устойчивыми эгалитаристскими настроениями, сформировавшимися в сознании россиян – «элитизация» политики, ее «приватизация» политической и экономической верхушкой общества. Большинство россиян считают, что демократические процедуры – это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше денег. Социолог К. Лэш обоснованно отметил, что если условия жизни в американских городах начнут приближаться к условиям проживания в развивающихся странах, демократия в США должна быть готова заново влюбиться в себя.⁴¹⁷

По мнению В. Выжutowича, 13.1% россиян живет сегодня за чертой бедности. Минимальная зарплата у трети работников составляет менее 1,5 прожиточного минимума, а у каждого пятого вообще ниже прожиточного минимума. Разрыв доходов между бедными и богатыми на сегодняшний момент достиг 15-кратной величины. Однако если принять во внимание скрытые доходы, то разрыв получится 20-кратным. А если принимать во внимание только главный источник дохода - заработную плату, то различие, по некоторым оценкам,

⁴¹⁴ Коньков Н. Россия – суперолигархия. Агентство политических новостей. 22.06.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/opinions/article9378.htm>

⁴¹⁵ Бжезинский З. Путинский выбор // Иносми. 12.03.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20080312/240172.html>

⁴¹⁶ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. №6. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/6.pdf>; Сонин К. Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики.- 2005.- № 7.- С.4-18; Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика.- 2007.- № 3.- С.18-31; Friedman T. The First Law of Petropolitics // Foreign Affairs. May/June . 2006. pp.28-36; Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol.53. No.3. pp.325-361; Sonin K. Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights. Available at: <http://wdi.umich.edu/files/publications/workingpapers/wp544.pdf>; Tsui K. More Oil, Less Democracy? Theory and Evidence from Cruide Oil Discoveries. Mimeo. University of Chicago, 2005. Available at: <http://areweb.berkeley.edu/fields/erep/seminar/s2006/KTsuijobmarketpaper.pdf>

⁴¹⁷ Леш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002. - С.69.

почти 30-кратное.⁴¹⁸ Дело усугубляется тем, что наряду с расширением списка журнала «Forbes», усиливается воспроизводство бедных с одновременным формированием у них особой субкультуры бедности. Растет число трудоспособных людей, которые не хотят работать, а хотят стать получателями различной социальной помощи и гарантий, уповают на государство и полагаются только на власть.

Особую тревогу вызывает вероятность воспроизводства такого расслоения в будущих поколениях, поскольку малообеспеченные россияне теряют доступ к каналам и ресурсам, которые могут позволить им изменение их социального статуса. По мнению А. Андреева, Россия «становится страной со сниженным уровнем социальной мобильности, а неравенство в наших условиях приобретает особенно застойный – не классовый, а корпоративно-кастовый характер».⁴¹⁹

Исследователь П.М. Козырева отмечает, что сохранение чрезвычайно глубокого неравномерного распределения общественного дохода среди различных групп населения препятствует расширению и углублению демократических преобразований в России. Тогда как озабоченность большей части россиян проблемами социально-экономического характера обуславливает усиление ориентации граждан на повышение роли государства и использование жестких методов государственного регулирования экономики, направленных на справедливое распределение доходов.⁴²⁰

Исследователь Ю.А. Красин отметил, что социальное неравенство имеет свое политическое измерение, которое выражается в различиях активности граждан в политике и степени использования властных ресурсов.⁴²¹ Различия являются прямым следствием социально-экономического неравенства, которое определяет политические позиции и поведение людей. Там, где социальное неравенство препятствует гражданской и политической активности больших масс населения, возникает феномен «политической бедности». Американский политолог Дж. Бохман понимал под политической бедностью «неспособность некоторых групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в их последующей уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений».⁴²²

⁴¹⁸ Выжutowич В. Роскошь как средство передвижения // Российская газета. 12.04.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/12/vizhutovich.html>

⁴¹⁹ Андреев А.Л. Социальные противоречия российского общества, «Перспективы», «Фонд исторической перспективы». 19.03.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://perspectivi.ru/rus/nashe/socialnye_protivorechiya_rossiyskogo_obschestva.htm

⁴²⁰ Козырева П.М. Российское общество: тенденции исторического транзита. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozyreva_Rossijskoe%20obsch.pdf

⁴²¹ Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ю-а-красин-социальное-неравенство-в-по/>

⁴²² Bohman J. Public Deliberation. Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, Massachusetts, 1996. 125 p.

Ю.А. Красин использует понятие «политическая бедность» для понимания политической ситуации в России, где целые слои населения исключены из политического процесса, лишены возможности участия в гражданской жизни и не могут добиться включения их требований в политическую повестку дня. В развитых демократиях организации гражданского общества являются эффективными механизмами публичного выражения интересов различных социальных групп. По мнению исследователя, в современной России амортизаторы политической бедности отсутствуют по причине неразвитости гражданского общества. Рост «политической бедности» приводит к тому, что функция принятия политических решений концентрируется в узком кругу правящей элиты. Таким образом, политическая бедность, произрастающая из социального неравенства, генерирует авторитарные тенденции в российском обществе.

Поскольку власть в массовом сознании стойко ассоциируется с имеющим коррупционное происхождение богатством, углубление социально-экономического неравенства стало весомым фактором недоверия к власти всех ветвей и уровней, утраты социального оптимизма, и, как следствие – снижения политической активности и вовлеченности населения.

Кризис доверия между обществом и властью был обусловлен также ростом коррупции. Исследователь О.В. Попова отметила системный характер коррупции в России: государственная политика определяется частными интересами людей находящих у власти или оказывающих влияние на нее; «теневые доходы» превосходят официальный заработок; коррупционное поведение воспринимается населением как норма; власть активно способствует распространению коррупции; ежегодно значительно увеличивается число чиновников.⁴²³

Исследователь Л. Шелли считает, что коррупция является фактором способствующим развитию авторитарных тенденций в России, потому что коррупция искажает функции представительных институтов, распространение общественно значимой информации, препятствует развитию конкуренции в политике и экономике, провоцирует рост уровня насилия и агрессии в обществе. По мнению Л. Шелли, антикоррупционные шаги лидеров постсоветских стран предпринимаются как средство избавления от политических конкурентов, либо как политические рычаги для оказания иного воздействия.⁴²⁴

Дополнительными факторами развития коррупции в России являются отсутствие антикоррупционного законодательства, сознательное препятствие принятию закона «О борьбе с коррупцией», который после прохождения в первом чтении ГД ФС РФ отправлен на доработку с 2004 года отсутствие государственной структуры с основной функцией — борьба с коррупцией.

---

⁴²³ Попова О.В. Борьба с коррупцией в Российской Федерации как инновационный проект гражданского общества // Политэкс. - 2006. - №4. Т.2. - С.137-140.

⁴²⁴ Там же: с.139-141.

По мнению О.В. Поповой, не следует говорить о прямой связи состояния политического режима и уровня коррупции, но, безусловно, с 2002 года произошли существенные деформации политического режима, которые способствовали росту коррупции: «сжатие» области публичной политики; развитие патроно-клиентских отношений между элитными группами, между политической элитой и населением; доминирование исполнительной власти над политическими институтами; кристаллизация партийной системы. Власть нацелена обеспечить режим стабильности. Стабильность не только политическая ценность, она уже обретает организационные формы и институционализируется. «Результат — жесткость политического порядка — создает, как правило, ощущение защищенности у населения и властной элиты, образ власти видится стабильным и незыблемым». ⁴²⁵ Л.В. Сморгунов исследовал современные тенденции развития современной публичной сферы, в частности, «государственный империализм», проникновение государства в публичную сферу. ⁴²⁶

Для сокращения уровня коррупции требуются критически настроенные граждане, политическая оппозиция и конкуренция, свобода информации и независимость правоохранительных органов и судебной власти. Центр Антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл - Р» фиксирует, что, несмотря на все усилия и борьбу властей, уровень коррупции в России ежегодно растет. ⁴²⁷

В. Путин подписал указ о создании в структуре Администрации президента Управления по вопросам противодействия коррупции. ⁴²⁸ Эффективность работы Управления можно будет оценить спустя год работы.

Уровень доверия к институтам в период президентства В. Путина остается таким же низким, как и во времена президентства Б. Ельцина. Одной из объективных причин этого является то, что бюрократия остается коррумпированной и неэффективной. Улучшение экономической ситуации и рост уровня благосостояния связывались лично с В. Путиным. А дистанцирование от промахов и ошибок служило защитным механизмом власти и обеспечивало устойчивость.

По мнению россиян, президент отвечает за все происходящее в стране, особенно за рост благосостояния граждан. Так, по данным Всероссийского опроса общественного мнения ЦИПКР 5-9 марта 2004 года, 70% опрошенных признали, что их материальное положение

⁴²⁵ Попова О.В. Почему Россия - «несвободная страна», или о том, «как нас посчитали» // Политэкс.- 2006.- №1. Т.2.- С.47-48.

⁴²⁶ Сморгунов Л.В. Тенденции развития современной публичной сферы // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики. Сб. статей / Отв.ред. Л.В. Сморгунов, Е.В. Морозова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. - С.6-18.

⁴²⁷ Трансперенси Интернешнл Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/>

⁴²⁸ Указ Президента Российской Федерации «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19747>

«целиком и полностью» или «в большей степени» зависит от президента В. Путина.⁴²⁹ Высокий уровень одобрения и поддержки главы государства создает впечатление массового признания в нем харизматического лидера, который способен эффективно решать задачи экономического развития и национального сплочения (табл.2.16).

Таблица 2.16

По данным Левада-центра, ответы на вопрос, «Как Вы считаете, несет ли Владимир Путин ответственность за проблемы, стоящие перед страной во время его правления?», распределились следующим образом:⁴³⁰

	2012	2013	2014
Да, в полной мере	50%	48%	52%
Да, в некоторой мере	28%	30%	30%
Нет, он все делал правильно, и если что-то не удалось, то это вина нерадивых и коррумпированных чиновников	12%	13%	7%
Нет, он все делал правильно, и если что-то не удалось, то это результат объективных обстоятельств (положения, в котором находилась страна в конце 90-х годов, мирового кризиса и т.п.)	6%	5%	5%
Затрудняюсь ответить	5%	4%	5%

В. Путин как прагматичный политик достаточно быстро усвоил политический урок, что власть должна быть в руках лидера, а не заключаться в структурах, чтобы сохранить управляемость политическим режимом. Коррумпированную бюрократию излечить изнутри нельзя, государственные институты реформировать изнутри нерезультативно и маловероятно. В. Путин предпочел работать со структурами, не имеющими конституционных границ. Это те самые параллельные административные структуры: Администрация президента, система федеральных округов, Государственный Совет, Совет Безопасности, Общественные палаты. Они созданы для повышения эффективности государственного (и территориального) управления и контроля.

Подобные пара-конституциональные структуры подрывают позиции государственных институтов, способствуют слиянию исполнительной и законодательной ветвей власти. Эти структуры оказываются более влиятельными с точки зрения политического реформирования, чем государственные институты. Данные исследования Левада-центра свидетельствуют о том,

⁴²⁹ Возраст харизмы. Политический прогноз. «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 2004. 3 июня. №74 (12548). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovross.ru/old/2004/074/074_2_1.htm

⁴³⁰ Пресс-выпуск «Владимир Путин: оценки деятельности». 18.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-04-2014/vladimir-putin-otsenki-deyatelnosti>
Опрос проведен 21-24 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

что 72% опрошенных россиян уверены в том, что Госдума и Совет Федерации зависят от Администрации Президента⁴³¹ (табл.2.17).

Таблица 2.17

Представления россиян о степени зависимости Государственной Думы и Совета Федерации от Администрации Президента России, 2012 г., %⁴³²

Полностью зависимы	27
В значительной мере зависимы	45
Лишь в малой мере зависимы	11
Совершенно независимы	1
Затрудняюсь ответить	16

Результаты данного опроса, также свидетельствуют о том, что независимостью не обладают и другие институты. 64% респондентов полагают, что суды зависят от федеральных и региональных властей, 71% опрошенных считает, что СМИ зависят от Администрации президента и правительства России, 66% россиян считают, что в таком же зависимом положении находится и бизнес.

Более того, модель «вертикаль власти» более привлекательна для россиян, чем идеи вроде «Открытое правительство»,⁴³³ несмотря на тот факт, что в мире интенсивно разрабатываются подходы к организации системы государственного управления, в частности, «электронное правительство», для повышения его эффективности и качества.⁴³⁴

Администрация президента вероятнее всего основывается на персональном типе легитимности, потому что связана лично с В. Путиным. Эти пара-конституционные структуры власти не могут основываться на легально-рациональном типе легитимности, потому что не существует институционализированных (установленных публично) правил их функционирования. К тому же, чем менее прозрачна система, тем больше недостатков можно скрыть от общественности, тем более, когда располагаешь управляемыми СМИ и политически малограмотным населением. Это вполне естественно может сочетаться с тем, что пара-конституциональные структуры население воспринимает легитимными.

⁴³¹ Пресс-выпуск «Россияне о независимости ветвей власти». 22.10.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvei-vlasti>
Опрос проведен 21-24 сентября 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

⁴³² Там же.

⁴³³ Иванов М. Страна победившей вертикали // Газета «Ъ». 22.10.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>

⁴³⁴ Еремеев С.Г. Электронное правительство мегаполиса // Экономика и управление.- 2009.- №3.- С 24-27.

Исполнительным ядром президентской власти служит Администрация Президента России. В Конституции указано только право Президента России на формирование Администрации президента,⁴³⁵ а на законодательном уровне ее статус, полномочия, порядок формирования и деятельность не определены. Администрация, в соответствии с действующим положением, утвержденным Указом Президента РФ от 6 апреля 2004 г. №490,⁴³⁶ является государственным органом, обеспечивающим деятельность Президента и осуществляющим контроль исполнения его решений.

Таким образом, Администрация Президента осуществляет перераспределение в пользу президентской власти государственно-властных полномочий, и использует эти полномочия для реализации централизованных взаимодействий института президентства со всеми политическими и государственными институтами.

По мнению социолога Л. Гудкова, администрация президента полностью определяет все кадровые назначения на ключевые должности в государстве. «Реальная власть сосредоточена у институционально неоформленного, недифференцированного, узкого круга лиц...Этот круг управляет важнейшими процессами».⁴³⁷ Подбор кадров в системе государственного управления основывается не на принципах деловой компетенции, профессионализма и знаниях, а на личной лояльности. Соответственно, вытекающий отсюда административный произвол «блокирует развитие независимого суда, автономию парламента, способствует сращиванию бизнеса и государственной бюрократии...».⁴³⁸ Режим «ручного управления», гарантированный политической лояльностью представителей элитных групп, ориентирован на консервацию существующих политических отношений и исключение политической конкуренции.⁴³⁹

Более того, создание таких госкорпораций как Внешэкономбанк, Роснано, ФСР ЖКХ, Олимпстрой, Росатом, Ростехнологии можно условно рассматривать как показатель усиления «дирижистских» элементов в экономической политике. Эти шаги В. Путина имели и политическое следствие: «часть решений выводится из сферы полномочий федеральной административной элиты и делегируется в полуавтономные центры» руководству госкорпораций, которые по существу сконцентрированы вокруг президентской власти.⁴⁴⁰ Л. Гудков отметил, что к подобным государственным корпорациям переходят функции

⁴³⁵ Конституция Российской Федерации: офиц. текст. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>

⁴³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. №490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/04/08/administr-dok.html>

⁴³⁷ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. - 2007.- №5 (91).- С.27.

⁴³⁸ Там же: с.27.

⁴³⁹ Попова О.В. Политика лояльности в российских условиях // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики. Сб.статей / Отв.ред. Л.В. Сморгун, Е.В. Морозова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010.- С. 150-155.

⁴⁴⁰ Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС.- 2010.- №5.- С.79.

отраслевых министерств, «эти корпорации обладают скрытыми административными ресурсами, они закрыты и непрозрачны для внешнего контроля...».⁴⁴¹

Последствия подобной дуалистической системы власти – нестабильность системы. М. Вебер подчеркивал, что харизматическая легитимность по природе неустойчива и нестабильна по сравнению с рационально-легальной, так как основывается на достижениях краткосрочных целей, и в ситуации кризиса эта система маловероятно, что устоит.⁴⁴² В данной связи, в качестве примера кризиса, можно иметь в виду ухудшение экономической ситуации, смену власти, и, в целом, выборы.

Исполнительная власть подконтрольна президенту, общегосударственные функции которой осуществляются правительством, лишенным статуса самостоятельного политического института. Зависимость российского правительства от президента определяется порядком его формирования. Президент России выбирает кандидата на должность председателя Правительства России и вносит для согласования (формального) в Государственную Думу, также в соответствии с Конституцией он назначает и освобождает от должности всех членов Правительства. Правительство, где каждый член обязан своим назначением, прежде всего, лично Президенту России, как институт государственной власти не может играть самостоятельной политической роли. Государственная Дума при такой практике формирования правительства не имеет возможности влиять на его структуру и персональный состав членов. Население России имеет множество претензий к работе правительства (табл.2.18; табл. 2.19).

Таблица 2.18

Основные претензии россиян к деятельности нынешнего правительства»,
2000-2014 гг., %⁴⁴³

	2000	2006	2008	2010	2012	2014
Не может справиться с ростом цен, падением доходов населения	39	51	57	54	42	41
Нет продуманной программы экономического развития России	21	22	9	21	17	26
Коррупцировано, действует в первую очередь в своих собственных интересах	7	22	21	21	24	25
Не может обеспечить людей работой	27	33	26	41	32	23
Не заботится о социальной защите населения	27	39	38	36	32	22
Действует в интересах крупного бизнеса	-	-	-	13	15	20

⁴⁴¹ Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. - 2007.- №5 (91).- С.27.

⁴⁴² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. - С.644-706.

⁴⁴³ Пресс-выпуск «Претензии россиян к правительству». 01.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/01-04-2014/pretenzii-rossiyan-k-pravitelstvu>

Опрос проведен 21-24 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

Не может справиться с кризисом в экономике	23	27	25	23	16	18
Недостаточно эффективно борется с преступностью	17	20	16	18	14	15
Не может обеспечить безопасность граждан, справиться с террористами	11	19	11	13	12	7
Низкий профессиональный уровень	4	11	6	10	11	7
Действует в интересах иностранного капитала	2	7	6	4	6	6
Не может обеспечить стабильность на Северном Кавказе	7	9	6	7	5	3
Другое	3	5	7	6	7	4
Нет претензий к деятельности правительства	15	5	10	9	11	12
Затруднились ответить	11	5	6	3	4	6

Таблица 2.19

Мнения россиян о наличии у правительства России продуманной экономической программы, 2004-2013 гг., %⁴⁴⁴

	2004	2007	2008	2009	2011	2012	2013
Есть продуманная экономическая программа	21	46	32	30	34	26	23
Продуманной программы нет, есть лишь самые общие представления, о том, что нужно делать в создавшихся условиях	35	26	27	39	33	38	36
У правительства нет программы, решения принимаются под влиянием сиюминутных обстоятельств	34	14	26	20	22	23	26
Затруднились ответить	11	14	15	12	11	13	14

Начиная с 2000 года, в обществе наблюдается тенденция к усилению легитимности политического института исполнительной власти - Правительства. Правительство представляет собой персонифицированный институт, уступая только институту президентства. Можно говорить о «Правительстве Черномырдина», «Правительстве Касьянова», «Правительстве Фрадкова», «Правительстве Путина», «Правительстве Медведева».

Вероятно, в силу того, что должность Председателя правительства в 2008 году занял В. Путин, наметился рост доверия к работе этого политического института, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. В оценках общественного мнения в 2008 году правительство стало лучше справляться с задачами экономической политики – борьба с инфляцией, с безработицей.⁴⁴⁵ Политический сильный В. Путин, восстановив институт президентства, возглавил правительство. Появилась перспектива усиления роли правительства

⁴⁴⁴ Пресс-выпуск «Программа оппозиции и правительства в представлениях россиян». 09.12.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-12-2013/programma-oppozitsii-i-pravitelstva-v-predstavleniyakh-rossiyan>

Опрос проведен 15-18 ноября 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

⁴⁴⁵ Общественное мнение - 2011. М.: Левада-центр, 2012. - С.105. Объем выборки: 1600 человек.

и роста общественного доверия к этому институту исполнительной власти. При этом общественная поддержка законодательной и судебной властей оставалась на довольно низком уровне, несмотря на незначительный рост показателей доверия и поддержки граждан к этим институтам, как показывают социологические данные.

Исследователь А. Зудин, характеризуя политический период (2007-2008), писал о том, что «место персоналистской моноцентрической конструкции занял симбиоз двух «центров силы»». ⁴⁴⁶ А. Зудин отметил об образовании качественно новой двухполюсной структуры власти, порожденной деконцентрацией власти. Первый полюс – премьер – лишенный привычных широких президентских полномочий, но с исключительно высокой общественной поддержкой, с опорой на ведущую партию, с сохранением контроля над региональными парламентами и неформальных связей с ключевыми элитными группами. Вторым полюсом – президент – наличие всего объема конституционных полномочий, но с ограниченным выходом на ключевые политические ресурсы.

Такое отделение институциональной составляющей от политической, деконцентрация и деперсонализация власти, по мнению А. Зудина, позволяет говорить о начале трансформации политического режима, о «нормализации» института президентской власти. ⁴⁴⁷ Следствием политического ослабления президента такой рокировкой, с одной стороны может стать (долгожданное) укрепление доверия и увеличение политического веса других институтов государственной власти, но с другой – возникновение институционального напряжения, которое найдет выход в неограниченном сверхпрезидентском правлении.

Вероятнее всего будет дальнейшее укрепление авторитарного режима, персональная легитимность которого будет поддерживаться перманентным закручиванием гаек, посредством использования медиа манипулятивных технологий, путем актуализации борьбы с внутренними и внешними врагами. По мнению А. Лукина только перемены в политической культуре принципиально могут изменить характер российского политического режима, а активная политика властей могла бы сыграть позитивную роль в этом изменении. ⁴⁴⁸ Для того чтобы в России восторжествовал легально-рациональный принцип демократической легитимности необходимы существенные изменения в политической культуре ее граждан, формирование новой демократической политической культуры общества. Это потребует немало времени и благоприятных условий. ⁴⁴⁹

⁴⁴⁶ Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС.- 2010.- №5.- С.83.

⁴⁴⁷ Там же: с.84.

⁴⁴⁸ Лукин А. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // Pro et Contra.- 2008. - №4.- С.102-103.

⁴⁴⁹ Ланцов С.А. Легитимация власти в условиях посткоммунистического общества: общие закономерности и российская специфика // Легитимность и легитимация власти в России. СПбГУ: Санкт-Петербург, 1995. - С.13.

В настоящее время в сознании большинства населения отсутствует важнейшая составляющая демократической культуры, лежащая в основании отношения граждан к политике, власти, государству – чувство политической компетенции. По этой причине, двадцатилетие функционирования формально демократических институтов в России, не привело к распространению политической культуры участия.⁴⁵⁰

Недовольство режимом и требования перемен растут по мере увеличения разрыва между ожиданиями населения и субъективно воспринимаемым реальным положением дел. Сегодня ни у одной оппозиционной группы нет программы новой политики. И если насильственным путем сменить правящую группировку, новая, скорее всего чтобы удержать свою власть и быть легитимной в глазах населения, будет проводить приблизительно сходную политику, ведь запрос на авторитарность и патернализм у населения не сменился на демократический. Если даже произойдет смена главного лица страны, все равно население будет желать, чтобы у власти находился сильный лидер, вождь, потому что доминируют авторитарные установки в массовом сознании граждан.

Главным риском популярности В. Путина являются экономические проблемы, состояние гражданских прав и свобод путинский электорат особо не волнует. Население не видит конструктивной альтернативы Путину, новые лица власти не смогут лучше решить основные проблемы – рост тарифов ЖКХ и продолжающуюся инфляцию. Снижение уровня поддержки является своего рода явным запросом на порядок, стабильность и на вновь заметное улучшение материального благополучия подобно тому, что было в начале 2000-х годов. Народ недоволен «сбросом» государством своих социальных обязанностей. Объем социальных гарантий постоянно тает и уменьшается, падение уровня жизни граждане ощущают на себе.

По мнению россиян, сегодня В. Путин стал более жестким и авторитарным, мудрее и дальновиднее, стал ближе к народу, больше делает для страны, его авторитет в мировой политике также усилился.⁴⁵¹

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Предложен современный взгляд на исследование и анализ авторитарности в России. Изложен новый подход к рассмотрению авторитарного синдрома как последствия культурной травмы в результате политической и социокультурной трансформации общества. В разработке

⁴⁵⁰ Ачкасов В.А., Еремеев С.Г. Десятилетие либеральных реформ и перспективы гражданского общества в России // Гражданское общество в России: стратегия и тактика формирования. Материалы к науч. симпозиуму 7 дек. 2001. (СПбГУ). Общ. ред.: Марахов В.Г. СПб: изд-во НИИХ СПбГУ, 2001. - С.29.

⁴⁵¹ Пресс-выпуск №2422 «Владимир Путин: вчера и сегодня». 07.10.2013. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114532>

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 23-24 февраля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

теоретического концепта «авторитарный синдром» и операционализации основных его компонентов, применительно к исследованию посткоммунистической трансформации в России, автор опирался на теорию ресентимента М. Шелера и на теорию культурной травмы П. Штомпки.

Представлена описательная модель ресентимента, раскрывающая механизм действия ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Механизм описан через фазу возникновения, фазу формирования и развития, фазу распространения (эмансипации). Произошла активация авторитарного синдрома в результате травматического события – распада коммунистической политической системы. Травматическая ситуация, связанная с крахом советского государства и прежней экономической системы, ревизией традиций прошлого, нарушением привычного образа жизни, мышления и мировосприятия своих/чужих, привела к актуализации авторитарного синдрома, и в особенности отдельных его компонентов. Травма распада советского государства, сознания, внезапный крах великой и непобедимой державы, которые компенсировались настроениями и убеждением граждан в том, что мы бедные, мы маленькие, но зато была великая держава, нас все уважали и боялись. В посткоммунистической России стыд возник из-за того, что большая страна с неисчерпаемыми ресурсами, а население живет в бедности. Грубость нравов, хамство власти и ощущение зависимости подпитывает авторитарный ресентимент.

В классических работах по теории авторитарной личности, авторитарный синдром определяется через специфические черты характера личности, в данном диссертационном исследовании авторитарный синдром рассматривается как политико-аксиологический феномен, который является частью (компонентом культуры) культуры переходных обществ и оказывает влияние на развитие постсоветского общества.

Авторитарный синдром – это комплекс групповых и индивидуальных ценностей, которые регулируют и конституируют политическое поведение индивидов. Регулятивная сторона реализуется в нормах, ценностях, ограничивающих поведение индивидов, а конституирующая сторона насыщает политическое действие содержанием, что помогает индивидам понимать ситуацию и соотносить свои действия и ожидания с другими. В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, ресентимент, основным содержанием которого является авторитарный синдром, выполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

Выделены и описаны политико-культурные компоненты авторитарного синдрома, которые можно обнаружить в российском обществе: установка на этатизм, установка на

патернализм, установка на эгалитаризм, установка на порядок и иерархию, великодержавность и представления о величии России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к ксенофобии.

Исследуется взаимосвязь между особенностями структуры массовых политических ориентаций и принципами легитимации постсоветской политической системы. Исследование опирается на типологию легитимности Д. Истопа. В качестве рабочего определения используется определение легитимности, сформулированное Д. Истопом, которое подходит к исследованию ситуации переходности. Д. Истон определяет легитимность как «диффузию поддержки режима». Общество переходного типа как раз характеризуется множеством противоречий по отношению к новым институтам и значимым ценностям.

Установлено, что авторитарный синдром, распространенный в массовом сознании российских граждан, способствовал установлению персонального типа легитимности, а также детерминирует неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности.

Высокая популярность В. Путина лежит в основе властных отношений в постсоветской России. Исследователями были предложены такие объяснения оснований популярности президента В. Путина как культурное, неоинституциональное, коммуникационное. В рамках неоинституционального подхода к объяснению популярности президента исследователи Р. Роуз, Н. Манро, У. Мишлер, опираясь на результаты исследования в 2004 году, пришли к выводу, что экономическая эффективность путинской администрации является важным фактором его электорального успеха. Автором было проверено данное предположение исследователей. Результаты показали, что гипотеза не подтвердилась, согласно которой фактор удовлетворенности экономической эффективностью путинского руководства является значимым в объяснении результатов президентских выборов. Предполагалось, что в таком случае, должна наблюдаться устойчивая корреляция между уровнем благополучия граждан в различных регионах страны и уровнем их поддержки президента на выборах. Для проверки гипотезы были рассчитаны коэффициенты линейной корреляции между результатами голосования на президентских выборах 2004 года и 2012 года в регионах страны и, такими показателями уровня жизни, как средняя заработная плата и средняя пенсия в регионе в 2004 году и, соответственно, в 2012 году.

Автором было предложено объяснение устойчивости путинской популярности – активация авторитарного синдрома в переходный период. Причинами для активации авторитарного синдрома стали неэффективность политического руководства (управления), резкий рост социального неравенства, коррупция, обнищание населения, стремительный рост безработицы, статусная деградация. Иными словами, коренной перелом во всех сферах жизни:

работа, отдых, потребление, образование, участие в политике, в сочетании с необходимостью приспособляться к новым, незнакомым и более сложным условиям привели к появлению авторитарного ресентимента.

Установлено влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России. Институт президентства стал несущей конструкцией, стержнем российской государственности, всей системы государственной власти в постсоветской России. В ситуации переходного периода, когда политические и социальные институты неразвиты и слабы, президентская власть усиливает контроль над обществом. Более того, это находит поддержку граждан, они видят в сильном президенте гарант порядка, безопасности и улучшения личного материального положения. Ключевое место в постсоветской политической системе занимает президент страны, а его персональная легитимность является основой отношения граждан к государственным институтам. Удачный имидж второго российского президента, экономические и политические успехи в годы его руководства страной, запрос граждан на сильного лидера сформировали своеобразный феномен президентской популярности, устойчивый в различных регионах и социальных группах. Этому во многом способствовал и тот факт, что меры, предпринятые политической элитой для сокращения реальной конкурентной демократии, в целом соответствовали представлениям граждан об эффективном государственном управлении в духе доминирующих в массовом сознании политико-культурных традиций.

Парламент вначале 1990-х гг. выступал как инструмент слома коммунистического режима, олицетворяя собой конституционность, правовое начало, принцип разделения властей. В результате политического кризиса 1992-1993 гг. парламент утратил свою роль в политической системы. Не последней причиной этого было доминирование патерналистских установок в обществе, где власть соотносилась не с представительными органами, а с самодержавным лидером. Парламент не стал действенным каналом артикуляции и агрегирования политических интересов и настроений граждан, что способствовало усилению распространения антидемократических тенденций.

Начавшаяся на рубеже столетия эпоха экономической и политической стабилизации, связанная с годами президентства В. Путина, стала началом нового этапа взаимодействия граждан и власти, выразившегося, прежде всего, в укреплении традиционных представлений об эффективности авторитарной формы государственного управления. Приход В. Путина к власти в 2000 году коренным образом изменил формат отношений граждан и власти: агрессивное недоверие периода второго президентства Б. Ельцина быстро сменилось надеждой на улучшение жизни к лучшему, связывавшейся с личностью второго президента России, имидж которого соответствовал представлениям избирателей о деятельном и близком к народу

руководителе. Выданный народом политический вексель президенту В. Путину и благоприятная экономическая конъюнктура определили устойчивость его популярности в различных социальных группах.

Консолидации политической системы вокруг фигуры В. Путина способствовали политическое ослабление парламента, института выборов, деятельности политических партий, в результате изменения избирательного законодательства. Причина поддержки со стороны граждан такого режима в том, что В. Путин предложил гражданам модель развития государства, которая соответствует настроениям, установкам, доминирующим ценностям: экономическое развитие и рост личного благосостояния в обмен на гражданские и политические права и свободы. Авторитарный ресентимент, распространенный среди части общества детерминирует готовность граждан принимать и оправдывать любые даже незаконные действия власти, но зато эффективные способы упорядочивания политической и экономической сфер.

Выявлена конфликтная структура легитимности политической системы, которая состоит в том, что персональная легитимность президента подрывает легально-рациональную легитимность, таких политических институтов, как парламент и правительство. За период нахождения у власти В. Путину удалось сформировать и поддерживать высокий уровень персональной легитимности президентской власти, преобразование которой в рационально-легальную форму представляется актуальной задачей современной российской политики.

Кризис доверия между обществом и властью обусловлен следующими факторами: усиление социально-экономического неравенства, рост коррупции и административного произвола, социальное расслоение, которые препятствуют расширению и углублению демократических преобразований в России.

АВТОРИТАРНЫЙ СИНДРОМ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГРАЖДАН РОССИИ

3.1. Динамика компонентов авторитарного синдрома в массовом сознании россиян (1992-2013 гг.)

Изучение проблемы авторитарной личности в СССР, теоретические и эмпирические исследования авторитарности массового сознания российского общества представлены в первой главе диссертационного исследования. Автором были выделены и описаны политико-культурные компоненты авторитарного синдрома, которые можно обнаружить в российском обществе: установка на этатизм, установка на патернализм, установка на эгалитаризм, установка на порядок и иерархию, великодержавность и представления о величии России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к ксенофобии.

Данные социологических исследовательских центров фиксируют проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, которые подтверждают доминирование персонального типа легитимности российской политической системы, и демонстрируют неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности. Результаты социологических исследований показывают, что уровень авторитарности в российском обществе высок, значительная часть населения разделяют авторитарные установки.

ИНДИКАТОРЫ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА

Иррациональное представление о власти

Одним из важных моментов является то, что в массовых представлениях граждан о власти доминирует понимание власти не как источника и гаранта закона и порядка в стране. Власть, в представлениях россиян – это, в первую очередь, само «государство», высшее политическое руководство, чиновники, обеспечивающие функционирование государственной машины (табл.3.1).

По данным социологического исследования, проведенного Левада-центром в 2008 году, у людей с высоким потребителем статусом, у которых сформированы экономические интересы, власть ассоциируется с законами, с Конституцией РФ, для более молодого поколения

в большей степени характерна декларативная приверженность ценностям демократического порядка.⁴⁵²

Таблица 3.1

Представления россиян о власти (что такое «власть»? что, прежде всего, приходит на ум, когда произносится это слово?), 1999 и 2008 гг., %⁴⁵³

	1999	2008
Насилие, принуждение	18%	12 %
Государство, правительство	40 %	47 %
Чиновники	22 %	32 %
Начальство	13 %	24 %
Возможность командовать людьми	15 %	22 %
Конституция, законы	27 %	26 %
Управление делами общества	7 %	15 %
Привилегии	21 %	17 %
Поддержание порядка	14 %	15 %
Злоупотребление, своекорыстие	29 %	20 %
Социальная защита, обеспечение малоимущих	10 %	10 %
Направляющая, руководящая сила	10 %	12 %
Люди, избранные народом и отвечающие перед ним	13 %	13 %
Затруднились ответить	4 %	3 %

На протяжении последних 11 лет число людей, считающих, что власть должна заботиться о людях, по данным опросов Левада-центра, остается постоянным и составляет 64-68% опрошенного взрослого населения (табл.3.2).

Таблица 3.2

Динамика представлений россиян о принципе, на котором должно быть устроено общество, 2001-2012 гг., %⁴⁵⁴

	2001	2006	2007	2010	2012
Власть должна заботиться о людях	64	68	66	65	64
Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно	33	28	30	29	32
Затруднились ответить	3	4	6	6	4

Конструкция представлений о власти, которая существует в общественном мнении россиян и демонстрируется посредством опросов социологических центров, напоминает пирамиду: вся власть сконцентрирована наверху, на вершине пирамиды, внизу располагается народ, ожидающий от власти своего материального и карьерного благополучия.

⁴⁵² Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований. 2008. С.19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/postsovetskii-chelovek-i-grazhdanskoe-obshchestvo>

⁴⁵³ Общественное мнение – 2008. М.: Левада-центр, 2008.- С.29. Объем выборки: 1600 человек.

⁴⁵⁴ Общественное мнение – 2012. М.: Левада-центр, 2012. - С.36. Объем выборки: 1600 человек.

После распада советской системы, по мнению россиян, новая институциональная система, новая власть не обеспечивает достойный уровень жизни граждан, не в состоянии справиться с проблемами в стране, а только преследует свои собственные интересы. Отсюда и недоверие основной массы населения по отношению к новым политическим институтам в стране, особенно к тем, которые появились в 1990-е гг. (табл.3.3).

Таблица 3.3

Мнения россиян о том, чем нынешняя власть отличается от власти советской эпохи, 2007 и 2013 гг., % ⁴⁵⁵

	2007	2013
Она больше думает о простых людях, стала для них больше делать	5	4
Она сумела навести порядок в стране	9	8
Она установила нормальные отношения с Западом	30	26
Она много сделала для того, что Россию сегодня уважают в мире	27	21
Она совсем перестала думать о простых людях, она преследует только собственные интересы	48	50
Она не может справиться с проблемами в стране	39	43
Она ведет неумелую и неправильную внешнюю политику, она перессорила Россию со всем миром	9	12
Она не может сделать так, чтобы Россию уважали во всем мире	17	21
Затруднились ответить	3	10

Более того, ряд исследователей пишет о том, что для российского общества характерной чертой является ностальгия по советским временам. Безусловно, такие принципы советской системы как равенство, помощь государства, широкие государственные и социальные гарантии, гарантированный определенный социальный статус и уровень материального благополучия каждому, оказались более предпочтительными для россиян, чем принципы конкурентного общества. В российском обществе, столкнувшемся с крайними формами проявления неравенства в период распада коммунистической системы, возник авторитарный ресентимент. Сейчас он подпитывается колоссальным разрывом между богатыми и бедными. Поэтому проблемой номер один современной власти, по мнению граждан, является забота о простых людях, решение проблем, достижение социального равенства и справедливости. Отсюда и проявления настроений – у богатых отобрать, поделить и раздать всем нуждающимся.

Характер приведенного распределения мнений, на вопросы социологов о восприятии власти, свидетельствует о том, что власть, она и есть «государство», охватывает все стороны жизнедеятельности граждан (табл.3.4; табл. 3.5). Россияне считают существующую конструкцию власти нормальной и даже справедливой, подходящей России с ее особым путем развития. Но одновременно с этим, граждане считают, что они не в состоянии контролировать

⁴⁵⁵ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.53. Объем выборки: 1600 человек.

власть, думают, что власть обязательно обманет граждан и не позаботится должным образом. По этой причине, они считают, что в праве обманывать власть, уклоняться от требований власти. Это вполне можно отнести к ресентиментной ситуации, когда человек оправдывает свое невыполнение обязательства посредством критики власти, что она не создала благоприятные условия для его выполнения. При этом, «благоприятные условия» при ресентиментном мышлении не появятся никогда.

Таблица 3.4

Динамика отношения россиян к Власти, 1997 и 2013 гг., %⁴⁵⁶

	1997	2013
Власть нужна обществу для обеспечения порядка, и чтобы порядок был, она не должна зависеть от общества, не должна быть подконтрольна ему	17%	17%
Власть нужна обществу для обеспечения порядка, и чтобы порядок был, она не должна стоять над обществом. Общество должно контролировать власть	60%	66%
Власть нужна тем, кто ее может использовать в личных интереса. Контроль власти со стороны общества - пустые слова	23%	17%

Таблица 3.5

Представления россиян о происходящем в нынешней России», 2006-2012 гг., %⁴⁵⁷

	2006	2010	2012
Граждане контролируют деятельность власти	2	1	2
Власть контролирует деятельность граждан	21	24	31
Граждане и власть контролируют друг друга	7	11	9
Ни власть, ни граждане друг друга не контролируют	30	31	27
Граждане и власть обманывают друг друга	31	24	20
Затруднились ответить	10	9	11

Асимметрия отношений власти и массы приводит к представлению о том, что власть обладает и должна обладать дееспособностью и значимостью для выполнения первостепенной задачи - забота о человеке, тогда как сам человек считает, что действия власти в большей степени не влияют на его жизнь, что власть только пытается манипулировать им в своих целях. Более половины опрошенных россиян, характеризуя свои отношения с властью, отмечают, что они полагаются только на себя и стараются избегать контакта с властью (табл.3.6; табл. 3.7).

Таблица 3.6

Представления россиян об их взаимоотношениях с властью, 2006-2012 гг., %⁴⁵⁸

⁴⁵⁶ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.44. Объем выборки: 1600 человек.

⁴⁵⁷ Общественное мнение – 2012. М.: Левада-центр, 2012. - С.36. Объем выборки: 1600 человек.

	2006	2010	2012
Вступая в контакт с властью, Вы добиваетесь от нее того, что Вам нужно	6	3	6
Ваша жизнь во всем зависит от власти	24	27	21
Вы живете, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью	62	62	65
Затруднились ответить	8	8	8

Таблица 3.7

Мнения россиян о влиянии принимаемых властями решений на жизнь простых граждан,
2006-2012 гг., %⁴⁵⁹

	2006	2010	2012
В значительной мере	50	40	31
В незначительной мере	28	33	42
Совершенно не влияют	19	22	21
Затруднились ответить	4	5	5

Вполне разумно предположить, что это реакция общества на изменения в результате экономических, политических, социальных трансформаций. Власть в представлениях российских граждан самодостаточна и независима от общества, она и должна такой быть. В такой ситуации невозможно говорить о равновесности прав и свобод граждан и власть держащих. Власть мыслится гражданами, прежде всего, как сильная фигура единственного и безальтернативного первого лица. Ни законодательные органы, ни судебные органы, ни средства массовой информации не обладают сколько-нибудь самостоятельным значением и авторитетом в глазах россиян (табл.3.8; табл. 3.9).

Таблица 3.8

Мнения россиян о том, какую роль играют в жизни России следующие институты, 2001-
2012 гг., %⁴⁶⁰

	2001	2003	2005	2007	2008	2009	2011	2012
Президент	3,90	3,96	3,92	4,25	4,22	4,51	4,17	3,87
Президентская администрация	2,9	3,1	3,28	3,63	3,55	3,96	3,69	3,51
«Олигархи», банкиры, финансисты	3,79	3,80	3,64	3,74	3,64	3,58	3,63	3,63
СМИ	3,52	3,53	3,39	3,48	3,53	3,43	3,45	3,36
Правительство	3,53	3,38	3,22	3,56	3,45	3,84	3,78	3,61
Губернаторы	3,42	3,29	3,14	3,34	3,26	3,47	3,25	3,18
Вооруженные силы	3,28	3,29	3,21	3,5	3,47	3,62	3,36	3,42
ФСБ	3,21	3,31	3,41	3,74	3,65	3,78	3,36	3,61
Директора крупных предприятий	3,35	3,15	3,12	3,18	3,17	3,27	3,01	3,10

⁴⁵⁸ Там же: с.37.

⁴⁵⁹ Там же: с.37.

⁴⁶⁰ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.78. Объем выборки: 1600 человек.

Прокуратура	2,9	2,97	3,13	3,36	3,28	3,43	3,22	3,26
Судебные органы	2,8	2,91	3,01	3,25	3,11	3,27	3,18	3,17
Совет Федерации	2,99	2,93	2,93	3,23	3,09	3,41	3,22	3,10
Церковь	2,91	2,74	3,06	3,26	3,00	3,04	3,04	3,04
Государственная Дума	2,81	2,86	2,85	3,07	2,89	3,29	3,09	3,06
Интеллигенция	2,53	2,44	2,42	2,59	2,43	2,67	2,54	2,42
Политические партии	2,69	2,60	2,61	2,73	2,64	3,04	2,81	2,81
Профсоюзы	1,95	1,91	1,91	1,89	1,93	2,01	1,92	1,91

Таблица 3.9

Доверие россиян к следующим институтам, 2001-2013 гг., %⁴⁶¹

	Вполне заслуживает				
	2001	2004	2007	2009	2013
Президент России	52	62	64	63	55
Органы государственной безопасности	22	20	24	31	36
Правительство РФ	21	12	19	34	30
Политические партии	7	5	7	7	12
Совет Федерации	12	8	12	22	24
Государственная Дума	10	9	13	21	25

Авторитетные исследования, посвященные образам власти в современной России, процессам, происходящим в массовом политическом сознании российских граждан, проводятся под руководством Е.Б. Шестопаля.⁴⁶² Исследователь Е.Б. Шестопаля отмечает, что на процесс формирования основных элементов образа власти оказали влияние социокультурный кризис и глубокая трансформация социальных и политических структур общества, имевшие место после 1991 года. В условиях социокультурного кризиса, на фоне настроений разочарования, неудовлетворенности и неуверенности, власть воспринимается массовым сознанием в образе вождя, на которого граждане смогли бы переложить ответственность за будущее и решение проблем. Данная модель восприятия массовым сознанием образа вождя имеет две важные особенности: первая, личность снимает с себя ответственность за принятие решений, за будущее и передает добровольно свои права, вторая особенность состоит в том, что личность также начинает считать, что власть ответственна и за ее личные неудачи.⁴⁶³

Исследователь Г.Л. Кертман также писал о такой тенденции, уточняя, что если человек неудовлетворен своими успехами, материальным благополучием и социальным статусом, он

⁴⁶¹ Пресс-выпуск «Доверие институтам власти». 07.10.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>

Опрос проведен 20-24 сентября 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

⁴⁶² Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009. - 416 с.

⁴⁶³ Там же: с.27-29.

винит в этом не себя, а плохую власть, несовершенное общество, неэффективное государственное управление⁴⁶⁴ (табл.3.10).

Таблица 3.10

Мнения россиян о том, от чего, по вашему мнению, в большей степени зависит благополучие человека: от него самого или от того, насколько справедливо устроено общество, 1995-2013 гг., %⁴⁶⁵

	1995	2000	2005	2010	2013
от самого человека	23	37	37	41	38
от того, насколько справедливо устроено общество	65	56	58	54	58
затрудняюсь ответить	12	6	5	5	3

В данной связи, в контексте описания иррационального восприятия власти, автор диссертационного исследования хотел бы кратко представить авторскую концепцию «дидактика власти». Работа автора на тему «Дидактика политической власти» стала победителем конкурса Института Общественного Проектирования (ИНОП) на соискание именных стипендий (2009-2010 гг.) для студентов вузов Российской Федерации, работающих над общественно-значимыми темами социально-гуманитарных исследований. Научным руководителем исследовательской работы выступал А.И. Щербинин, доктор политических наук, заведующий кафедрой Политологии, Национального исследовательского Томского государственного университета.

«Дидактика политической власти» является собирательной категорией, под ней понимается форма властных отношений, свойственная русскому политическому миру, основывающаяся на принципах научения, воспитания, наставления властной фигурой «неразумных» подданных. Власть выступает в роли Учителя, народ в качестве учеников. Пространство государство воспринимается как школьное пространство, в котором власть, как более умная и статусная персона, обучает всех безотносительно возраста, происхождения и социального положения. Данный формат властных отношений предполагает отношения комплементарности «власть-народ». Пространство государства в зависимости от политико-исторической ситуации становится – ремесленной (период правления Петра I), гражданской

⁴⁶⁴ Кертман Г.Л. От политического отчуждения к опоре на собственные силы // Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. М.: ИСПРАН, 1996. – С.49-61.

⁴⁶⁵ Пресс-выпуск «Россияне о демократии». 03.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-04-2014/rossiyane-o-demokratii>

Опрос проведен 21-24 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

(период правление Екатерины II), тоталитарной (период советской власти) и демократической школой (период посткоммунистической власти).

Методологической основой данной концепции являются: «Учение о Русской Власти» отечественного ученого Ю.С. Пивоварова,⁴⁶⁶ представление о традиционно-архаической российской политической культуре Н.Г. Щербининой.⁴⁶⁷

Динамичный и диверсификационный характер преобразований в пространстве современного российского общества, актуализирует необходимость понимания природы и прогнозирования развития политико-социальных процессов. Политические трансформации инициируют изменения в системе экономических и социокультурных пространственно-временных координат: изменения в функционировании различных элементов, деноминация символов, возникновение новых ментально-поведенческих практик коммуникации и трансформация культурного наследия.

Развитие российской государственности сопровождается периодической трансформацией политического пространства страны, переходом к новым политическим практикам управления. Политико-историческая конъюнктура возникновения и функционирования русского государства предопределила выражение властной фигуры в роли Учителя. Особенно актуализация дидактической природы «Русской власти» проявляется в переходные политические периоды. Власть всегда первая замечает структурные и общественные изменения в «русском доме», всегда первая реагирует на возникшую проблемную ситуацию, благодаря ее учености. Знание исторических законов позволяет власти диагностировать ситуацию и прогнозировать развитие событий. Далее, используя нормативный инструментарий, власть устанавливает «правила игры», нормы, номинирует символы, которые впоследствии становятся «матрицей» новой пространственно-временной системы. И, наконец, Власть, как мудрый Учитель, учит народ, как жить в новом порядке, воспитывает в нем умения и навыки ориентирования в новой реальности.

«Дидактика политической власти» рассматривается как имманентная составляющая социально-политического российского пространства, неотъемлемый элемент социокультурной «русской системы», служит залогом социально-политической интеграции и стабильности, одновременно обладая потенциалом развития, и вследствие чего, выступает инструментом идеологического управления.

Задача политологического анализа феномена «дидактики политической власти» не только чрезвычайно актуальна, но отличается новизной и сложностью в теоретическом и практическом отношении, напрямую связана с важностью понимания роли политико-

---

⁴⁶⁶ Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. – 320 с. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. - 168 с.

⁴⁶⁷ Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис.- 1995.- №5.- С.127-140.

культурного наследия в современном развитии России. Политологическое осмысление данного феномена в системе политической культуры принимает во внимание процессы социальных изменений, образовательные вопросы и проблемы осуществления политического управления.

В отечественной научной традиции изучение политической власти, возникновение и функционирование властных отношений, как специфического направления политической науки, постоянно привлекает внимание научного сообщества. В настоящее время написано множество научно признанных теоретических работ характеризующих природу политической власти. Рассмотрение политической власти в ее дидактической ипостаси является ранее мало изученной областью политической науки. Для отечественной политической теории является новшеством интерпретация властных отношений как отношения Учителя и ученика.

Этатизм и государственный патернализм

Государственно-патерналистские установки распространены, значительная часть опрошенных россиян считает, что их жизнь во всем зависит от государства, что государство должно заботиться и опекать их, одновременно с тем, что население в реальности не питает иллюзий о том, что власть будет заботиться о нуждах своих граждан.

На протяжении последних 12 лет число людей с установкой на инициативу, считающих, что государство должно меньше вмешиваться в их жизнь, что они в состоянии добиться улучшения собственной жизни, остается, по данным опросов Левада-центра, постоянным и составляет 5-7% (табл.3.11).

Таблица 3.11

Динамика представлений россиян о роли государства в социальной сфере, 2001-2013 гг.,

%⁴⁶⁸

	2001	2006	2007	2009	2011	2013
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6	5	6
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28	34	35
Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63	58	53
Затруднились ответить	4	4	3	3	3	7

Мнение граждан, что большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы и опеки со стороны государства, что государство должно обеспечивать достойный

⁴⁶⁸ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.47. Объем выборки: 1600 человек.

уровень жизни, работой, жильем, отдыхом, сегодня по-прежнему разделяют две трети населения (табл.3.12).

Таблица 3.12

По данным Левада-центра, ответы на вопрос, «Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?», 1990-2013 гг., % распределились следующим образом:⁴⁶⁹

	1990	1997	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Большинство сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15	15	19	20	20
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80	77	75	75	70
Затруднились ответить	17	11	5	4	5	8	6	4	10

Характерно, что россияне, в первую очередь, ожидают от власти экономического и социального обеспечения в результате экономического роста, ведения порядка в стране и восстановление социальной справедливости для простых граждан.(табл.3.13)

Таблица 3.13

По данным Левада-центра, осенью 2013 года в России ответы на вопрос, «На решении каких проблем, на ваш взгляд, должен сосредоточиться В. Путин после его избрания на пост президента России?», распределились следующим образом:⁴⁷⁰

Экономический рост, подъем экономики страны	53%
Борьба с коррупцией	46 %
Наведение порядка в стране	42 %
Восстановление социальной справедливости, улучшение жизни простых людей	39 %
Соблюдение законов со стороны граждан и со стороны власти	28 %
Развитие науки, культуры, образования	23 %
Борьба с преступностью	23 %
Укрепление обороноспособности страны	20 %
Укрепление позиций России на международной арене	15 %
Духовное возрождение России	10 %
Укрепление демократии, защита прав и свобод личности	9 %
Защита окружающей среды	7 %
Сглаживание межнациональных конфликтов, борьба с национальной нетерпимостью	6 %
Обеспечение неприкосновенности частной собственности, стимулирование частного предпринимательства	5 %
Затруднились ответить	4 %

43% опрошенных россиян считают, что они выполняют свой гражданский долг перед государством (соблюдают законы, платят налоги) (табл.3.14). С выполнением государством

⁴⁶⁹ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.49. Объем выборки: 1600 человек.

⁴⁷⁰ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.92. Объем выборки: 1600 человек.

своих обязанностей перед гражданами обратная ситуация. Лишь 17% опрошенных граждан считает, что государство по большей части выполняет свои обязанности, делает все, что необходимо. По мнению 38% опрошенных россиян, государство не справляется с возложенными на него функциями, в первую очередь, в социально-экономическом плане. Неисполнение функций является одной из причин роста неудовлетворенности и низкой оценки работы властных институтов (табл.3.15).

Таблица 3.14

Мнения россиян о выполнении ими своих обязанностей перед государством
(соблюдение законом, уплата налогов), 1998-2013 гг., %⁴⁷¹

	1998	2001	2006	2010	2011	2012	2013
В полной мере выполняют	4	6	7	6	3	6	10
По большей части выполняют	15	33	30	33	39	37	33
Сколько выполняют, столько и не выполняют	36	38	38	40	43	37	35
По большей части не выполняют	31	16	19	15	10	13	15
Совершенно не выполняют	9	3	4	2	2	2	2
Затруднились ответить	5	5	4	4	3	6	5

Таблица 3.15

Мнения россиян о выполнении государством своих обязанностей перед гражданами
России, 1998-2013 гг., %⁴⁷²

	1998	2001	2006	2010	2011	2012	2013
В полной мере выполняют	1	2	1	2	1	2	2
По большей части выполняют	4	8	8	20	20	18	15
Сколько выполняют, столько и не выполняют	23	29	33	39	39	36	38
По большей части не выполняют	45	41	39	27	27	27	27
Совершенно не выполняют	25	16	15	10	9	12	11
Затруднились ответить	2	3	4	3	3	5	6

Период прихода В. Путина к руководству страной ознаменовался ренессансом доверия к государственной власти. Речь идет не столько о возложении на государство дополнительных обязанностей, сколько о делегировании ему дополнительных прав (возможность ограничить прессу и влиять на правосудие) в свете возросшего доверия к нему. Такое доверие к государству в общественном сознании свидетельствует о том, что учет новой властью ожиданий россиян, в отличие от ситуации в эпоху президентства Б. Ельцина, способствовал расширению делегирования власти права действовать, руководствуясь интересами государства,

⁴⁷¹ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.48. Объем выборки: 1600 человек.

⁴⁷² Там же: с.48.

а не действующими в стране законами. Такое расширение сторонников всевластия государства было связано с ростом доверия россиян, прежде всего, лично к В. Путину.

Социологи Левада-центра зафиксировали рост социально-политического инфантилизма в России.⁴⁷³ Задавая россиянам вопрос, «Государством какого типа вы хотели бы видеть Россию в будущем?», социологи решили выяснить отношение их к происходящему в стране (табл.3.16).

Таблица 3.16

Представления россиян о типе государства, каким бы они хотели видеть Россию в будущем, 2008-2014 гг., %⁴⁷⁴

	2008	2011	2012	2013	2014
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	39	36	41	33	38
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	32	30	31	33	28
Социалистическим государством типа СССР	17	23	22	24	24
Затрудняюсь ответить	11	12	7	10	11

Популярность западной модели государства снизилась, вероятнее всего, на фоне украинских событий, их освещения в СМИ, безотносительно к рыночной экономике, демократии и правам человека западного общества. Внешняя политика западных стран, их «двойные стандарты», и особенно критика в адрес нынешней путинской России, рассматриваются россиянами в единой связке с внутренней демократической организацией западных стран. Получается, что все представления россиян, об организации и функционировании политических и общественных систем западных стран, формируются через не всегда позитивный экраный образ внешней политики. Интересны в данной связи представления россиян об особом пути развития (табл.3.17).

Таблица 3.17

Представления россиян об «особом российском пути», 2008-2014 гг., %⁴⁷⁵

	2008	2011	2012	2013	2014
Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни»	34	39	42	30	31
Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	22	16	18	19	23
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	18	19	20	15	19

⁴⁷³ О росте социально-политического инфантилизма в России. Левада-центр. 16.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/16-05-2014/o-roste-sotsialno-politicheskogo-infantilizma-v-rossii>

⁴⁷⁴ Будущее России глазами ее граждан. Левада-центр. 21.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/07/6684> Всероссийский опрос проведен 21–24 марта 2014 года. В опросе приняли участие 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах из 45 регионов страны. Выборка репрезентирует население России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

⁴⁷⁵ Там же.

Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения	9	5	11	8	11
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	7	8	7	5	6
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	9	6	8	7	6
Преобладание интересов власти над интересами населения	7	9	7	7	4
Не знаю, в чем собственно выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	16	15	16	17	15
Ничего не слышал об этом	11	11	8	11	13
Затруднились ответить	9	7	6	8	7

Социологи фиксируют увеличение доли граждан, которым свойственен социально-политический инфантилизм. Речь идет о том, что россиянам становится все равно какая модель государства есть и будет, главное, чтобы она обеспечила материальное благополучие, их личное благополучие. Большинство граждан не понимает демократических процедур, механизмов организации конкурентного общества, необходимости личного участия в жизни общества и государства. «Его (гражданина) требования к власти и типу государства носят детский характер: «сделай мне хорошо»».⁴⁷⁶

Непонимание роли и значения процедур (демократических, правовых) приводит к тому, что граждане видят Россию как государство с особым устройством и своим путем развития, вкладывая в «особый путь» — экономический рост, результаты которого направлены на обеспечение благополучия простых граждан. Вопрос об устройстве является как раз процедурным. Для россиян свойственна системная индифферентность, которая вполне вписывается в путинский «общественный договор: материальное благополучие в обмен на политические права и свободы.

Фигура сильного лидера

При общем недоверии к власти, ужесточение политического режима населением воспринимается как укрепление законности и порядка, как общественное благо. Для решения проблем, стоящих перед обществом, обеспечения безопасности и наведения порядка, власть, по мнению россиян, должна быть сильной и самодержавной.

77% опрошенных россиян считают приемлемым и необходимым, чтобы во главе государства находился сильный руководитель. Тогда как показатель противоположной установки – «ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека» – упал с 44% в 1989 году до 15% в 2014 году (табл.3.18). Авторитарные установки

⁴⁷⁶ О росте социально-политического инфантилизма в России. Левада-центр. 16.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/16-05-2014/o-roste-sotsialno-politicheskogo-infantilizma-v-rossii>

довольно сильные. Под «сильной рукой» подразумевается сильный лидер, избранный в результате свободных и справедливых выборов, который уважает и защищает своих граждан, решает сложные проблемы, стоящие перед государством и вправе использовать жесткие меры в случае необходимости.

Таблица 3.18

Мнения россиян о нахождении во главе государства «сильной руки», 1994-2013 гг., %⁴⁷⁷

	1994	1996	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	35	37	42	45	43	40	44	42	35	41	31
Бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	23	32	31	29	29	31	33	29	39	31	46
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	23	18	20	18	18	25	19	22	22	20	15
Затруднились ответить	18	13	8	8	10	5	5	8	5	8	7

Запрос на вождя, отца, спасителя нации составляет среди опрошенных граждан 53-68%. Этот показатель должен рассматриваться как достаточно ясная политическая установка, готовность переложить ответственность за положение дел на лидера, отказаться от политического участия, политической конкуренции и оппозиции (табл.3.19).

Таблица 3.19

Мнение россиян о сосредоточении в руках В. Путина практически всей власти в стране, 2004-2014 гг., %⁴⁷⁸

	2004	2006	2007	2009	2012	2013	2014
Идет на благо России	68	63	66	63	53	49	63
Не сулит России ничего хорошего	20	20	17	16	26	33	19
Затрудняюсь ответить	13	17	17	21	21	18	18

Описание того, что действие ресентимента не прекращается после исчезновения раздражителя, что ресентимент может передаваться от поколения поколению, находит свое

⁴⁷⁷ Пресс-выпуск «Россияне о сильном лидере и единовластии». 08.04.2014. Левада-центр. Режим доступа: <http://www.levada.ru/08-04-2014/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii>

Опрос проведен 21-24 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

⁴⁷⁸ Там же.

подтверждение в недавнем исследовании международной рекрутинговой компании Nays. В России люди поколения Y (1984-2000 г.р.) не особо отличаются от поколения X (1963-1984 г.р.) и также хотят работать под началом идеального – авторитарного, но справедливого – руководителя, который бы точно знал, что делать, давал указания, ставил четкие задачи, распределял работу между подчиненными и принимал бы всю ответственность на себя. Новое современное поколение россиян также мечтает о твердой руке. В качестве основных причин называются низкий уровень менеджмента и «бегство от свободы», самостоятельности среди молодежи. Молодые россияне ждут авторитарности от руководства, готовы ему подчиняться и выполнять распоряжения в обмен на оклад, бонусы и стабильность. Свобода действий, инициативность, гибкий график, удаленная работы их не интересуют.⁴⁷⁹

Представления о демократии

Отношение россиян к демократическим ценностям и институтам можно охарактеризовать как «доброжелательный скептицизм»: доброжелательное отношение к самой идее демократии как оптимальной форме организации общественно-политической жизни страны, одновременно с крайне скептическим отношением к демократическим политическим институтам, претворяющим идею демократии в жизнь: парламент, институт выборов, многопартийность и т.д. (табл.3.20). Среди немногочисленной части населения востребован инструментальный потенциал демократии, в качестве митингов, демонстраций, обращений в суд и СМИ.

Таблица 3.20

Представления россиян о демократии, 2000-2012 гг., %⁴⁸⁰

	2000	2001	2004	2005	2006	2009	2010	2012
свобода слова, печати, вероисповедания	37	39	44	44	40	38	35	47
экономическое процветание страны	33	26	31	32	35	39	27	24
выборность всех высших государственных руководителей	15	14	18	13	11	13	13	18
возможность для каждого делать все, что он хочет	10	10	6	10	7	7	8	10
подчинение меньшинства большинству	6	4	3	4	2	3	6	6
гарантия прав меньшинств	5	7	6	6	5	7	8	6
строгая законность	29	23	24	24	25	29	21	20

⁴⁷⁹ Авшалумова Р., Кравченко И. Новое поколение россиян мечтает о твердой руке // Ведомости. 22.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/career/news/26810741/rossijskih-igrekov-sreda-zaela>

⁴⁸⁰ Пресс-выпуск «Что такое демократия и существует ли она в России». 19.03.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-03-2012/chto-takoe-demokratiya-i-sushchestvu-et-li-ona-v-rossii> Опрос был проведен 24-27 февраля 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

порядок и стабильность	28	24	29	30	34	37	29	24
анархия и безвластие	6	4	6	5	5	3	4	2
пустая болтовня	10	10	11	9	10	5	9	10
другое	1	1	1	1	2	1	1	2
затрудняюсь ответить	8	6	7	6	6	5	6	5

Такие позитивные и негативные значения демократии, присутствующие в массовом сознании, обусловлены тем, что во время перестройки циркулировали неясные для населения идеи демократического политического устройства, разочарованием граждан, в результате экономического кризиса и политического хаоса 1990-х гг.

Аксиомы демократической политической системы, такие, как политическая оппозиция, независимые СМИ, принцип разделения властей не поддерживаются многими россиянами. Вероятно, это связано с особой ролью государства в российской культуре, с запросом на усиление государства, который возрастает в кризисные периоды (табл.3.21).

Таблица 3.21

Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам, 1998-2010 гг., %⁴⁸¹

Россияне согласны с тем, что:	1998	2010
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстрации	49	57
Настоящая демократия не возможна без политической оппозиции	50	54
Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	46	38
Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	59	32
Государство должно всегда отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	47	58

Сложный характер взаимоотношений между институтами государственной власти стал определенной особенностью российской политической системы. Разделение властей как неотъемлемый элемент демократической политической системы обеспечивает некую автономию и взаимный контроль ветвей власти, гарантирует подотчетность власти обществу, служит инструментом защиты прав и интересов граждан от злоупотреблений со стороны государства. Разделение властей в Российской Федерации не существует.

Данные социологического опроса «Разделение властей или властный монолит?», проведенного ФОМ, указывают на то, что принцип разделения властей противоречит

⁴⁸¹ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. - С.81-82.

Всероссийское социологическое исследование «Готово ли российское общество к модернизации», проведенное ИС РАН в марте-апреле 2010 года. Объем выборки: 1750 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Исследование охватило жителей всех типов поселений и 12 территориально-экономических районов страны, представляющих 11 социально-профессиональных групп.

традиционным для российской политической культуры представлениям об оптимальной модели взаимоотношений власти и общества – установке на государственный патернализм и регламентацию социальных отношений «сверху». Все институциональные ограничения для такой вездесущности власти, обеспечиваемые разделением властей, население склонно воспринимать как неоправданные препятствия, мешающие государству исполнять «родительские» функции по отношению к обществу.⁴⁸²

Социолог Л. Гудков в статье «Российский авторитаризм: институциональный и общественный контекст» подчеркнул, что главной проблемой российской государственности является декларативный характер принципа разделения властей, которая неразрешима в обозримом будущем, поскольку отсутствует разделение «государства» и «общества». Более того, «персональная зависимость от главы государства руководителей всех ее ветвей - правительства, ведомств, председателей судов, руководителей парламента, наместников в регионах - придает государственной машине внешне централизованный и рациональный вид, но, по сути, свидетельствует об ее глубоко архаичном, патерналистском характере. Авторитет представительных органов у населения невысок во всех группах, а их дееспособность вызывает большие сомнения».⁴⁸³

По мнению Л. Гудкова, российская политическая система, которая сложилась в настоящее время, не способна к внутреннему и последовательному изменению. Разговоры о необходимости реформ административного управления останутся только декларациями, и на практике не будут работать, по той простой причине, что они не будут поддержаны соответствующими функциональными связями с другими институтами, нормами, ценностями и самое главное - гражданами.

Понятие демократии довольно многогранно, люди вкладывают в него разный смысл. Следует отметить, что опрошенные граждане достаточно уверенно определяют ключевые элементы демократии, без которых она функционировать не может. Восприятие демократии гражданами обусловлено нынешним этапом развития демократии в России. Демократия это, прежде всего, свобода СМИ, равенство всех перед законом, независимое судопроизводство, политический плюрализм, политический порядок, экономическое развитие и материальное благополучие граждан. Личные свободы, политическое участие, самоуправление, право на забастовку оказались существенно менее значимыми для граждан России, чем колоссальная разница в уровне доходов.

---

⁴⁸² Опрос населения «Разделение властей или властный монолит? (принцип разделения властей в российском массовом сознании)» 13.12.2001. ФОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/power/dd014737> Данные по выборке на сайте ФОМ не представлены.

⁴⁸³ Гудков Л. Российский авторитаризм: институциональный и общественный контекст. 02.08.2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1313>

Это можно объяснить отчасти тем фактом, что россияне четко понимают и разграничивают нормативные представления о демократии (идеальная демократия) от реального положения дел в стране (реальная демократия). Отсюда и главная претензия к российской демократии у россиян – низкая эффективность ее работы в отличие от прежних советских времен. Речь идет об уровне и качестве жизни простых граждан, уровне социальной защищенности, масштабах коррупции в стране, реальным обеспечением политических и гражданских прав и свобод.

Такое восприятие демократии не столько социокультурная традиция или мифическая «рабская психология русских», сколько вполне реальная адекватная реакция на конкретные события и обстоятельства жизни. Появившиеся новые возможности для самореализации в современной России в 1990-е гг., сочетались со страхом, неопределенностью, несправедливостью в построении своей жизни в соответствии с личными желаниями и представлениями. Эти обстоятельства обусловили формирование ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Не следует ставить знак равенства между авторитарным синдромом и запросом на авторитаризм и полицейское государство. Ранее автор упоминал о том, какое значение имеет роль государства в переходный период, а о последствиях бегства государства из основных сфер жизнедеятельности общества детально написал С. Холмс в статье под характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе».⁴⁸⁴

Согласно представленным данным социологических исследований, по целому ряду позиций наблюдается рост значимости для населения выборности органов власти, многопартийности, свободы СМИ, предпринимательской деятельности (табл.3.22). Однако нельзя упускать из виду тот факт, что значительное число россиян не считают парламент и многопартийную систему аксиомами для российской политической системы. Демократические институты, права и свободы, в целом, востребованы гражданами, тем не менее, они скептически оценивают их инструментальный потенциал и возможность практического использования демократических принципов и институтов в обеспечении развития страны. У россиян явно повышенное внимание к правовой основе демократического государства и к социально-экономической компоненте демократии. Более того, демократические ценности и идеалы в массовом сознании граждан, в поведении, не стали приоритетом, по причине того, что они были внезапно дарованы сверху, а не явились результатом многолетней борьбы общества за них.

Таблица 3.22

⁴⁸⁴ Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. - 1997. - Т.2. №4. - С.125-140.

Представления россиян о том, что является абсолютно необходимым, чтобы можно было сказать «Да, это демократия!», 1998-2010 гг., %⁴⁸⁵

	1998	2001	2004	2007	2010
Равенство всех граждан перед законом	54	83	59	74	53
Независимость суда	42	46	45	46	43
Свобода печати	48	30	34	30	43
Свободные выборы власти	39	26	35	4	40
Возможность высказывать свободно свои политические взгляды	37	23	31	18	36
Наличие частной собственности	23	19	22	16	22
Наличие оппозиции, которая контролировала бы президента и правительство	21	8	22	13	19
Право выбирать между несколькими партиями	6	4	11	7	17
Самостоятельность регионов страны	10	8	7	9	9
Право на забастовку	12	3	11	5	12

Сложился своеобразный замкнутый круг: когда демократические институты не могут стать эффективными ввиду отсутствия необходимой поддержки со стороны и граждан, и элит. Заручиться поддержкой институты не могут, по причине того, что большинство населения не верит в эффективность этих институтов при решении уже имеющихся, и вновь возникающих перед обществом и государством проблем, в возможность представления и выражения интересов различных социальных групп общества. Проблема эффективности функционирования политических институтов, их политическая субъектность, а также доверие к ним со стороны населения приобретают первостепенное значение.

Кроме того, следует отметить, что показатели доверия и поддержки россиянами политических и общественных институтов, вопреки мнениям некоторых исследователей,⁴⁸⁶ не являются крайне низкими, если сравнивать их с соответствующими установками жителей более благополучных стран.

Инструментальные возможности демократии подвергаются сомнению и в ряде европейских стран. Критическое отношение к функционированию демократических институтов характерно не только для России. По результатам Европейского социологического исследования общественного мнения (Евробарометр), доля опрошенных, не удовлетворенных

⁴⁸⁵ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. - С.140.

Всероссийское социологическое исследование «Готово ли российское общество к модернизации», проведенное ИС РАН в марте-апреле 2010 года. Объем выборки: 1750 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Исследование охватило жителей всех типов поселений и 12 территориально-экономических районов страны, представляющих 11 социально-профессиональных групп.

⁴⁸⁶ Shlapentokh V. Trust in public institutions in Russia: The lowest in the world // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol.39. Issue2. pp.153-174.

работой демократии в 2004 году превысила долю удовлетворенных, в таких странах, как Дания, Швеция, Голландия, Германия, Финляндия, Франция.⁴⁸⁷

Опрос общественного мнения, проведенный в Германии в 2009 году, показал, что 45% опрошенных немцев недовольны функционированием демократических институтов. На востоке Германии процент граждан, придерживающихся такого же мнения, составил 58% опрошенных.⁴⁸⁸

Согласно результатам социологических исследований, опубликованных в отчете «Общественное мнение в Европейском Союзе» (осень, 2013 г.), лишь 23% опрошенных европейцев в целом доверяют своим национальным правительствам, 25% - национальным парламентам. Доля удовлетворенных работой своих политических институтов в 2013 году приходится на 5 европейских стран: Швецию (правительством удовлетворены 57% опрошенных граждан; парламентом – 70% респондентов); Люксембург (правительством удовлетворены 51% опрошенных граждан; парламентом – 41% респондентов); Финляндию (правительством удовлетворены 50% опрошенных граждан; парламентом – 58% респондентов); Австрию (правительством удовлетворены 50% опрошенных граждан; парламентом – 54% респондентов); (правительством удовлетворены 57% опрошенных граждан; парламентом – 70% респондентов); Мальту (правительством удовлетворены 48% опрошенных граждан; парламентом – 51% респондентов).⁴⁸⁹

Доля наименее удовлетворенных работой своих политических институтов в 2013 году приходится на ряд таких стран как: Испания (9% опрошенных доверяют правительству; 8% - парламенту); Словения (10% опрошенных доверяют правительству; 6% - парламенту); Франция (14% опрошенных доверяют правительству; 19% - парламенту).⁴⁹⁰

Отношение к свободе

Э. Фромм в своей известной работе «Бегство от свободы» подробно описал механизма бегства авторитарной личности от свободы, ее отношение к свободе. По его мнению,

⁴⁸⁷ Eurobarometer surveys. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showchart_column.cfm?keyID=3&nationID=11,1,2,16,13,6,3,4,7,8,9,12,5,14,10,15,&startdate=2004.04&enddate=2004.04

⁴⁸⁸ Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. / Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Новый хронограф, 2010. - С.155.

⁴⁸⁹ Public opinion in the European Union. This survey has been requested and co-ordinated by the European Commission, Directorate-General for Communication. Standard Eurobarometer 80. Autumn 2013. p.48. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_publ_en.pdf

The wave 80.1 is the STANDARD EUROBAROMETER 80 survey and covers the population of the respective nationalities of the European Union Member States, resident in each of the Member States and aged 15 years and over. The basic sample design applied in all states is a multi-stage, random (probability) one. In each country, a number of sampling points was drawn with probability proportional to population size (for a total coverage of the country) and to population density.

⁴⁹⁰ Там же.: p.50.

авторитарная личность боится своей свободы, поэтому стремится избавиться от нее, ищет пути бегства из свободного состояния. Это происходит потому, что свободный человек – это человек, оставшийся один на один со своим «я», незащищенный и одинокий. Россияне оказались в растерянном и незащищенном состоянии после распада коммунистической системы и советской идеологии. Социетальная трансформация, отсутствие консолидирующих идей в обществе, в целом, усугубили одиночество человеческой личности, и без того слабой и беззащитной.

Несмотря на тяжелое материальное положение большинства россиян в начале 1990-х гг., они считали, что свобода значима и компенсирует материальные лишения. Однако за последние 15 лет данные свидетельствуют о росте числа сторонников материалистической ориентации в ущерб ценности свободы (табл.3.23).

Таблица 3.23

Выбор россиян в дилемме «свобода vs материальное благополучие», 1995-2011 гг., %⁴⁹¹

Суждение	1995	2000	2003	2007	2010	2011
Свобода — то, без чего жизнь человека теряет смысл	71	66	64	62	52	56
Главное в жизни — материальное благополучие, а свобода второстепенна	29	34	36	37	43	41

По данным социологического опроса Левада-центра, что «определенно нужна» свобода митингов и демонстраций, свобода слова и свобода выезда за рубеж ответили 23%, 37%, 39% опрошенных россиян соответственно.⁴⁹² Интерес к свободе и свободе слова «есть у небольшой части общества», однако, для большинства же свобода представляет собой «элемент угрозы», ведь не все могут «правильно» распорядиться свободой.

Очевидно, что авторитарные и патерналистские ценности популярны среди населения страны. Власть удовлетворяет авторитарный запрос россиян, формально сохраняя демократический фасад, а на деле управляя избирательным процессом с помощью изменения и ужесточения норм избирательного законодательства, жесткого контроля над СМИ и использования на всех уровнях административного ресурса. Число россиян, убежденных в

⁴⁹¹ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. - С.97.

Всероссийское социологическое исследование «Готово ли российское общество к модернизации», проведенное ИС РАН в марте-апреле 2010 года. Объем выборки: 1750 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Исследование охватило жителей всех типов поселений и 12 территориально-экономических районов страны, представляющих 11 социально-профессиональных групп.

⁴⁹² Пресс-выпуск «Россиянам нужны свобода слова, собраний и выезда за рубеж». 29.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-08-2012/rossiyanam-nuzhny-svobody-slova-sobranii-i-vyezda-za-rubezh>

Опрос проведен 17-21 августа июля 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов*. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за 10 лет сократилось с 51% до 44%. Сохраняется также высокий процент «неопределившихся» (36%).⁴⁹³

В отношении того, как «правильно» распорядиться своей свободой, граждане полагаются на «отца нации». Согласно данным исследовательского социологического центра ВЦИОМ, 59% опрошенных россиян считают, что идеальный президент должен быть скорее мудрым политиком и настоящим «отцом нации», нежели современным эффективным управленцем, подобного мнения придерживаются 35% опрошенных граждан.⁴⁹⁴

Значительная часть российского населения устала от пустой публичной политики, политической конкуренции, социального неравенства, и признает целесообразность концентрации власти в одних руках. Авторитарный синдром усиливается, все более распространяющимися среди граждан желаниями становятся: ликвидация неравенства посредством «отнять и поделить», «олигархов» в тюрьму, богатых обложить высокими налогами.⁴⁹⁵ По мнению 44% опрошенных россиян, если чиновник или депутат богат – это преступно.⁴⁹⁶ В российском обществе, даже в 1990-х гг. не было такого потенциала агрессии, как сейчас. Об этом свидетельствует динамика такого показателя как распространенность желания перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране сложилась такой, какая она есть сейчас. У россиян присутствует выраженная установка на агрессивные и насильственные действия. По данным социологического исследования, проведенного под руководством М.К. Горшкова, за три года с 2008 по 2011 гг. произошел более чем двукратный рост распространенности этой установки – с 16% до 34%.⁴⁹⁷

⁴⁹³ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. - С.141-142.

Результаты социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного в апреле 2011 года ИС РАН. По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге опрошено 1750 респондентов в возрасте от 18 и старше, представляющих 11 социальных групп населения. Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.

⁴⁹⁴ Пресс-выпуск «Идеальный президент для России: «отец нации» - или «современный управленец»». 23.05.2012. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112784> Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 12-13 мая 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

⁴⁹⁵ Урнов М. Федеральная власть в России в период президентства В. Путина: точка зрения либерала // Современная Россия: вызовы и ответы. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. С.41-42.

⁴⁹⁶ Пресс-выпуск «44% россиян: если чиновник или депутат богат – это преступно». Левада-центр. 26.03.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-03-2013/44-rossiyan-esli-chinovnik-ili-deputat-bogat-eto-prestupno>

Опрос проведен 15-18 марта 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

⁴⁹⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. - С.72-73.

Результаты социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного в апреле 2011 года ИС РАН. По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге опрошено 1750 респондентов в возрасте от 18 и старше, представляющих 11

В отношении к свободе россияне демонстрируют очевидные противоречия. Возможно, с одной стороны, они связаны с тем, что свобода для российского общества не является абсолютной ценностью так же, как личная свобода не является ценностью для авторитарного индивида. С другой стороны, политическая свобода, появившаяся в эпоху перестройки, как свобода политического выбора, свобода слова, свобода демонстраций и т.д. ассоциировалась у населения с хаосом, беспорядком, высокой степенью неопределенности, характерной для переходного периода. Свобода противопоставляется порядку, а порядок чрезвычайно любим авторитарными личностями наравне с определенностью и стабильностью.

В современной России ценности демократии воспринимаются в качестве важных, но вторичных по отношению к ценностям социальной справедливости, общественного порядка и экономической эффективности. С тем, что сейчас важнее для России «порядок в государстве», чем «соблюдение прав человека» были согласны: в 1997 году – 60%; в 2008 году – 51%; в 2011 году – 53%, в 2013 году – 57% опрошенных россиян⁴⁹⁸ (табл.3.24).

Таблица 3.24

Мнение россиян о том, что важнее для России: порядок в государстве или соблюдение прав человека, 1997-2013 гг., %⁴⁹⁹

	1997	2007	2008	2009	2011	2012	2013
Порядок в государстве	60	54	51	54	53	53	57
Соблюдение прав человека	27	36	39	38	42	42	33
Затруднились ответить	13	10	10	9	5	5	10

По данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, практически неизменным по содержанию за 16 лет остается то, что россияне понимают под порядком: «политическую и экономическую стабильность страны» в 1994 году – 38%; (преимущественно данную точку зрения разделяли россияне в возрасте 25-34 лет, с высшим образованием и вовлеченные в предпринимательскую деятельность) в 2010 году – 41%; «строгое соблюдение законов» в 1994 году – 32%; в 2010 году – 24%; «социальную защиту малоимущих слоев населения» в 1994 году – 11%; в 2010 году – 29%.⁵⁰⁰

социальных групп населения. Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.

⁴⁹⁸ Пресс-выпуск «Россияне о свободе, демократии, государстве». 25.09.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>

Опрос проведен 23-26 августа 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

⁴⁹⁹ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.164. Объем выборки: 1600 человек.

⁵⁰⁰ Опрос «Что такое, по вашему мнению, порядок?». 10.03.1994. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=483&q_id=36128&date=10.03.1994 Объем выборки: 1600 человек; Опрос «Что такое, по вашему мнению, порядок?». 09.02.2010. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=637&q_id=46038&date=09.01.2010 Объем выборки: 1600 человек.

Тот факт, что в стране до сих пор не обеспечено равенство всех перед законом является для россиян аргументом в пользу скептического отношения к закону, как ведущему социальному регулятору отношений. Более того, доля считающих, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы, и приверженцев прямо противоположного мнения, практически равны. Доля сторонников важности, прежде всего, хороших руководителей, незначительно уменьшилась за 6 лет, т. е. фактически в пределах статистической погрешности (табл.3.25).

Таблица 3.25

Выбор россиян в дилемме « важнее хорошие руководители – важнее хорошие законы»,
2004-2010 гг., %⁵⁰¹

Суждение	2004	2010
Для России важнее хорошие законы	39	48
Для России важнее хорошие руководители	50	47
Затруднились с ответом	11	5

В настоящее время в России нет доверия к тем механизмам, которые обеспечивают реализацию регулирующей роли «писанного права», т.е. к судебной и правоохранительной системам. Россияне не верят судебной системе (доверяют ей лишь 18% опрошенных, а не доверяют 55% опрошенных граждан). Правоохранительным органам доверяет лишь каждый пятый россиянин, тогда как не доверяет им более половины населения (табл.3.26).

Таблица 3.26

Динамика доверия россиян к суду и милиции 1998-2010 гг., %⁵⁰²

Милиция	1998	2004	2010
Доверяют	11	11	18
Не доверяют	71	68	55
Затруднились с ответом	18	21	27
Суд			
Доверяют	13	15	18
Не доверяют	64	60	55
Затруднились с ответом	23	25	27

⁵⁰¹ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. - С.69-71.

Всероссийское социологическое исследование «Готово ли российское общество к модернизации», проведенное ИС РАН в марте-апреле 2010 года. Объем выборки: 1750 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Исследование охватило жителей всех типов поселений и 12 территориально-экономических районов страны, представляющих 11 социально-профессиональных групп.

⁵⁰² Там же: с.72-74.

Здесь можно заметить существующее противоречие в массовом сознании россиян: желание навести порядок в стране и сохранить стабильность сочетаются с высокой степенью недоверия к правоохранительным структурам, к судебным органам.

Аналитическим центром Ю. Левады весной 2010 года было проведено крупномасштабное социологическое исследование в рамках проекта «Поддержка судебной реформы». Результаты первой волны исследования отношения россиян к судебной системе указывают на слабую заинтересованность граждан в юридической помощи, на то, что большинство населения России вынуждены или считают возможным обходиться без квалифицированной помощи для решения частных или деловых проблем. Основными причинами недоверия к судебной системе являются недоверие к судам, идущее от советских времен и лишь усиленное в последние годы, простое незнание как обратиться в суд или к юрисконсультантам за помощью. У 70% опрошенных россиян никогда не возникало нужды в подобном обращении.⁵⁰³

Более того, результаты исследования в рамках проекта «Поддержка судебной реформы» указывают на то, что до 70% опрошенных россиян считают крайне важным для развития страны реальное и последовательно проведенное, гарантированное на практике другими институтами, разделение законодательной, судебной и исполнительной властей, которые бы уравновешивали и контролировали друг друга. В результате исследования было установлено, что чем выше уровень социального капитала респондентов – их образование, социальный статус, опыт, – тем настойчивее они заявляют о важности этого принципиального положения. Свыше половины опрошенного российского населения (52%) не чувствуют себя под защитой закона и связывают это с тем, что многие в сегодняшней России, и прежде всего представители власти, ставят себя выше любых законов.

Аналитическим центром Ю. Левады в 2011 году в рамках проекта «Поддержка судебной реформы» была проведена вторая волна всероссийского опроса населения. Известно, что во втором этапе, как и в первой волне опроса, приняли участие около 2000 человек от 18 лет и старше (отобраны по репрезентативной выборке, отражающей социально-географический портрет населения России). В число участников также были включены по 300 человек, лично принимавших участие в каких-либо судах в постсоветский период. Статистическая погрешность результатов опроса не превышает 3%.⁵⁰⁴

⁵⁰³ Исследовательский проект «Поддержка судебной реформы», под руководством Левада Центра. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.beafnd.org/common/img/uploaded/files/Otchet_po_sudebnoiy_reforme_naselenie_saiyt_1volna.pdf; http://www.levada.ru/sites/default/files/report/otchet_2010.pdf

⁵⁰⁴ Зависимость от исполнительной власти губит репутацию российских судов. Право.ru. 18.01.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ru/review/view/67212/>

Результаты второй волны официально не опубликованы. Министерство экономического развития Российской Федерации является ответственным исполнителем и главным распорядителем бюджетных средств проекта «Поддержка судебной реформы».⁵⁰⁵

Исследователь В.Б. Пастухов проанализировал «русское право» как социально-политическое явление, его роль и значение как социального регулятора в России. Исследователь отметил дуализм русского права, выражающийся, с одной стороны, в господстве правового нигилизма и произвола, с другой — в «спросе на право», обусловленном развитием рыночных отношений.

Одним из индикаторов состояния права в России является деятельность судов. В.Б. Пастухов описывает деградацию судебной системы, проявляющуюся в падении влияния судебной власти как таковой, в «опрощении» судебного процесса, выхолащивании институтов и правил правосудия, в сокращении «пространства правосудия» (снижении роли гражданско-правового судопроизводства и возрастание роли уголовно-правового), несовершенстве судебного законодательства, исчезновении принципа состязательности судопроизводства, наличии у российской власти (ее представителей) «правового иммунитета».⁵⁰⁶ Позитивизм в правоведении, правоприменительной практике и в обыденном сознании граждан, является одним из важных факторов, препятствующих установлению структурной легитимности политической системы.

Что касается предпочтений россиян в выборе средств решения своих проблем, то по данным социологов, большинство россиян по-прежнему готово отстаивать свои права минуя систему правосудия: в драках, в голодовках, на перекрытых федеральных трассах, самосуд.⁵⁰⁷ Исследователь В.В. Петухов отметил коллизию: в оценке гражданами разных форм воздействия на власть доминирует скептицизм, тогда как в ответах на вопрос лично для себя тех или иных демократических способов – участие в выборах, демонстрациях, в деятельности партий и общественных организациях, обращение в суд – скептицизм исчезает. Права и свободы, как атрибут коллективного действия, воспринимаются с меньшим энтузиазмом.⁵⁰⁸

Усиление авторитаризма при В. Путине, как отмечает социолог Л. Гудков, сопровождалось деградацией конституционного права, правового государства, судебной системы, публичной сферы и ростом коррупции. По мнению большинства россиян права человека не защищены и систематически нарушаются. И, несмотря на это, большая часть

⁵⁰⁵ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Минэкономразвития России на 2013-2015 годы. 2013. С.20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/99f279804f70a973825b9f9f21e75678/dron_2013-2015.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=99f279804f70a973825b9f9f21e75678

⁵⁰⁶ Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность // Полис. - 2011. - №2. - С.162-171.

⁵⁰⁷ Пресс-выпуск «Серая зона тотального недоверия». 16.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-08-2012/rossiyanam-nuzhny-svobody-slova-sobranii-i-vyezda-za-rubezh>

⁵⁰⁸ Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // ОНС. - 2002. - №6. - С.63.

населения страны видит В. Путина как главного защитника демократии, гражданских прав и свобод.⁵⁰⁹

Политическое участие граждан

Недоверие к государственным и общественным институтам, таким, как Государственная Дума, суд, полиция, политические партии, профсоюзы, незащищенность граждан от административного произвола, приводит к тому, что доминирующим у граждан оказывается осознание своей беспомощности, которое уравнивается лояльностью власти в обмен на социальные гарантии.

Между тем, политическое участие, как одна из аксиом демократической системы, которое, с одной стороны, имеет активное и осмысленное участие граждан в политической и общественной жизни страны, и с другой – через запросы социальных групп формирует и задает приоритеты развития страны – остается в теории в российской действительности (табл.3.27).

Таблица 3.27

Степень интереса россиян к политике, 1992-2012 гг., %⁵¹⁰

	1992	1997	2006	2010	2011	2012
В очень большой степени	5	2	5	1	2	2
В большой степени	10	9	10	8	6	8
В средней степени	33	36	37	39	34	36
В малой степени	32	32	27	32	34	31
Совершенно не интересует	20	17	20	19	24	21
Затруднились с ответом	1	4	1	1	1	2

По мере того, как нарастает осознание граждан своей неспособности влиять на власть, на политическую и экономическую жизнь в стране, растет равнодушие к политике. (табл.3.28)

Таблица 3.28

Мнения россиян о степени влияния граждан на политическую и экономическую жизнь

России, 2006-2013 гг., %⁵¹¹

	2006	2007	2011	2013
Определенно, да	1	4	5	3
Скорее да	9	11	12	14
Скорее нет	31	32	32	38

⁵⁰⁹ Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения. - №1 (93). - 2008. - С.8.

⁵¹⁰ Общественное мнение - 2012. М.: Левада-центр, 2012. - С.29.

⁵¹¹ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.23. Объем выборки: 1600 человек.

Определенно, нет	56	48	46	40
Затруднились с ответом	3	4	6	5

В среднем, за прошедшие 20 лет, доля интересующихся политикой составляет 39% опрошенных россиян, не интересующихся – более половины опрошенных граждан. В 2013 году 80% опрошенных граждан ответили, что не готовы лично участвовать в политике.⁵¹²

В научной литературе снижающийся уровень политического участия, интереса граждан к политике, объясняется ростом коррупции, ростом авторитарных тенденций в политике, сужением пространства публичной политики, сокращением каналов политической мобильности. Но это одна сторона медали. Другая сторона состоит в том, что в посткоммунистической России снижение политической активности связано не только с властью, но и с изменением самого общества. В современном российском обществе появились новые акторы и субъекты социальных и общественных процессов, которые могут развиваться и действовать независимо от власти. Здесь проблема массовости участия не столь актуальна, как проблема эффективности участия, компетентности, информированности и понимания происходящих политических процессов. Возникает проблема политического менеджмента. Политика уходит в сферу развлечений и массовой культуры. Политика начинает действовать по законам шоу, что вполне совпадает с настроениями граждан, как потребителей развлекательного рекламного продукта (табл.3.29).

Таблица 3.29

Мнения россиян о нежелании более активно участвовать в политике, 2006-2013 гг., %⁵¹³

	2006	2012	2013
Все равно ничего изменить нельзя, "плетью обуха не перешибешь"	32	22	32
Политика – не для рядовых граждан, политикой занимаются власти	29	30	27
Я занят своими повседневными делами, и у меня нет времени заниматься этим	25	25	24
Я ничего не понимаю в политике; не знаю, как действуют органы власти	22	18	21
Политика – грязное дело, не хочется мараться	15	11	15
Затруднились ответить	3	2	2

Граждане не хотят участвовать в политике, в общественной жизни, в первую очередь потому, что считают это бессмысленным занятием, все равно от их действий ситуация не изменится. Такая установка по существу нейтрализует протестный потенциал российского общества, препятствует институционализации политической конкуренции и оппозиции.

Следует отметить, что корень всех проблем не в «мифическом» правовом нигилизме, как черте национального менталитета россиян, а в том, что имеет место произвол власти, со

⁵¹² Общественное мнение - 2012. М.: Левада-центр, 2012. - С.40. Объем выборки: 1600 человек.

⁵¹³ Там же: с.40.

стороны неконтролируемой бюрократии. По мнению граждан, в стране «законы писаны не для всех», отсюда и доминирующая установка об отсутствии у населения возможностей влиять на власть разного уровня (табл.3.30).

Таблица 3.30

По данным Левада-центра, ответы на вопрос, «Почему, по-вашему мнению, граждане в России в большинстве своем не контролируют действия властей и не оказывают на них существенного влияния?», распределились следующим образом:⁵¹⁴

	2006	2010	2012
Людей мало заботит то, чем занимаются органы власти	18%	11%	11%
Люди надеются, что власти и так заботятся об их нуждах	17 %	16 %	17 %
Чиновники интересуются мнением только вышестоящего начальства и игнорируют мнения и нужды рядовых граждан	48%	47%	48%
Власть не информирует граждан о своей деятельности	29%	21%	26 %
Выборы, референдумы, свободные дискуссии играют все меньшую роль в жизни общества	27%	18%	16%
Затруднились ответить	7%	10 %	10%

В качестве основного средства борьбы с произволом властей, с беззаконием, нарушением прав и свобод, 33% опрошенных граждан считают обращение в суд. В действительности, такой ответ следует рассматривать как декларативное выражение личных взглядов, не выражающееся в реальном поведении. Россияне в массе своей признают свою политическую недееспособность, пассивно принимают административный произвол (табл.3.31).

Таблица 3.31

Представления граждан о наиболее эффективных средствах решения своих проблем, 2010-2013 гг., %⁵¹⁵

	2010	2011	2012	2013
Обращаясь с просьбами и предложениями в органы исполнительной власти	21	18	20	19
Поддерживая на выборах политические силы, которые готовы взяться за решение их проблем	10	9	12	12
Обращаясь в судебные органы	41	40	36	33
Обращаясь в средства массовой информации	23	24	22	22
Участвуя в деятельности общественных организаций, гражданских инициатив	5	7	6	7
Обращаясь к своему депутату	-	13	11	9
Участвуя в протестных акциях: митингах, шествиях, забастовках	15	12	12	16
Участвуя в деятельности партий, политических движений	-	4	4	7
Никак не могут	24	25	24	27
Затруднились ответить	10	8	10	7

⁵¹⁴ Там же: с.37.

⁵¹⁵ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.49. Объем выборки: 1600 человек.

Реальная ситуация заключается в том, что массовый интерес не направлен на политику. Только 17% опрошенных россиян готово лично и активно участвовать в политике, тогда как неучастие объясняется невозможностью повлиять на политику из-за непонимания и политической безграмотности, высокой занятостью повседневными заботами. Несмотря на то, что 46% опрошенных россиян ответили, что удовлетворены возможностями своего участия в политике и что хотели бы участвовать в политике своего города (26%), в 2012 году 47% опрошенных граждан полностью согласились с высказыванием «Я не разбираюсь в политике», и 48% - «Политика нагоняет на меня тоску».⁵¹⁶

Ксенофобия

Ксенофобия является компонентом авторитарного синдрома. Высокая степень распространения ксенофобии в обществе свидетельствует о том, что общество подвержено авторитарности. Ксенофобия – это «боязнь чужих», объединяет в себе такие черты авторитарности, как агрессия, вымещающаяся на национальных меньшинствах, страх, а также традиционность и негибкость мышления, выражающиеся в восприятии всего чужого как источника угрозы.

В 1990-е гг. в массовом сознании российских граждан возник сильнейший кризис идентичности, возникло ощущение конца, раздражения, ненужности, что спровоцировало поиск врага внутреннего и внешнего, которого можно обвинить во всех бедах и проблемах. Одновременно с этим поднялась ксенофобия, внутренняя и внешняя. С внешней ксенофобией более или менее понятно – Запад является врагом, который развалил славное и могущественное государство, хочет забрать национальные сырьевые богатства и имеющий двойные стандарты.

Что касается внутренней ксенофобии, то дело обстоит следующим образом. Консолидация российского общества осуществлялась не вокруг позитивных ценностей, а на основе негативных факторов. Произошла подмена понятий и подмена ценностей. Об этом как раз и писал М. Шелер, о ценностном перевороте, когда черно становится белым и воспринимается позитивно, голосование не за что-то, а против чего-то. По этой причине экономические и социальные проблемы, по мнению россиян, возникают из-за того, что национальные меньшинства контролируют определенные сферы бизнеса, покупают власть, что мигранты занимают чужие рабочие места и претендуют на социальные гарантии, что представители национальных меньшинств являются источниками угроз, потенциальные преступники и нарушители порядка.

---

⁵¹⁶ Общественное мнение - 2012. М.: Левада центр. 2012. - С.29-31. Объем выборки: 1600 человек.

Рост уровня ксенофобии особенно заметен на фоне социально-экономической нестабильности. Простой пример бытовой ксенофобии - москвичи проблему пробок сводят к проблеме «мигалок». А в реальности «мигалок» очень мало и не они являются причинами огромных пробок, а десятки тысяч машин. Л. Гудков пишет, что современная ксенофобия представляет собой смещенную агрессию. Недовольство вызывает власть из-за отсутствия роста материального благополучия, из-за своей неэффективности и продажности, а направлена агрессия на приезжих, «собственная зависимость и неудовлетворенность заставляют надеяться на восстановление этнической иерархии: на преимущества, на социальные блага, на привилегии, на работу».⁵¹⁷ Наблюдается усиление негативных эмоций у россиян по отношению к приезжим гражданам (табл.3.32). Россияне требуют решительных мер от правительства по ограничению проживания мигрантов (табл.3.33).

Таблица 3.32

Чувства, которые испытывают россияне по отношению к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран, проживающим в городе, районе, 2005-2013 гг., %⁵¹⁸

	2005	2007	2008	2010	2011	2012	2013
Уважение	2	3	4	5	1	3	3
Симпатию	3	3	4	4	4	5	3
Раздражение	20	19	14	14	15	21	25
Неприязнь	21	23	14	15	20	21	30
Страх	2	3	2	6	3	3	6
Никаких особых чувств	50	52	61	57	57	46	39
Затруднились ответить	2	2	2	4	1	3	2

Таблица 3.33

Мнения россиян о том, какой политики должно придерживаться Правительство России в отношении приезжих, 2002-2013 гг., %⁵¹⁹

	2002	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Попытаться ограничить поток приезжих	45	54	59	52	57	52	61	60	64	70	78
Не ставить на пути притока приезжих административные барьеры и пытаться использовать его на благо России	44	38	36	39	32	35	30	27	28	20	14

⁵¹⁷ Гудков Л. «Россия для русских?» Уже не стыдно. Левада-центр. 20.11.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-11-2013/lev-gudkov-rossiya-dlya-russkikh-uzhe-ne-stydno>; Гудков Л. Рост националистических настроений – это признак стагнации общества. Левада-центр. 18.12.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>

⁵¹⁸ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.194. Объем выборки: 1600 человек.

⁵¹⁹ Общественное мнение - 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.195. Объем выборки: 1600 человек.

Затруднились ответить	11	7	6	9	11	13	9	13	8	10	8
-----------------------	----	---	---	---	----	----	---	----	---	----	---

По мнению А. Левинсона, ксенофобия стала всеобщим настроением, ксенофобские убеждения, а где и расизм в его крайних формах, становятся повседневной реальностью.⁵²⁰ Руководитель отдела социокультурных исследований Левада-центра А. Левинсон обращает внимание на важную проблему – имеет место отрицательная установка относительно всего чужого. Но то, что именно вкладывается в понимание чужого – различно в каждой ситуации. Ксенофобия, как элемент авторитарного синдрома, как раз и проявляется таким образом, что негативные установки направлены на слабых, чужих, на тех, кто ворует, наводит беспорядок, думает иначе.

Националистические настроения имеют в своей основе не политические, а социально-психологические объяснения. Агрессия в отношении меньшинств является психологической реакцией на свое собственное бессилие, оправдание бездействия или нерешительности. Чувство бессилия заставляет выпускать пар на менее защищенные и на более слабые объекты. Мишенями бытовой ксенофобии становятся мигранты, инвалиды, бездомные. Это и есть характерная реакция авторитарной личности.

В качестве основных качеств, которые присущи мигрантам россияне называют незнание русского языка, отсюда и трудности коммуникации (53%), низкая квалификация при выполнении своей работы (42%), неопрятный и отталкивающий внешний вид (35%), невежливость и неделикатность (19%).⁵²¹

По мнению Л. Гудкова, после протестной волны 2011-2012 гг., в стране наступила эпоха «безвременья», характеризующаяся ухудшением общественных настроений и ростом представлений о неопределенности будущего, настроений разочарования и депрессии. Более того, как отмечает социолог, неуверенность в будущем была больше распространена среди малоимущих социальных слоев, сейчас же ее основной носитель – это образованные и обеспеченные слои. По мнению Л. Гудкова, интеллигенция сегодня основной носитель ксенофобии. По данным Левада-центра осенью 2013 года зафиксирован самый высокий уровень ксенофобии за все годы наблюдений. «Если в 1990-е годы основным носителем ксенофобии были пожилые малообразованные люди, живущие на периферии, то сегодня — это

⁵²⁰ Левинсон А. Наше «мы»: насилие от бессилия // Ведомости. 15.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/548701/nasilie-ot-bessiliya>; Левинсон А. Об ошибках коллег и главной проблеме власти. 13.12.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-12-2013/aleksei-levinson-ob-oshibkakh-kolleg-i-glavnoi-probleme-vlasti>

⁵²¹ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. С.195. Объем выборки: 1600 человек.

интеллигенция, высоко статусные и хорошо образованные люди, которые способны и хотят оказывать влияние на политический процесс».⁵²²

По мнению Э. Паина, в современной России господствуют два вида ксенофобии: антизападная и антимигрантская. Исследователь указывает на взаимосвязь ксенофобии и демографии, которая является до конца не осмысленной, но значимой для понимания образа будущего страны. В ситуации использования властью мигрантских потоков для заселения территорий, непродуманной политики формирования толерантности, усугубляющегося демографического кризиса, ксенофобия становится доминирующим образом жизни россиян⁵²³(табл.3.34).

Таблица 3.34

Отношение россиян к идее «Россия - для русских?», 1998-2013 гг., %⁵²⁴

	1998	2001	2003	2005	2007	2009	2010	2012	2013
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	13	16	21	16	14	19	19	15	23
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	30	42	32	37	41	35	35	41	43
Отрицательно, это настоящий фашизм	30	20	18	23	27	27	21	23	19
Меня это не интересует	14	11	7	12	11	11	16	14	9
Затруднились ответить	7	5	8	5	7	8	9	6	6

Представления о Великой Державе (имперский синдром)

Социологические центры регулярно проводят опросы общественного мнения, посвященные великодержавному статусу России (табл.3.35).

Таблица 3.35

Мнения россиян о том, является ли Россия в настоящее время Великой державой, 1999-2010 гг., %⁵²⁵

	1999	2000	2004	2005	2006	2007	2010	2014
Определенно, да	12	20	8	7	12	17	16	17

⁵²² Возможен ли выход из российского безвременья. Публикация прессы Левада-центра. 05.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/05-02-2014/vozmozhen-li-vykhod-iz-rossiiskogo-bezvremeniya>

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-центр, 2014. - С.197. Объем выборки: 1600 человек.

⁵²⁵ Пресс-выпуск «Позиции России на мировой арене?». 17.03.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene>

Опрос проведен 7-10 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

Скорее да	19	33	31	23	31	36	39	46
Скорее нет	34	30	42	44	36	31	32	27
Определенно, нет	31	13	15	23	16	11	9	5
Затруднились ответить	4	4	3	4	5	5	4	5

Данные свидетельствуют о том, что более половины опрошенных россиян разделяют мнение о том, что Россия является в настоящее время Великой Державой. С приходом к власти В. Путина, с началом процессов возвращения России статуса значимого игрока на международной арене, и централизации власти (силовая операция и жесткая позиция по Татарстану и Чечне), к населению возвращается ощущение былой сильной и непобедимой России. За последние 15 лет заметно увеличились показатели великодержавных притязаний (табл.3.36). Можно сделать вывод, что формулирование великодержавной стратегии внешней политики и усиление соответствующих настроений и ожиданий в обществе являются взаимозависимыми.

Таблица 3.36

Мнения россиян о том, есть ли враги у России, 1999-2013 гг., %⁵²⁶

	1999	2003	2008	2009	2011	2012	2013
Да	65	78	68	69	70	63	78
Нет	14	9	14	18	19	18	13
Затрудняюсь ответить	22	14	18	13	11	19	9

Среди россиян доминируют характерные для авторитарного сознания установки на зависимость от внешних, по отношению к человеку, обстоятельств, повлиять на которые он не может, недоверие к другим.

78% опрошенных россиян считают, что у России есть враги, которые нацелены ослабить внутренний суверенитет. Национальная консолидация идет через негативную идентификацию, через образ врага, что является важным моментом в авторитарных режимах. По мнению Л. Бызова, «нормальное состояние для российского общества - пытаться объяснить проблемы через образ врага». Ответственность за все проблемы, с которыми не может или не справляется власть перекладываются на абстрактный образ врага.⁵²⁷

⁵²⁶ Пресс-выпуск «Россияне о врагах». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/rossiyane-o-vragakh>

Опрос проведен 15-18 ноября 2013 по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

⁵²⁷ Пресс-выпуск «Россияне окружило врагами». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/rossiyan-okruzhilo-vragami>

Всероссийский центр изучения общественного мнения в апреле 2014 года провел опрос на тему, как россияне оценивают перспективу достижения Россией в ближайшие десятилетия статуса великой державы. Результаты показали, что более половины опрошенных граждан (54%) считают, что Россия в ближайшие 15–20 лет станет великой державой, причем за последние годы, сторонников данной точки зрения значительно увеличилось на 14%. При этом каждый пятый респондент (20%) уверен, что Россия и сейчас является одним из государств, занимающих главенствующие позиции на мировой арене. Только 18% опрошенных респондентов пока склонны к отрицанию возможности становления России в качестве великой державы в ближайшие десятилетия (табл.3.37).

Таблица 3.37

Представления россиян о становлении России Великой державой в ближайшие 15-20 лет, 2003-2014 гг., %⁵²⁸

	2003	2007	2008	2010	2013	2014
Скорее всего, станет	40	46	50	36	41	54
Скорее всего, нет	36	31	19	30	39	18
Россия и сейчас является одной из великих держав	12	12	16	18	10	20
Затрудняюсь ответить	12	11	15	16	10	8

При каких условиях Россия сможет вернуть великодержавный статус? По мнению каждого второго респондента (52%), для достижения статуса великой державы, в России, в первую очередь, должна быть развитая и современная экономика. За последние годы позиция россиян по данному вопросу практически не изменилась, такое мнению разделяют свыше 50% опрошенных россиян. Чтобы быть великой страной, российскому государству необходимо также иметь мощные вооруженные силы (42%), обеспечить высокий уровень благосостояния граждан (25%), развивать науку и внедрять высокие технологии (20%) (табл.3.38).

Таблица 3.38

Мнения россиян о том, что необходимо иметь или чего должна добиться Россия, чтобы считаться Великой державой, 2007-2014 гг., %⁵²⁹

	2007	2008	2010	2013	2014
Иметь развитую современную экономику	55	54	50	53	52
Иметь мощные вооруженные силы	24	28	26	35	42
Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан	36	37	31	33	25
Развивать науку, внедрять высокие технологии	20	19	22	19	20
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	6	8	7	6	11

⁵²⁸ Россияне о статусе страны как великой державы. ВЦИОМ. 12-13 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/05/12/6772> Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 12–13 апреля 2014 года. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Выборка репрезентирует городское население России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

⁵²⁹ Там же.

Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР	7	5	7	6	8
Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа	10	11	10	11	7
Стать ведущим государством в области энергетики	4	4	4	4	6
Стать «цивилизационным» мостом между Европой и Азией, между развитыми странами и «третьим миром»	5	3	4	4	5
Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире	7	6	9	8	3
Затрудняюсь ответить	4	5	7	2	2

В качестве основного препятствия на пути становления России в качестве одной из ведущих держав мира, 42% опрошенных россиян называют отставание от передовых стран в экономическом развитии и уровне благосостояния граждан. Добиться положения великой державы России также мешает активное сопротивление стран Запада (37%), отсутствие национального единства (14%), каждый десятый респондент не видит никаких преград для того, чтобы Россия стала одной из ведущих держав мира.⁵³⁰

Отвечая на вопрос, при каком правителе Россия утратила роль Великой Державы, более половины опрошенных россиян ответили при Горбачеве (51%), что при Ельцине считают 32% опрошенных граждан.⁵³¹ Более половины опрошенных россиян считают, что Владимиру Путину удалось вернуть России статус Великой Державы.⁵³²

Исследование динамики показателей авторитарного синдрома в условиях постсоветской социально-политической трансформации свидетельствует о том, авторитарный синдром широко распространен и оказывает влияние на политический процесс в современной России.

Разработанного алгоритма действий, направленных на преодоление авторитарного синдрома не существует. России необходимы и институциональные изменения, и культурное перепрограммирование для снижения высокого уровня авторитарности.

Исследователь Б. Альтмейер предложил использовать в качестве эффективных инструментов преодоления и контроля уровня авторитарности в обществе: систему образования и средства массовой информации. По его мнению, либеральная атмосфера в обществе –

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Пресс-выпуск «Ресурсы и территория – основная гордость россиян». Левада-центр. 02.12.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/02-12-2010/resursy-i-territoriya-strany-osnovnaya-gordost-rossiyan> Опрос проведен 9-22 ноября 2010 по репрезентативной выборке 1593 россиян в возрасте 18 лет и старше в 127 населенных пунктах 44 регионов страны. Распределение ответов на некоторые вопросы исследования приводятся в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов*. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

⁵³² Пресс-выпуск «Владимир Путин: оценки деятельности». Левада-центр. 18.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-04-2014/vladimir-putin-otsenki-deyatelnosti> Опрос проведен 21-24 марта 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

либеральное искусство, либеральное кино, либеральное воспитание, либеральная архитектура – будут способствовать снижению и уменьшению проявления авторитарности. Формирование образа врага и номинирование «чужих» через СМИ только провоцируют авторитарную агрессию и увеличивают уровень насилия среди людей.⁵³³

О необходимости целенаправленных усилий по преобразованию культуры писал К. Левин.⁵³⁴ Исследователь подчеркивал, что для достижения трансформации культуры, культурные изменения должны затрагивать все аспекты жизни населения – образование, отдых, потребление, общественное участие, социальные привычки, мифы. Необходимо с помощью электронных СМИ, Интернета, образовательной системы содействовать распространению демократической культуры.

Исследователь в области политического образования А.И. Щербинин подчеркивает роль политического образования как важнейшего средства конструирования и поддержания дееспособности современных политических систем. А.И. Щербинин отметил, что по причине схожести политических моделей и истории Германии и России в XX веке, следует обратить внимание на теоретические наработки, на практику политического образования, на полувековой поиск образовательных моделей в посттоталитарной политической дидактике ФРГ. К числу современных практических проблем, по его мнению, следует отнести недооценку взаимозависимости эффективного политического процесса и уровня политического образования граждан.⁵³⁵

Ослаблению или преодолению авторитарного синдрома в российском обществе будет способствовать целенаправленная работа в следующих направлениях:

- 1) изменение политической практики взаимодействия между органами государственной власти.
- 2) изменение практики взаимодействия между властью и обществом, изменяя патерналистскую модель отношений на модель, основывающуюся на принципах сотрудничества, партнерства и участия. Развитие реальных механизмов включения граждан в общественно-политическую жизнь государства и общества.
- 3) Целенаправленная деятельность СМИ по трансляции демократической культуры, исключающей конструирование авторитарных стереотипов, образа врага. Разработать законодательное регулирование «демократического языка» в СМИ.

---

⁵³³ Altemeyer B. Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism. Jossey-Bass Publishers. San Francisco. London, 1988. pp.274-319.

⁵³⁴ Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. - С.160-196.

⁵³⁵ Щербинин А.И. Политическое образование: Учебное пособие / А.И. Щербинин. М.: Весь мир, 2005. - С.219-223.

- 4) Поощрение деятельности институтов гражданского общества в России, которые будут способствовать социально активности граждан, политическому участию, развитию публичной сферы.
- 5) Разработка правовых механизмов противодействия авторитарному синдрому: разработка норм и программ политической толерантности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Безусловно, изменения в институтах политической системы, сам ход социально-экономической и политической трансформаций, являются одними из главных факторов, повлиявших на восприятие гражданами власти, государства и общества. В диссертационной работе, автор исходил из гипотезы, что авторитарный синдром является неформальным фактором и оказывает влияние на посткоммунистический политический процесс, воздействует на характер и направленность процесса, а также конституирует и регулирует политическое поведение индивидов и социальных групп.

Автором исследования для выявления проявлений авторитарности были выделены индикаторы авторитарного синдрома: иррациональное представление о власти, этатизм и государственный патернализм, фигура сильного лидера, представления о демократии, отношение к свободе, политическое участие граждан, проявление ксенофобии, представления о Великой державе. Результаты всероссийских социологических исследований фиксируют проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, присутствующих в массовом сознании российских граждан.

В массовых представлениях россиян доминирует понимание власть – «это государство», нежели связывается с законами, Конституцией, политическими правилами. Предпочтительным для опрошенных граждан является устройство общества, основанное на постоянной и всесторонней заботе власти о людях. Одновременно с этим, граждане считают, что они не в состоянии контролировать власть, что действия власти в большей степени не влияют их жизнь.

Характерной чертой для российского общества является ностальгия по советской системе, которая обеспечивала достойный уровень жизни. Одним из следствий этого является недоверие населения к новым политическим институтам, которые появились в 1990-е гг., не признание их самостоятельной политической роли.

Власть персонифицирована в сознании граждан, власть представляется как сильная фигура первого лица. Такая модель восприятия массовым сознанием образа вождя позволяет личности снять с себя ответственность за принятие решений, за будущее, и винить власть за личные промахи и неудачи.

Патерналистские установки распространены в российском обществе. Значительная часть опрошенных россиян считает, что их жизнь зависит от государства, что государство должно всесторонне заботиться о материальном благополучии, карьерном росте, отдыхе, образовании, здоровье своих граждан. Расширение сторонников всевластия государства в обмен на материальное и социальное благополучие было связано с ростом доверия россиян лично к В. Путину.

Доверие к государству, делегирование власти права действовать, руководствуясь интересами государства, а не действующими законами, усиливается в связи с внешней политикой западных стран, с критикой в адрес путинского руководства.

Большинство россиян считают приемлемым и необходимым, чтобы во главе России находился сильный и властный руководитель. Современное молодое поколение россиян (1984-2000 г.р.) также мечтает о твердой руке в лице руководителя страны, в лице начальника на работе.

В массовом сознании граждан присутствуют позитивные и негативные значения демократии, связанные с ходом политической трансформации и экономическим кризисом в России. Аксиомы демократической политической системы, такие, как принцип разделения властей, политическая оппозиция, независимые СМИ, независимое судопроизводство, политический плюрализм, политическое участие граждан, выборность органов власти находят поддержку среди незначительной части населения. Население демонстрирует повышенное внимание к правовой основе демократического государства и к социально-экономической компоненте демократии. Более того, инструментальные возможности демократии подвергаются сомнению в ряде таких европейских стран, как Дания, Финляндия, Швеция, Германия, Франция и т.д.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в посткоммунистической России растет число сторонников материалистической ориентации в ущерб ценностям свободы: свобода митингов и демонстраций, свобода слова, свобода выезда за рубеж. Значительная часть населения страны признает целесообразность концентрации власти в одних руках. Более половины российских граждан считают, что сейчас важнее для России порядок в государстве, чем соблюдении прав человека. Более того, желание навести порядок и сохранить стабильность сочетаются с высокой степенью недоверия к правоохранительным структурам, к судебным органам.

Недоверие к государственным и общественным институтам приводит к снижению политического участия россиян в общественно-политической жизни страны, к росту осознания гражданами своей неспособности повлиять на власть, к росту равнодушия к политике. Более того, отмечается среди населения низкий уровень политической грамотности, информированности и

понимания происходящих политических процессов. В качестве основных средств борьбы с произволом власти, нарушением прав и свобод граждане выбирают судебные органы и средства массовой информации.

Кризис идентичности, возникший в 1990-е гг. спровоцировал поиск внешнего и внутреннего врага, одновременно с этим рост внешней и внутренней ксенофобии. Рост ксенофобии особенно заметен на фоне социально-экономической нестабильности. Недовольство, неудовлетворенность, раздражение, незначительный рост материального благополучия способствуют тому, что часть граждан вымещает агрессию на мигрантах, инвалидах, на более слабых, кто, по их мнению, чужой, мешает порядку и материальному благополучию. Согласно результатам социологических исследований в российском обществе проявляются: бытовая ксенофобия, антизападная ксенофобия и антимигрантская ксенофобия.

Большинство россиян разделяют мнение о том, что Россия в настоящее время является Великой державой. Формулирование с приходом к власти В. Путина великодержавной стратегии внешней политики и усиление державных притязаний и настроений в обществе являются взаимосвязанными. Для достижения статуса Великой державы России необходимы: современная экономика, мощные вооруженные силы, высокий уровень благосостояния граждан, внедрение высоких технологий.

Заключение

Диссертационная работа посвящена исследованию влияния авторитарного синдрома на политические процессы в современной России в условиях посткоммунистической трансформации. Принимая во внимание тот факт, что авторитарный синдром с той или иной степенью выраженности присутствует в культурах стран, которые переживают процессы демократизации, в переходных обществах, его изучение представляется актуальной задачей современной российской политики.

Исследованы теоретические подходы к изучению концепции авторитарной личности, представленные в зарубежной и отечественной литературе. За 60 лет прошедших с момента публикации книги Т. Адорно «Авторитарная личность», концепция авторитарного синдрома существенно изменилась. Наука перешла от психологической интерпретации причин появления авторитарного синдрома у личности к политико-культурологической трактовке, включающей не только типичные психологические характеристики авторитарной личности, но и разделяемые ее ценности, установки, политические предпочтения, а также образцы социального и политического поведения.

В классических исследованиях авторитарности были описаны типичные характеристики авторитарной личности: стремление подчиняться сильной власти, слепое следование авторитетам, слепая ненависть ко всем оппонентам и аутсайдерам, стереотипное мышление, подверженность предрассудкам и суевериям, проективность, построение биполярной системы взаимоотношений с миром, убеждение в том, что жизнь управляется силами извне, ригидное следование традиционным нормам и ценностям, жесткость, иерархичность сознания, враждебность, агрессивность, тенденция избегать ответственности, неприятие образования. Авторитарная личность отдает предпочтение порядку и дисциплине.

В диссертационном исследовании внимание было сосредоточено на политических составляющих концепции авторитарного синдрома. Более подробно были проанализированы работы исследователей, в которых авторитарность рассматривается как переменная политического поведения.

Было установлено, что для более авторитарных индивидов характерным является низкий уровень политического участия, доверия к политической системе и уверенности в возможности лично повлиять на политику. Согласно результатам исследования, авторитаризм коррелирует с возрастом, уровнем образования, с уровнем дохода. Была изучена связь авторитаризма и социальной стратификации, авторитарности и мировоззрения, авторитаризма и уровнем угрозы. В исследованиях установлено наличие связи между авторитаризмом и возрастом, между социальным классом и демократическим мировоззрением. Уровень авторитаризма связан с выстраиванием индивидами жизненных стратегий, с классовой идентификацией.

Исследователями были предложены новые теории авторитарности: социально-психологическая теория авторитарности, теория эго-оборонительного авторитаризма, предложена динамическая интерпретация авторитаризма. В ходе исследований было установлено, что к простому набору характерных черт авторитарной личности, должны добавиться соответствующие политические институты – авторитарные политические институты.

В качестве индикатора авторитаризма могут выступать: расходы бюджета на полицию, властная тема в комиксах, увеличение тюремного срока за сексуальные преступления, усиление интереса к боксу и астрологии, увеличение сторонников смертной казни. Исследователи выделяют в качестве зависимых переменных авторитарности: отношение к меньшинствам; социальные и политические установки (ингруппа vs аутгруппа, порядок vs свобода); установки в отношении использования силы (поддержка смертной казни, расходы на оборону, поддержка военных действий государства); в качестве независимых переменных: воспитание детей; политическая угроза; экономическая угроза (страх безработицы, оценка собственного материального положения, оценка экономики страны); страх войны.

Было установлено, что СМИ оказывают существенное влияние на повышение уровня авторитаризма, драматизируя абстрактные и реальные угрозы, а также дифференцированный эффект влияния угроз на разных людей. Авторы назвали таких людей «ситуационно авторитарными», авторитаризм которых актуализируется в ответ на угрозу.

Теоретические основы авторитаризма существенно изменились с момента выхода оригинального исследования: психоаналитическая основа была вытеснена теорией социального научения, затем теорией идентификации группы. Позднее, в качестве теоретической основы использовалась теория социального компромисса между личной самостоятельностью и социальным конформизмом. Ряд исследователей рассматривают авторитаризм с инструментальной позиции, как способ сохранения социального порядка против многообразия нетрадиционных идей и ценностей.

Современные исследователи выделяют условия, способствующие формированию авторитарной личности и определяют факторы, оказывающие влияние на степень авторитаризма: социально-экономическая и политико-культурная обстановка в обществе, наличие реальной и сконструированной угрозы, уровень образования, профессия, тип культуры.

Исследователи выделяют и фиксируют поведенческие показатели, по наличию которых можно, косвенно, измерить уровень авторитаризма, не используя опросники или иные методики. Примерами таких показателей являются: политические предпочтения, отношение к цензуре, авторитарные религиозные течения, отношение к аутгруппам, увеличение интереса к

преступлениям, рост числа сторонников использования военной силы, проявление слабого интереса к политике и политическим процессам, неприятие демократических прав и гражданских свобод, в частности, свободы слова и свободы проведения демонстраций.

Исследования авторитарности массового сознания российского общества начали проводиться с 1990-х гг. Существующие немногочисленные работы по исследованию авторитарности массового сознания российского общества, прежде всего, посвящены выявлению черт авторитарного характера, рассмотрению авторитарного синдрома как личностного конструкта, выявлению авторитарных настроений и установок в отношении власти, изучению взаимосвязи между авторитаризмом, локус контролем и ценностными ориентациями личности, изучению роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности.

Антиподом авторитарной личности является демократическая личность. На сегодняшний день наблюдается дефицит концепций в политологии и политической психологии, описывающих феномен «демократической личности». В зарубежной литературе наиболее известными являются теория «современного человека» А. Инкелеса и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта. Основными чертами демократической личности являются свобода от авторитетов, незаинтересованность в вопросах власти, интерес к общественным проблемам и желание быть включенным в эти процессы, информированность, толерантность к мнению, ценностям, убеждениям другого. Понятие «демократическая личность» было обозначено для понимания того, что существует другой тип личности, не обладающий отличительными характеристиками «авторитарного типа».

В диссертационной работе предложен новый взгляд на исследование авторитарности для анализа ситуации в России. Автором обозначены методологические основы исследования взаимодействия авторитарного синдрома и политического процесса. Авторитарный синдром представлен как составная часть политической культуры переходных обществ, который оказывает влияние на развитие политического процесса в современной России. В диссертационной работе политическая культура рассматривается как совокупность политических знаний, установок, ценностей, образцов поведения и действий, детерминирующих порядок и значение политического процесса. В работе политический процесс рассматривается в рамках политико-культурного подхода, включая в его содержание производство и воспроизводство институциональной и политико-культурной систем. Иными словами, изменение институтов, ролей, норм, ценностных ориентаций индивидов, обуславливающие тем самым изменение политической системы и характер взаимоотношений в триаде «государство-общество-гражданин».

В исследованиях, посвященных изучению политических трансформаций, в сравнении с социально-структурными и политико-экономическими проблемами, проблемы культуры зачастую остаются второстепенными. Взгляд на культурный фактор, как на самостоятельный фактор в период политических трансформаций, способный сыграть решающую роль в переходе к демократии, не является ведущим. Внимание в диссертационной работе сосредоточено на важной проблеме взаимодействия между культурой и политикой в обществах переживающих глубокую трансформацию. Авторитарный синдром, как составная часть культуры переходных обществ, является значимым фактором, влияющим на конфигурацию политического режима.

Предложен современный взгляд на исследование и анализ авторитарности в России. Изложен новый подход к рассмотрению авторитарного синдрома как последствия культурной травмы в результате политической и социокультурной трансформации общества. В разработке теоретического концепта «авторитарный синдром» и операционализации основных его компонентов, применительно к исследованию посткоммунистической трансформации в России, автор опирался на теорию ресентимента М. Шелера и на теорию культурной травмы П. Штомпки.

В классических работах по теории авторитарной личности, авторитарный синдром определяется через специфические черты характера личности. В данном диссертационном исследовании авторитарный синдром рассматривается как политико-аксиологический феномен, который является частью культуры переходных обществ и оказывает влияние на развитие постсоветского общества.

Авторитарный синдром – это комплекс групповых и индивидуальных ценностей, которые регулируют и конституируют политическое поведение индивидов. Регулятивная сторона реализуется в нормах, ценностях, ограничивающих поведение индивидов, а конституирующая сторона насыщает политическое действие содержанием, что помогает индивидам понимать ситуацию и соотносить свои действия и ожидания с другими. В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, ресентимент, основным содержанием которого является авторитарный синдром, выполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

В диссертационной работе выделены и описаны политико-культурные компоненты авторитарного синдрома, которые можно обнаружить в российском обществе: установка на этатизм, установка на патернализм, установка на эгалитаризм, установка на порядок и иерархию, великодержавность и представления о величии России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к

ксенофобии. В работе представлена описательная модель ресентимента, раскрывающая механизм действия ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Механизм описан через фазу возникновения, фазу формирования и развития, фазу распространения. Травматическая ситуация, связанная с крахом советского государства и прежней экономической системы, ревизией традиций прошлого, нарушением привычного образа жизни, мышления и мировосприятия своих/чужих, привела к актуализации авторитарного синдрома, и, в особенности, отдельных его компонентов.

В диссертационной работе изучена взаимосвязь между особенностями структуры массовых политических ориентаций и принципами легитимации постсоветской политической системы. Исследование опирается на типологию легитимности Д. Истопа. В качестве рабочего определения используется определение легитимности, сформулированное Д. Истопом, которое подходит к исследованию ситуации переходности. Д. Истон определяет легитимность как «диффузию поддержки режима». Общество переходного типа как раз характеризуется множеством противоречий по отношению к новым институтам и значимым ценностям. Установлено, что авторитарный синдром распространен в массовом сознании российских граждан и способствует установлению персонального типа легитимности, а также детерминирует неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности.

Высокая популярность В. Путина лежит в основе властных отношений в постсоветской России. Исследователями рассматриваются такие объяснения оснований популярности президента В. Путина, как культурное, неоинституциональное, коммуникационное. В рамках неоинституционального подхода к объяснению популярности президента исследователи Р. Роуз, Н. Манро, У. Мишлер, опираясь на результаты исследования 2004 года, пришли к выводу, что экономическая эффективность путинской администрации является важным фактором его электорального успеха. Автором было проверено данное предположение исследователей. Результаты показали, что гипотеза, согласно которой фактор удовлетворенности экономической эффективностью путинского руководства является значимым в объяснении результатов президентских выборов, не подтвердилась. Предполагалось, что в таком случае, должна наблюдаться устойчивая корреляция между уровнем благополучия граждан в различных регионах страны и уровнем их поддержки президента на выборах. Для проверки гипотезы были рассчитаны коэффициенты линейной корреляции между результатами голосования на президентских выборах 2004 года и 2012 года в регионах страны и, такими показателями уровня жизни, как средняя заработная плата и средняя пенсия в регионе в 2004 году и, соответственно, в 2012 году.

Автором предложено объяснение устойчивости путинской популярности – активация авторитарного синдрома в переходный период. Причинами для активации авторитарного синдрома стали неэффективность политического руководства (управления), резкий рост социального неравенства, коррупция, обнищание населения, стремительный рост безработицы, статусная деградация. Иными словами, коренной перелом во всех сферах жизни: работа, отдых, потребление, образование, участие в политике, в сочетании с необходимостью приспособливаться к новым, незнакомым и более сложным условиям привели к появлению авторитарного ресентимента.

Установлено влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации органов государственной власти в посткоммунистической России. Институт президентства стал несущей конструкцией, стержнем российской государственности, всей системы государственной власти в постсоветской России. В ситуации переходного периода, когда политические и социальные институты неразвиты и слабы, президентская власть усиливает контроль над обществом. Более того, это находит поддержку граждан, они видят в сильном президенте гарант порядка, безопасности и улучшения личного материального положения. Ключевое место в постсоветской политической системе занимает президент страны, а его персональная легитимность является основой отношения граждан к государственным институтам. Удачный имидж второго российского президента, экономические и политические успехи в годы его руководства страной, запрос граждан на сильного лидера сформировали своеобразный феномен президентской популярности, устойчивый в различных регионах и социальных группах. Этому во многом способствовал и тот факт, что меры, предпринятые политической элитой для сокращения реальной конкурентной демократии, в целом соответствовали представлениям граждан об эффективном государственном управлении в духе доминирующих в массовом сознании политико-культурных традиций.

Парламент в начале 1990-х гг. выступал как инструмент слома коммунистического режима, олицетворяя собой конституционность, правовое начало, принцип разделения властей. В результате политического кризиса 1992-1993 гг. парламент утратил свою роль в политической системы. Не последней причиной этого было доминирование патерналистских установок в обществе, где власть соотносилась не с представительными органами, а с самодержавным лидером. Парламент не стал действенным каналом артикуляции и агрегирования политических интересов и настроений граждан, что способствовало усилению распространения антидемократических тенденций. Незначительное положение законодательной власти в массовом сознании можно объяснить отсутствием в российской политической культуре представлений о необходимости разделения властей, политической конкуренции, оппозиции, и напротив, значимостью патерналистских ориентаций.

Начавшаяся на рубеже столетия эпоха экономической и политической стабилизации, связанная с годами президентства В. Путина, стала началом нового этапа взаимодействия граждан и власти, выразившегося, прежде всего, в укреплении традиционных представлений об эффективности авторитарной формы государственного управления. Приход В. Путина к власти в 2000 году коренным образом изменил формат отношений граждан и власти: агрессивное недоверие периода второго президентства Б. Ельцина быстро сменилось надеждой на улучшение жизни к лучшему, связывавшейся с личностью второго президента России, имидж которого соответствовал представлениям избирателей о деятельном и близком к народу руководителе. Выданный народом политический вексель президенту и благоприятная экономическая конъюнктура определили устойчивость его популярности в различных социальных группах.

Безусловно, изменения в институтах политической системы, сам ход социально-экономической и политической трансформаций, являются одними из главных факторов, повлиявших на восприятие гражданами власти, государства и общества. В диссертационной работе гипотеза автора подтвердилась, согласно которой авторитарный синдром является неформальным фактором и оказывает влияние на посткоммунистический политический процесс, воздействует на характер и направленность процесса, а также конституирует и регулирует политическое поведение индивидов и социальных групп.

Автором диссертационного исследования для выявления проявлений авторитарности были выделены индикаторы авторитарного синдрома: иррациональное представление о власти, этатизм и государственный патернализм, фигура сильного лидера, представления о демократии, отношение к свободе, политическое участие граждан, проявление ксенофобии, представления о Великой державе. Результаты всероссийских социологических исследований фиксируют проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, присутствующих в массовом сознании российских граждан.

Список литературы

Книги

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.
2. Ачкасов В.А. Российский президенциализм: проявившиеся институциональные эффекты // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей. СПб., 2003. – С.102-117.
3. Ачкасов В.А., Еремеев С.Г. Десятилетие либеральных реформ и перспективы гражданского общества в России // Гражданское общество в России: стратегия и тактика формирования. Материалы к науч. симпозиуму 7 дек. 2001. (СПбГУ). Общ. ред.: Марахов В.Г. СПб: изд-во НИИХ СПбГУ, 2001. – С.25-33.
4. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: БГТУ, 2007. – 205 с.
5. Баранов Н.А. Современная российская политика. СПб.: БГТУ, 2001. – 296 с.
6. Баранов Н.А. Трансформация современной демократии. СПб.: БГТУ, 2006. – 214 с.
7. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-традиция, 2001. – 303 с.
8. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и пред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
9. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С.644-706.
10. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. – 456 с.
11. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Комкнига, 2006. – 368 с.
12. Гельман В. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл России, 1999-2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. – С.10-42.
13. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 256 с.
14. Гельман В. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение // Политическая социология и современная российская политика / Под ред. Г. Голосова, Е. Мелешкиной. СПб.: Борей-принт, 2000. - С.9-36.
15. Гельман В.Я. Сильная исполнительная власть: президент и его правительство // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. – С.195-225.

16. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М. Моск. общ. науч. фонд, 1999. – 239 с.
17. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / И.И. Глебова; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: Наука, 2006. – 332 с.
18. Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 205 с.
19. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000. – 384 с.
20. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: РОССПЭН, 2003. – 512 с.
21. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. – 344 с.
22. Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, 2011. – 514 с.
23. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
24. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. – 325 с.
25. Дьюи Д. Демократия и образование. М.: Педагогика-пресс, 2000. – 384 с.
26. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. – 326 с.
27. Западно-Европейская социология XIX - начала XX веков / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 520 с.
28. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003 – 566 с.
29. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
30. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. – 432 с.
31. Кертман Г.Л. От политического отчуждения к опоре на собственные силы // Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. М.: ИСПРАН, 1996. – 143 с.
32. Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р., Шапко В.Г. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск, 1982. – 173 с.
33. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение, 2008. – 213 с.
34. Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. – С.15-70.

35. Ланцов С.А. Легитимация власти в условиях посткоммунистического общества: общие закономерности и российская специфика // Легитимность и легитимация власти в России. СПбГУ: Санкт-Петербург, 1995. – С.1-32.
36. Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В, 2011. - 526 с.
37. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. – 345 с.
38. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе // В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов. М.: Аспект-пресс, 1996. – 125 с.
39. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.
40. Леш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002. – 220 с.
41. Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России. / Отв. ред. Ланцов С.А., Елисеев С.М. СПб.: СПбГУ, 1995. – С.86-118.
42. Малинова О.Ю. Исследования политической культуры: уч. пособие. М.: МИЭТ, 2002. – 76 с.
43. Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. – С.136-194.
44. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. В 5т. Т.II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997. – С.176-184.
45. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. – 873 с.
46. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001. – 336 с.
47. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. – 261 с.
48. Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 176 с.
49. Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда: Очерки политической истории России: 1991-2008. Научное издание / Ю.А. Нисневич. М.: Аспект-пресс, 2010. – 160 с.
50. Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009. – 416 с.
51. Общественное мнение - 2007. М.: Левада-центр, 2007. – 272 с.
52. Общественное мнение - 2008. М.: Левада-центр, 2008. – 192 с.
53. Общественное мнение - 2009. М.: Левада-Центр, 2009. – 208 с.
54. Общественное мнение - 2011. М.: Левада-центр, 2012. – 284 с.
55. Общественное мнение - 2012. М.: Левада центр, 2012. – 232 с.
56. Общественное мнение - 2013. М.: Левада-Центр, 2014. – 252 с.

57. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2010. – 181 с.
58. Пайпс Р. Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков М., 2011. – С.37-47.
59. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. – 480 с.
60. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. В 5т. Т.II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997. – С.479-487.
61. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проспект, 2002. – 832 с.
62. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д.Ковалева / Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
63. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Margimen, 1996. – 287 с.
64. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
65. Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004.- 320 с.
66. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. – 166 с.
67. Политическая наука: новые направления / Пер. под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Вече, 1999. – 814 с.
68. Попова О.В. Политика лояльности в российских условиях // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики. Сб.статей / Отв.ред. Л.В. Сморгун, Е.В. Морозова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. – С.150-155.
69. Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011. – 463 с.
70. Психология политического восприятия в современной России / Под. ред. Е.Б. Шестопа. М.: РОССПЭН, 2012. – 422 с.
71. Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. М.: АСТ, 2004. – 539 с.
72. Решетников М.М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 260 с.
73. Россия: Десять вопросов о самом важном / Под общ. ред. Шевцовой Л.; Московский Центр Карнеги. М., 1997. – 79 с.
74. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 2000. – 368 с.

75. Саква Р. Путин: выбор России / Вступ. Ст. А. Чубарьяна. Пер с англ. А. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 480 с.
76. Салмин А.М. Избранные статьи. М.: Форум, 2010. – 543 с.
77. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Форум, 2009. – 383 с.
78. Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002. – 469 с.
79. Сморгунов Л.В. Тенденции развития современной публичной сферы // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики. Сб.статей / Отв.ред. Л.В. Сморгунов, Е.В. Морозова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. – С.6-18.
80. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. – 299 с.
81. Соловьев А.И. Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. – 800 с.
82. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
83. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. – 254 с.
84. Триандис Г. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. В.А. Соснин. М.: Форум, 2007. – 384 с.
85. Урнов М. Федеральная власть в России в период президентства В. Путина: точка зрения либерала // Современная Россия: вызовы и ответы. Сборник материалов. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. – С.25-37.
86. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: Вызовы и ответы. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. – 240 с.
87. Федоров Ю. Парламент в трансформационном процессе в России // Россия политическая. / Под ред. Л. Шевцовой. М.: 1998. – С.71-135.
88. Феннер К. Политическая культура // Политология: Краткий тематический словарь. Вып. I. М., 1992. – С.70-73.
89. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изида, 2004. – 399 с.
90. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2012. – 317 с.
91. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
92. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

93. Шаран П. Сравнительная политология. Часть I. М., 1992. – 216 с.
94. Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом или почему России трудно с Западом. М., 2010. – 268 с.
95. Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. – 535 с.
96. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231. с.
97. Шестопал Е.Б. Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2012. – 341 с.
98. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. – 430 с.
99. Шестопал Е.Б. Психология политического восприятия в современной России. М.: РОССПЭН, 2012. – 423 с.
100. Щербак А.Н. Экономический рост и итоги думских выборов 2003 года // Третий электоральный цикл в России, 2003-2004 годы / В.Я. Гельман. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. – С.196-216.
101. Щербинин А.И. Политическое образование: Учебное пособие / А. И. Щербинин. М.: Весь мир, 2005. – 288 с.
102. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск: Водолей, 1996. – 256 с.
103. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. – 285 с.
104. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992. – 228 с.
105. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.
106. Яценко Н.Е. Общественно-политический словарь. 4 изд., испр. и доп. СПб.:, 2009. – 783 с.

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>
2. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ «О политических партиях». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>
3. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. №168-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/12/24/partii.html>

4. Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. №490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/04/08/administr-dok.html>
5. Указ Президента Российской Федерации «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19747>

Диссертации

1. Баязитов Р.Ф. Авторитарный стереотип в менталитете современной молодежи: дис....канд.психол.наук: 19.00.05 / Баязитов Фаис Раисович. Казань., 2005. – 181 с.
2. Дьяконова Н.А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов: дис....канд.психол.наук: 19.00.05 / Дьяконова Надежда Александровна. М., 2001. –170 с.
3. Еремеев С.Г. Процессы глобализации и судьбы национального государства: дис....канд.полит.наук: 23.00.02 / Еремеев Станислав Германович. СПб., 2002. – 180 с.
4. Морозова Е.В. Региональная политическая культура: дис....д.филос.наук: 09.00.10 / Морозова Елена Васильевна. Краснодар., 1988. – 316 с.
5. Платонова С.М. Воспитание демократической культуры личности школьника в коллективной организаторской деятельности: дис....канд.педаг.наук: 13.00.01 / СПб., 2004. – 218 с.

Электронные ресурсы

1. Авшалумова Р., Кравченко И. Новое поколение россиян мечтает о твердой руке // Ведомости. 22.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/career/news/26810741/rossijskih-igrekov-sreda-zaela>
2. Андреев А.Л. Социальные противоречия российского общества, «Перспективы», «Фонд исторической перспективы». 19.03.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://perspektivi.ru/rus/nashe/socialnye_protivorechiya_rossiyskogo_obschestva.htm
3. Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы). 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.org/book_o236_page_21.html
4. Бжезинский З. Путинский выбор // Иносми. 12.03.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20080312/240172.html>
5. Бласс Т. Власть «авторитетов»: эксперимент Милграма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bdspeople.ru/forum/topic3554/>

6. Будущее России глазами ее граждан. Левада-центр. 21.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/07/6684>
7. Возможен ли выход из российского безвременья. Публикация прессы Левада-центра. 05.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/05-02-2014/vozmozhen-li-vykhod-iz-rossiiskogo-bezvremeniya>
8. Возраст харизмы. Политический прогноз. «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 2004. №74 (12548). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovross.ru/old/2004/074/074_2_1.htm
9. Выжutowич В. Роскошь как средство передвижения // Российская газета. 12.04.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/12/vizhutovich.html>
10. Гришин Н.В. Устойчивость территориальных различий предпочтений населения (на примере Юга России) // Политэкс: Политическая экспертиза. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/243/>
11. Гудков Л. Российский авторитаризм: институциональный и общественный контекст. 02.08.2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1313>
12. Гудков Л. «Россия для русских?» Уже не стыдно. Левада-центр. 20.11.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-11-2013/lev-gudkov-rossiya-dlya-russkikh-uzhe-ne-stydno>
13. Гудков Л. Рост националистических настроений – это признак стагнации общества. Левада-центр. 18.12.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>
14. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. 2008. 96 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/postsovetskii-chelovek-i-grazhdanskoe-obshchestvo>
15. Гудков Л., Паин Э. О политическом будущем России. 29.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-10-2013/lev-gudkov-i-emil-pain-o-politicheskom-budushchem-rossii>
16. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Минэкономразвития России на 2013-2015 годы. 2013. С.20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/99f279804f70a973825b9f9f21e75678/dron_2013-2015.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=99f279804f70a973825b9f9f21e75678
17. Зависимость от исполнительной власти губит репутацию российских судов. Право.ru. 18.01.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ru/review/view/67212/>

18. Иванов М. России запросили строгий режим // Газета «Ъ». 28.07.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1990744>
19. Иванов М. Страна победившей вертикали // Газета «Ъ». 22.10. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>
20. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf
21. Исследовательский проект «Поддержка судебной реформы». Левада-центр. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.beafnd.org/common/img/uploaded/files/Otchet_po_sudebnoiy_reforme_naselenie_saiyt_1volna.pdf
22. Климантова Г. И., Мухетдинова Н. М. [Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы](#) // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. — 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf139-08/vestniksf139-08030.htm>
23. Козырева П.М. Российское общество: тенденции исторического транзита. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozyreva_Rossijskoe%20obsch.pdf
24. Коньков Н. Россия – суперолигархия. Агентство политических новостей. 22.06.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/opinions/article9378.htm>
25. Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ю-а-красин-социальное-неравенство-в-по/>
26. Левинсон А. Об ошибках коллег и главной проблеме власти. 13.12.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-12-2013/aleksei-levinson-ob-oshibkakh-kolleg-i-glavnoi-probleme-vlasti>
27. Левинсон А. Наше «мы»: насилие от бессилия // Ведомости. 15.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/548701/nasilie-ot-bessiliya>
28. Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о resentmentе и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/97/>

29. Мау В., Кочеткова О., Яновский К., Жаворонков С., Ломакина Ю. Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (опыт России 1995-2000 годов). 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/vibor/3_7/article.php?art=1
30. Никовская Л.И. Изменение образа демократии как фактор самоопределения России // Полития. 2008. №4.(51). С. 62-72. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/29/1270393142/Politeia_Nikovskaya-2008-4.pdf
31. Опрос «Что такое, по вашему мнению, порядок?». 10.03.1994. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=483&q_id=36128&date=10.03.1994
32. Опрос «Что такое, по вашему мнению, порядок?». 09.02.2010. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=637&q_id=46038&date=09.01.2010
33. Опрос населения «Разделение властей или властный монолит? (принцип разделения властей в российском массовом сознании)» 13.12.2001. ФОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/power/dd014737>
34. О росте социально-политического инфантилизма в России. Левада-центр. 16.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/16-05-2014/o-roste-sotsialno-politicheskogo-infantilizma-v-rossii>
35. Осокина Е. Влияние американских СМИ на массовое сознание. 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>
36. Пайпс Р. Бегство от свободы: что думают, и чего хотят россияне // Иносми. 01.06.2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20040601/210029.html>
37. Пак Ч. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4cherun.htm>
38. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. №6. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/6.pdf>
39. Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 8.07.2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
40. Пресс-выпуск «44% россиян: если чиновник или депутат богат – это преступно». Левада-центр. 26.03.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-03-2013/44-rossiyan-esli-chinovnik-ili-deputat-bogat-eto-prestupno>

41. Пресс-выпуск «Владимир Путин: оценки деятельности». 18.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-04-2014/vladimir-putin-otsenki-deyatelnosti>
42. Пресс-выпуск «Владимир Путин стабильно незаменим». 20.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamenim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>
43. Пресс-выпуск «Власть в стране». 28.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-08-2012/vlast-v-strane>; <http://regions.ru/news/2458795>
44. Пресс-выпуск «Доверие институтам власти». 07.10.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>
45. Пресс-выпуск «Идеальный президент для России: «отец нации» - или «современный управленец»». 23.05.2012. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112784>
46. Пресс-выпуск «Общественное мнение о деятельности госдумы и депутатах». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh>
47. Пресс-выпуск «Общественное мнение о деятельности госдумы и депутатах». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh>
48. Пресс-выпуск «Октябрьские рейтинги одобрения, доверия и положения дел в стране, значимые события месяца». 24.10.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-10-2012/oktyabrskie-reitingi-odobreniya-doveriya-i-polozheniya-del-v-strane-znachimye-sobytiya-me>
49. Пресс-выпуск «Позиции России на мировой арене?». 17.03.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene>
50. Пресс-выпуск «Претензии россиян к правительству». 01.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/01-04-2014/pretenzii-rossiyan-k-pravitelstvu>
51. Пресс-выпуск «Программа оппозиции и правительства в представлениях россиян». 09.12.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-12-2013/programma-oppozitsii-i-pravitelstva-v-predstavleniyakh-rossiyan>

52. Пресс-выпуск «Ресурсы и территория – основная гордость россиян». Левада-центр. 02.12.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/02-12-2010/resursy-i-territoriya-strany-osnovnaya-gordost-rossiyan>
53. Пресс-выпуск «Россиян окружило врагами». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/rossiyan-okruzhilo-vragami>
54. Пресс-выпуск «Россиянам нужны свобода слова, собраний и выезда за рубеж». 29.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-08-2012/rossiyanam-nuzhny-svobody-slova-sobranii-i-vyezda-za-rubezh>
55. Пресс-выпуск «Россияне засомневались в верности курса власти». 24.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-08-2012/rossiyane-zasomnevalis-v-vernosti-kursa-vlasti>
56. Пресс-выпуск «Россияне о врагах». 26.11.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/rossiyane-o-vragakh>
57. Пресс-выпуск «Россияне о демократии». 03.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-04-2014/rossiyane-o-demokratii>
58. Пресс-выпуск «Россияне о независимости ветвей власти». 22.10.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvei-vlasti>
59. Пресс-выпуск «Россияне о свободе, демократии, государстве». 25.09.2013. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>
60. Пресс-выпуск «Россияне о сильном лидере и единовластии». 08.04.2014. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/08-04-2014/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii>
61. Пресс-выпуск «Россияне теряют страх перед популярным Путиным». 24.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-08-2012/rossiyane-teryayut-strakh-pered-populyarnym-putinym>
62. Пресс-выпуск «Серая зона тотального недоверия». 16.08.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-08-2012/rossiyanam-nuzhny-svobody-slova-sobranii-i-vyezda-za-rubezh>
63. Пресс-выпуск «Что такое демократия и существует ли она в России». 19.03.2012. Левада-центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-03-2012/что-такое-демократия-и-существует-ли-она-в-россии>

64. Пресс-выпуск №2422 «Владимир Путин: вчера и сегодня». 07.10.2013. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114532>
65. Пропась между богатыми и бедными усугубляется. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kprf.org/showthread.php?t=62>
66. Радзиховский Л. Российское президентство: образы и имиджи // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.5. 1995. С.42-47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsogu.ru/media/files/2013/03_26/vestnik-5_1.pdf
67. Романович Н.А. Концепция единовластия в общественном сознании (традиции и социокультурные основания). 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>
68. Россияне о статусе страны как великой державы. ВЦИОМ. 12-13 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/05/12/6772>
69. Рыжков В.А. Авторитаризм и Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/26/1251348252/011_Рыжков_Авторитаризм%20и%20Россия_179-189.pdf
70. Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
71. Сайт ЦИК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/>
72. Самойлова В.А. Проявления и динамика авторитарного сознания в социокультурных установках городского населения. 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/27278880.html>
73. Трансперенси Интернешнл Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/>
74. Три года без Ельцина // Российская Федерация сегодня. 2002. №24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russia-today.ru/old/archive/2002/no_24/24_topic_1.htm
75. Фромм Э. Бегство от свободы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.me/bookreader.php/60813/Fromm_-_Begstvo_ot_svobody.html

Статьи

1. Абалкина М.А., Агеев В.С., МакФарланд С. Авторитарная личность в США и СССР // Человек. - 1990.- №6.- С.110-118.
2. Ачкасов В.А. Кризис идентичности и перспективы «русской национальной правдой» // Вестник СПбГУ.- 1995.- Сер. 6. вып.2 (13).- С.36-39.
3. Ачкасов В.А. Особенности эволюции российской государственности, или почему в России нет нации-согражданства? // Политэкс.- 2009.- Т.5 №4.- С.40-60.

4. Ачкасов В.А., Еремеев С.Г. Страны «третьего мира»: столкновение с глобализацией? // Политэкс.- 2009.- №1.- С.161-176.
5. Баев П.А. К вопросу об исследовании влияния института религии на процесс социальной интеграции российского общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2012. - Т.61. №2. - С.162-167.
6. Бандурина И.П. Экологические проблемы рыночного общества в рамках концепции ресентимента // Теория и практика общественного развития. -2010.- №2.- С.440-447.
7. Бачинин В.А. Старорусский бунт 1831 года, «ресентимент» М. Шелера и «подполье» Ф. Достоевского // Человек.- 2011.- №4.- С.116-127.
8. Башкирова Е., Лайдинен Н. Президент: феномен общественной поддержки // Социологические исследования.- 2001.- № 9.- С.29-36.
9. Беспалова Ю.М., Кондаков Ю.А. Энтропия и ресентимент в современном российском обществе // Академический вестник. -2013. -№2 (24).- С.11-19.
10. Борзунова А.Е. Социологические концепции легитимности власти Т. Парсонса и М. Вебера: сравнительный анализ // Социологические исследования.- 1997.- №9.- С.98-102.
11. Вайнштейн Г. Рост авторитарных установок в политическом развитии современной России // Мировая экономика и международные отношения.- 1995.- №11.- С. 60-66.
12. Варзоновцев Д. Ресентимент «АТАКА» или «веймарский синдром»: постановка проблемы // Политическая экспертиза: Политэкс.- 2007.- Т.3. №2.- С.200-207.
13. Гельман В.Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // Полития.- 2010.- №2.- С.6-24.
14. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии.- 1991.- №3.- С.164-173.
15. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. От культа властей к власти людей // Нева.- 1989.- №7.- С.156-179.
16. Голосов Г. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис.- 1997.- №4.- С.44-56.
17. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения.- 2007.- №5 (91).- С.8-29.
18. Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения.- 2008.- №1 (93).- С.8-32.
19. Гуторов В.А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политэкс.- 2006.- №4 Т.2.- С.63-74.

20. Гуторов В.А., Кузнецов И.И., Шашкова Я.Ю. Политические ценности и стратегии современно России: взгляд политологического сообщества // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.- 2014.- №1.- С.3-8.
21. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии.- 1990.- №9.- С.69-75.
22. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Политические исследования.- 1993.- №5.- С.31-35.
23. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования.- 1994.- №5.- С.142-147.
24. Диденко П.И. Ресентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7: Философия. Социология и социальные технологии.- 2012.- №3.- С.79-85.
25. Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социологические исследования.- 1993.- №3.- С.67-74.
26. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования.- 1994.- №6.- С.147-157.
27. Дубин Б.Сталин и другие. Фигуры высшей власти общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения.- 2003. - №2 (64).- С. 26-40.
28. Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии.- 2000.- №4.- С.51-60.
29. Еремеев С.Г. Проблемы и инструменты территориального инновационного развития в России // Экономика и управление.- 2009.- №2.5.- С.34-39.
30. Еремеев С.Г. К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.- 2012.- №3.- С.52-54.
31. Еремеев С.Г. Основы региональной инновационной политики // Экономика. Налоги. Право.- 2009.- №1.- С.34-49.
32. Еремеев С.Г. Ситуационный центр мегаполиса // Политический анализ.- 2009.- №9.- С.146-154.
33. Еремеев С.Г. Формирование инновационной экономики как базовая тенденция развития современного общества // Экономика и управление.- 2009.- №3.6 – С.17-21.
34. Еремеев С.Г. Электронное правительство мегаполиса // Экономика и управление.- 2009.- №3.- С.24-27.
35. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис.- 2001.- №2.- С.113-131.

36. Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС.- 2010.- №5.- С.71-86.
37. Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования.- 1995.- №4.- С.3-14.
38. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии.- 1992.- №1-2.- С.14-21.
39. Кейзеров Н.М. Доктрина персонализации власти // Социс.- 1990.- №3.- С.79-87.
40. Крастев И., Холмс С. Странная смерть управляемой демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.- 2012.- №2 (112).- С.48-55.
41. Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену «человека советского» проблемы методологии и анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.- 1995.- №6(20). -С.14-18.
42. Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989-1994 // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения.- 1995.- №1.- С.10-14.
43. Лукин А. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // Pro et Contra.- 2008.- № 4.- С.81-104.
44. Макарин А.В. «Партия власти» в современной России // Политический анализ.- 2010.- №10.- С.75-91.
45. Макарин А.В. Политические институты: к методологии исследования // Политический анализ.- 2009.- №9.- С.37-50.
46. Макарин А.В., Давыдов Л.В. Социально-политические основы усиления «партии власти» // Политика и общество.- 2012.- №1.- С.4-15.
47. Мельвиль Ю.А. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис.- 1998.- №2.- С.13-17.
48. Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность // Полис.- 2011.- №2.- С.162-171.
49. Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Полис.- 1998.- №1.- С.36-51.
50. Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // ОНС.- 2002.- №6.- С.59-65.
51. Попова О.В. Почему Россия - «несвободная страна», или о том, «как нас посчитали» // Политэкс.- 2006.- №1. Т.2.- С.33-50.
52. Попова О.В. Борьба с коррупцией в Российской Федерации как инновационный проект гражданского общества // Политэкс. -2006. - №4. Т.2.- С.135-165.

53. Преснякова Л.А. Структура восприятия политической власти // Полис.- 2000. - №4.- С.135-149.
54. Радиков И.В. Гражданское участие в политике и политическая стабильность в России: новые тенденции // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки.- 2013.- Т.118.- №3.- 80-93.
55. Радиков И.В. «Мягкая сила» как современный атрибут Великой державы // Мировая экономика и международные отношения.- 2012.- №2.- С.19-26.
56. Радиков И.В. Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие.- 2011.- №1.- С.90-94.
57. Роуз Р., Манро, Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения.- 2005. - №2 (76). - С.30-42.
58. Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС.- 2006.- №3.- С.67-74.
59. Сморгунов Л.В. Выборы с предсказуемым результатом: благо или проблема для демократического развития России? // Человек. Сообщество. Управление.- 2013.- №1.- С.48-53.
60. Сморгунов Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики России // Политические науки.- 2010.- №4.- С.191-211.
61. Соловьев А.И. Гражданское общество и правовое государство. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или матрица развития? // ОНС.- 2004.- №1.- С.64-76.
62. Сонин К. Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики.- 2005.- № 7.- С.4-18.
63. Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика.- 2007.- № 3.- С.18-31.
64. Урнов М. Насколько мы готовы к демократии? (статья первая) // Рабочий класс и современный мир.- 1989.- №4.- С.75-91.
65. Урнов М. Авторитарность: опыт количественной оценки // Мониторинг общественного мнения.- 1994.- №5.- С.20-22.
66. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et contra.- 2008.- №1.- С.6-21.
67. Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra.- 1997. Т.2. №4. - С.125-140.

68. Шестопап Е.Б. Демократические ценности в сознании россиян // ОНС.- 1996.- №2.- С.45-61.
69. Шестопап Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. - 1995.- №4.- С.86-98.
70. Шестопап Е.Б. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. - 2011. -№3 (62). - С.34-47.
71. Шпакова Р.П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Политические исследования.- 1994.- № 2.- С.169-174.
72. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования.- 2001.- № 2.- С.3-12.
73. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования.- 2001.- № 1.- С.6-16.
74. Шутов А.Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.- 2013.- №5.- С.84-100.
75. Шутов А.Ю. Типология политических процессов (социокультурный контекст) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.- 1994.- №2.- С.28-40.
76. Щербинин А.И. Вхождение в мир политический (теоретико-методологические основания политической дидактики) // Полис.- 1996.- №5.- С.136-145.
77. Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис.- 1997.- №2.- С.159-171.
78. Щербинин А.И., Гоманович Н.В., Ершова И.А. СМИ как фактор российского политического процесса на рубеже XX-XXI вв. (аксиологический аспект) // Вестник Томского государственного университета.- 2007.- №294.- С.129-131.
79. Щербинин А.И. Щербинина Н.Г. Глубинные основания конструирования образа современной России // Проблемы управления в социальных системах.- 2010.- Т.2.- №3.- С.6-21.
80. Щербинин А.И. Щербинина Н.Г. Политический конструкт «победа» в контексте феномена ностальгии по советскому // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология.- 2010.- №3.- С.7-23.
81. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. - 1995. - №5.- С.127-140.
82. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // ВЦИОМ.- 1994.- №4.- С.3-8.
83. Юртайкин В.В., Дьяконова Н.А. Авторитаризм в системе установок российских и американских студентов // Социологическое исследование.- 2001.- №9.- С.58-67.

84. Юрьев А.И. Аксиомы психологического измерения человеческого капитала // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. - 2009.- №2-3. С.150-155.
85. Юрьев А.И. О книге профессора М.М. Решетникова «Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ» // Информационные войны.- 2013.- №3 (27).- С.92-101.
86. Юрьев А.И. Психолого-политические угрозы глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения.- 2006.- №3.- С.131-142.
87. Юрьев А.И. Страна Россия: быть или не быть? Психолого-политическое исследование // Информационные войны.- 2011.- №3.- С.25-32.
88. Юрьев А.И. Феномен лимитрофизации как ведущий инструмент внешнеполитического воздействия на Россию // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.- 2011.- №4.- Т.6.- С.142-147.

Источники на иностранном языке

1. Aguila R. Crises of Parties as Legitimacy Crises: a view from political theory. Estudio/Working Paper. 1995. Available at: http://www.march.es/ceacs/publicaciones/working/archivos/1995_75.pdf
2. Akrami N., Ekehammar B. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation. Their roots in Big-five personality factors and facets // The Journal of Individual Differences. 2006. Vol.27. pp. 117-126.
3. Alexander J. Introduction: Understanding the «Relative Autonomy» of Culture // Alexander J., Seidman S., (eds.). Culture and Society: Contemporary Debates. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. pp.1-27.
4. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. New York: Oxford University Press, 2004. 296 p.
5. Alexander J., Smith P. The Strong Program in Cultural Sociology // The Handbook of Sociological Theory / ed. by J. Turner. New York: Kluwer, 2001. Available at: <http://ccs.research.yale.edu/about/strong-program/#culture>
6. Almond G., Verba S. The Civic culture: political attitudes and democracy in Five Nations. Princeton University Press, 1963. 392 p.
7. Altemeyer B. Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism. Jossey-Bass Publishers. San Francisco. London, 1988. 378 p.

8. Altemeyer B. Highly dominating, highly authoritarian personalities // *The Journal of Social Psychology*. 2004. Vol.144. No.4. pp. 421-447.
9. Altemeyer B. *Right-wing authoritarianism*. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. 352 p.
10. Altemeyer B. *The authoritarian specter*. Harvard University Press, 1996. 306 p.
11. Ansell C. Legitimacy: Political / *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. L.: Elsevier, 2001. pp. 8704-8706.
12. Ash S. *Social psychology*. New York: Free Press, 1952
13. Baars J., Scheepers P. The theoretical and methodological foundations of the authoritarian personality // *Journal of the History of the Behavioral Science*. 1993. Vol.29. pp. 345-353.
14. Bandura A. *The social foundations of thought and action: a social cognitive theory*. New York: Prentice-Hall, 1986. 617 p.
15. Barker D., Hurwitz J., Nelson T. Of Crusades and culture Wars: «Messianic» militarism and political conflict in the United States // *Journal of Politics*. 2008. Vol.70. pp. 307-322.
16. Barker R. *Legitimizing identities: The self-presentations of rulers and subjects*. Cambridge University Press, 2001. 161 p.
17. Basheer M. *Political culture, Foreign Policy and Conflict: The Palestine Area Conflict System*. London, 1982
18. Beetham D. *The legitimation of power*. Atlantic Highlands, New York: Humanities Press International, 1991. pp. 15-27.
19. Begany J.J., Milburn M.A. Psychological predictors of sexual harassment: authoritarianism, hostile sexism, and rape myths // *Psychology of Men and Masculinity*. 2002. Vol.3. pp. 119-126.
20. Berkowitz L. Liking for the group and the perceived merit of the group's behavior // *Journal of Abnormal Social Psychology*. 1957. Vol.54. pp. 353-357.
21. Bohman J. *Public Deliberation. Pluralism, Complexity, and Democracy*. Cambridge, Massachusetts, 1996.
22. Brown A. *Political Culture and Communist Studies*. London. Macmillian, 1984
23. Brown R. *Social psychology*. New York: The Free Press, 1965. 785 p.
24. Brunner G. Legitimacy doctrines and legitimations procedures in East European System // Rigby T.H., Feher F. (eds) *Political legitimation in communist states*. London, 1982. pp. 27-44.
25. Butler J.C. Personality and emotional correlates of right-wing authoritarianism // *Social Behavior and Psychology*. 2000. Vol.28. pp. 1-14.
26. Canetti-Nisim D. The effect of religiosity on endorsement of democratic values: the mediating influence of authoritarianism // *Political Behavior*. 2004. Vol.26. No.4. pp. 377-398.

27. Carr R., Bernstein M. *American Democracy*. Ninsdale, 1977. 411 p.
28. Christie R. Some experimental approaches to authoritarianism: I. A retrospective perspective on einstellung (rigidity?) paradigm // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 70-89
29. Christie R., Jahoda F. *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research*. Glencose, IL: Free Press, 1954. 279 p.
30. Cohrs J., Moschner B., Maes J., Kielmann S. The motivational bases of right-wing authoritarianism and social dominance orientation: relations to values and attitudes in the aftermath of September 11, 2001 // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol.31. pp. 1425-1434.
31. Cohrs J.C., Kielmann S., Maes J., Moschner B. Effects of right-wing authoritarianism and threat from terrorism on restriction of civil liberties // *Analysis of Social Issues and Public Policy*. 2005. Vol.5. pp. 263-276.
32. Colton T. *Economics and Voting in Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol.12. No.4. pp.289-317.
33. Crepaz M., Damron R. Constructing tolerance: how the welfare state shapes attitudes about immigrants // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol.42. No.3. pp. 437-463.
34. Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. No.6. pp. 733-750.
35. Devine D. *The political culture of United States*. Boston, 1972
36. Diamond L. *Developing Democracy: In Quest of Consolidation*. Baltimore, 1999. Ch.5 pp.249-307.
37. Diamond L. *Developing democracy: towards consolidation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999
38. Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M. Democracy in developing countries: facilitating and obstructing factors // *Freedom in the World: political rights and civil liberties. 1987-1988* / Ed. By R.D. Gastil. New York: Freedom House, 1988. pp. 229-258.
39. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationally in organizational fields // *The American Sociological Review*. 1983. Vol.48. No.2. pp. 147-160.
40. Dogan M. Political legitimacy: new criteria and anachronistic theories // *International Social Science Journal*. 2009. Vol.196. pp. 195-210.
41. Doty R., Peterson B., Winter D. Threat and authoritarianism in the United States, 1978-1987 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol.61. No.4. pp. 629-640.

42. Duckitt J. Authoritarianism and group identification: a new view of an old construct // *Political Psychology*. 1989. Vol.10. pp. 63-84.
43. Duckitt J. Education and authoritarianism among English- and Afrikaans-speaking White South Africans // *The Journal of Social Psychology*. 1992. Vol.13. pp. 701-708.
44. Duckitt J., Farre B.A. Right-wing authoritarianism and political intolerance among whites in the future majority-rule South Africa // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. No.6. pp. 735-741.
45. Duckitt J., Fisher K. The impact of social threat on worldview and ideological attitudes // *Political Psychology*. 2003. Vol.24. No.1. pp. 199-222.
46. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol.83. pp. 75-93.
47. Easton D. A re-assessment of the concept of political support // *British Journal of Political Science*. 1975. Vol.5. No.4. pp. 435-457.
48. Easton D. *A system analysis of political life*. New York, 1965. 507 p.
49. Eckhardt W. Authoritarianism // *Political Psychology*. 1991. Vol.12. No.1. pp. 97-124.
50. Ekehammar B., Akrami N., Gylje M., Zakrisson I. What matters most to prejudice: big five personality, social dominance orientation, or right-wing authoritarianism? // *European Journal of Personality*. 2004. Vol.18. pp. 463-482.
51. Eurobarometer surveys. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showchart_column.cfm?keyID=3&nationID=11,1,2,16,13,6,3,4,7,8,9,12,5,14,10,15,&startdate=2004.04&enddate=2004.04
52. Fails M., Pierce H. Changing mass attitudes and democratic deepening // *Political Research Quarterly*. 2010. Vol.63. No.1. pp. 174-187.
53. Farris C. «Authoritarianism» as a Political Behavior Variable // *The Journal of Politics*. 1956. Vol.18. No.1. pp. 61-82.
54. Feather N.T. Reactions to penalties for offenses committed by the police and public citizens: testing a social-cognitive process model of retributive justice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol.75. pp. 528-544.
55. Feldman S. Enforcing social conformity: a theory of authoritarianism // *Political Psychology*. 2003. Vol.24. No.1. pp. 41-74.
56. Feldman S., Lavine H., Lodge M., Verhulst B. Seeing negative: authoritarianism and automatic vigilance for threatening stimuli. 2010. pp.1-29. Available at: http://mysbfiles.stonybrook.edu/~stfeldma/ISPP%20Authoritarianism_Threat.pdf

57. Feldman S., Stenner K. Perceived threat and authoritarianism // *Political Psychology*. 1997. Vol.18. No.4. pp. 741-770.
58. Fidrmuc J. Economic of Voting in Post-Communist Countries // *Electoral Studies*. 2000. Vol.19. No.2. pp.199-217.
59. Fiorina M.P. «Voting Behavior»: In *Perspectives on Public Choice: A Handbook* / ed. by D. Mueller. New York: Cambridge University Press, 1997. pp. 391-415.
60. Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981
61. Friedman T. The First Law of Petropolitics // *Foreign Affairs*. 2006. May/June. pp. 28-36.
62. Fuchs D., Klingemann H.D. Citizens and the State: A changing relationship? Available at: <http://www.uni-giessen.de/fb03/seminar/online/europa99/text1.htm>
63. Gabennesch H. Authoritarianism as a world view // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol.75. No.5. pp. 857-875.
64. Geddes B., Zaller J. Sources of popular support for authoritarian regimes // *American Journal of Political Science*. 1989. Vol.33. pp. 319-347.
65. Gilley B. The determinants of state legitimacy: results for 72 countries // *International Political Science Review*. 2006. Vol.27. No.1. pp. 47-71.
66. Goertzel T.G. Authoritarianism and social change in the Soviet Union // *The Journal of Social Psychology*. 1989. Vol.129. pp. 703-705.
67. Grafstein R. The failure of Weber's conception of legitimacy: it's causes and implications // *The Journal of Politics*. 1981. Vol.43. No.2. pp. 456-472.
68. Greenberg J., Solomon S., Veeder M., Pyszczynski T., Rosenblatt A., Kirkland S., Lyon D. Evidence for terror management theory II: the effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol.58. pp. 308-318.
69. Greenstein F. Personality and political socialization: the theories of authoritarian and democratic character // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1965. Vol.361. *Political Socialization: Its Role in the Political Process*. pp. 81-95.
70. Habermas J. *Legitimation crisis*. London: Heinemann, 1973. 163 p.
71. Haerpfer C.W. Support for democracy and autocracy in Russia and the Commonwealth of independent states, 1992-2002 // *International Political Science Review*. 2008. Vol.29. No.4. pp. 411-431.
72. Hamilton V.L., Sanders J., McKearney S. Orientations toward authority in an authoritarian state: Moscow in 1990 // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. Vol.1. pp. 356-365.
73. *Handbook of Political Science: In 8 Vols*. New York. 1975. Vol.3.

74. Hanson S.E. The Leninist legacy, Institutional change and Post-Soviet Russia // Crawford B., Lijphart A. (ed) *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative perspectives on democratic transitions*. Berkeley, 1997. pp. 238-252.
75. Hastings B., Shaffer B. Authoritarianism: the role of threat, evolutionary psychology and the will to power // *Theory and Psychology*. 2008. Vol.6. pp. 423-440.
76. Heaven P., Bucci S. Right-wing authoritarianism, social dominance orientation and personality: an analysis using the IPIP measure // *European Journal of Personality*. 2001. Vol.15. pp. 49-56.
77. Heaven P.C.L., Greene R.L. African Americans' stereotypes of Whites: relationships with social dominance orientation, right-wing authoritarianism, and group identity // *The Journal of Social Psychology*. 2001. Vol.141. pp. 141-143.
78. Herzon F., Kincaid J., Dalton V. Personality and Public Opinion: The Case of authoritarianism, prejudice, and support for the Korean and Vietnam Wars // *Polity*. 1976. Vol.11. pp. 92-113.
79. Hesli V., Bashkirova E. The Impact of Time and Economic Circumstances on Popular Evaluations of Russia's President // *International Political Science Review*. 2001. Vol.22. No.4. pp. 379-398.
80. Hetherington M. The Political Relevance of Political Trust // *The American Political Science Review*. 1998. Vol.92. No.4. pp. 791-808.
81. Hetherington M., Weiler J. *Authoritarianism and polarization in American politics*. New York: Cambridge University Press, 2009. 234 p.
82. Hetherington M., Weiler J. Authoritarian disposition and political choice. 2005. Available at: http://www.gvpt.umd.edu/glayman/hetherington_weiler.pdf
83. Hogan H.W. German and American authoritarianism, self-estimated intelligence and value priorities // *The Journal of Social Psychology*. 1980. Vol. 111. No.1. pp. 145-146.
84. Horkheimer M., Adorno T. *Dialectic of enlightenment*. New York: The seabury press, 1969. 258 p.
85. Hyman H.H., Sheatsley P.B. The authoritarian personality: methodological critic // Christie R., Jahoda F. *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research*. Glencoe, IL: Free Press, 1954. pp. 50-122.
86. Inglehart R. How Solid is Mass support for Democracy - And How can We Measure It? Available at: <http://folk.uio.no/berasch/Inglehart-PS.pdf>
87. Inglehart R. Political value orientations // Jennings M.K. *Continuities in political action: A longitudinal study of political orientations in three western democracies*. Berlin, 1989. pp.67-102.
88. Inglehart R., Baker W. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American sociological review*. 2000. Vol.65. pp.19-51.

89. Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues // *Comparative Modernisation* / ed. C.E. Black. New York: Free Press, 1976. pp. 320-348.
90. Jackson D.N., Messik S.J., Solley S.M. How «rigid» is the «authoritarian» // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1957. Vol.54. pp. 132-137.
91. Janowitz M., Marvick D. Authoritarianism and political behavior // *Public Opinion Quarterly*. 1953. Vol.17. pp. 185-201.
92. Jay M. *The dialectical imagination: a history of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923-1950*. Little, Brown and company, 1973. 382 p.
93. John L.M. «The Authoritarian Personality» 50 years later: What lessons are there for Political Psychology? // *Political Psychology*, 2001. Vol. 22, No.1. pp. 1-26.
94. Kam C., Kinder D. Terror and ethnocentrism: foundations of American support for the War on Terrorism // *Journal of Politics*. 2007. Vol.69. pp. 320-338.
95. Kavanagh D. *Political science and political behavior*. London, 1983. 304 p.
96. Kemmelmeier M., Burnstein E., Krumov K., Genkova P., Kanagawa C., Hirshberg G.M., Eeb H.P., Wiczorkowska G., Noels K.A. Individualism, collectivism and authoritarianism in seven societies // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol.34. pp. 304-322.
97. Kline P., Cooper C. A factorial analysis of the authoritarian personality // *The British Journal of Psychology*. 1984. Vol.75. pp. 171-176.
98. Knafo A. Authoritarians, the next generation: values and bullying among adolescent children of authoritarian fathers // *Analyses of Social Issues and public Policy*. 2003. Vol.3. No.1. pp. 199-204.
99. Krauss S.W. Romanian authoritarianism 10 years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. pp. 1255-1264.
100. Lagos M. A road with no return? // *Journal of Democracy*. 2003. Vol.14 (2). pp. 163-173.
101. Lane R. Political culture. Residual category or general theory? // *Comparative Political Studies*. 1992. Vol.25. No.3. pp. 362-387.
102. Larsen K., Elder R., Bader M., Dougard C. Authoritarianism and attitudes toward AIDS victims // *The Journal of Social Psychology*. 1990. Vol.13. pp. 77-80.
103. Levinson D. Authoritarian personality and foreign policy // *The Journal of Conflict Resolution*. 1957. Vol.1. pp. 37-47.
104. Levinson D.J., Sanford R.N. A scale for the measurement of anti-Semitism // *The Journal of Psychology*. 1944. Vol.17. pp. 339-370.
105. Lewis T.T. Authoritarian attitudes and personalities: a psychohistorical perspective // *Psychohistory review*. 1990. 18(2). pp.140-167.

106. Lewis-Beck M., Stegmaier M. Economic Determinants of Electoral Outcomes // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol.3. pp.183-219.
107. Lilbaka R. The legitimacy of the political system: the case of Finland. Abo; Abo Academy University Press, 1999. pp. 35-39.
108. Linz J., Stepan A. The problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 480 p.
109. Lippa R.A., Martin L.R., Friedman H.S. Gender-related individual differences and mortality in the term an longitudinal study: is masculinity hazardous to your health? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol.26. pp. 1560-1570.
110. Lipset S. *Political Man: The social bases of politics*. New York: Doubleday, 1960. 432 p.
111. Lipset S. The social requisites for democracy revisited: 1993 presidential address // *The American Sociological Review*. 1994. Vol.59. №1. pp. 1-22.
112. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol.53. No.1. pp.69-105.
113. MacKinnon W., Centers R. Authoritarianism and urban stratification // *American Journal of Sociology*. 1956. Vol.61. No.6. pp. 610-620.
114. Martin J.L. The authoritarian personality, 50 years later. What lessons are there for *Political Psychology?* // *Political Psychology*. 2001. Vol.22. pp. 1-26.
115. Maslow A. The authoritarian character structure // *The Journal of Social Psychology*. S.P.S.S.I. Bulletin. 1943. Vol.18. pp. 401-411.
116. McCann S. Threatening times and fluctuations in American church memberships // *Personal and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol.25. pp. 325-336.
117. McCloskey H., Chong D. Similarities and differences between left-wing and right-wing radicals // *British Journal of Political Science*. 1985. Vol.15. pp. 329-363.
118. McCourt K., Bouchard T., Lykken D., Tellegen A., Keyes M. Authoritarianism revisited: genetic and environmental influences examined in twins reared apart and together // *Personality and Individual Differences*. 1999. Vol.27. pp. 985-1014.
119. McFarland S., Ageyev V., Abalkina M. The authoritarian personality in the United States and the Former Soviet Union: comparative studies // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp.199-228.
120. McFarland S., Ageyev V., Djintcharadze N. Russian authoritarianism two years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol.1. pp. 210-217.

121. McFarland S.G., Ageev V.S., Abalkina-Paap M.A. Authoritarianism in the Former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.63 (6). pp. 1004-1010.
122. McHoskey J.W. Case closed? On the John F. Kennedy assassination: biased assimilation of evidence and attitude polarization // *Basic and Applied Social Psychology*. 1995. Vol.17. No.3. pp. 395-409.
123. McKee I., Feather N. Vengeance and authoritarianism: the pattern of motivational values underlying punitive personality types and punishment goals // *Australian Journal of Psychology*. 2003. Vol.55. p.53
124. Mehrabian A., Kisionsky S. Model for affiliative and conformity behavior // *Psychological Bulletin*. Vol.74. pp. 110-126.
125. Merton R. *Social theory and social structure*. New York: Free press, 1957. 489 p.
126. Miller A. Political issue and trust in government: 1964-1970 // *American Political Science Review*. 1974. Vol.68. pp. 951-972.
127. Mishler W., Rose R. Political support for incomplete democracies: realist vs idealist theories and measures // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22 (4) pp. 303-320.
128. Mishler W., Willerton J. The dynamic of presidential popularity in post-communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice // *Journal of Politics*. 2003. Vol.65. No.1. pp. 111-141.
129. Mockabee S. A question of authority: religion and cultural conflict in the 2004 Election // *Political Behavior*. 2007. Vol.29. pp. 221-248.
130. Muller E.N., Jukam T.O. On the meaning of political support // *American Political Science Review*. 1977. Vol.71. pp. 1561-1595.
131. Muller E.N., Jukam T.O., Seligson M. Diffuse political support and anti-system political behavior: A comparative analysis // *American Journal of Political Science*. 1982. Vol.26. pp. 240-264.
132. Na E.Y., Loftus E.F. Conservative authoritarianism, attribution and internal - external locus of control // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol.29. pp. 595-615.
133. Oesterreich D. Flight into security: a new approach and measure of the authoritarian personality // *Political Psychology*. 2005. Vol.26. No.2. pp. 275-297.
134. Olson M. Rapid growth as a destabilizing force // *Journal of Economic History*. 1963. Vol.23. No.4. pp.529-552.
135. Ommundsen R., Larsen K.S. Attitudes toward illegal aliens: the reliability and validity of a Likert-Type Scale // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.137. pp. 665-667.
136. Ossinovsky E. Legitimacy political power in Putin's Russia. Available at: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsioonid/2010/pdf/Ossinovski_MA.pdf

137. Oyamoto C., Borgida E., Fisher E. Can values moderate the attitudes of right-wing authoritarians // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol.2. pp. 486-500.
138. Pek J., Leong F. Sex-related self-concepts, cognitive styles and cultural values of traditionality-modernity as predictors of general and domain-specific sexism // *Asian Journal of Social Psychology*. 2003. Vol.6. pp. 31-49.
139. Peterson B.E., Doty R.M., Winter D.G. Authoritarianism and attitudes toward contemporary social issues // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1993. Vol.19. pp. 174-184.
140. Peterson B.E., Lane M.D. Implications of authoritarianism for young adulthood: longitudinal analysis of college experiences and future goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol.27. pp. 678-690.
141. Peterson B.E., Smirles K.A., Wentworth P.A. Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol.72. pp. 1202-1216.
142. Pratto F., Sidanius J. Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol.67. No.4. pp. 741-762.
143. Public opinion in the European Union. This survey has been requested and co-ordinated by the European Commission, Directorate-General for Communication. Standard Eurobarometer 80. Autumn 2013. p.48. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_publ_en.pdf
144. Pye L. Introduction: political culture and political development // Pye L., Verba S. *Political culture and political development*. Princeton. Princeton University Press, 1965. pp.3-26.
145. Pye L. *Political culture* / *International Encyclopedia of social sciences*. London, 1968. Vol.12. pp.218-225.
146. Pye L. Political culture revisited // *Political Psychology*. 1991. Vol.12. No.3. pp. 487-508.
147. Pye L., Verba S. *Political culture and political development*. Princeton. Princeton University Press, 1965. 574 p.
148. Railings S., Gustly S., Reike M. A comparative assessment of the construct validity of three authoritarianism measures // *The Journal of Research in Personality*. 1993. Vol.27 (4). pp. 328-348.
149. Rigby K. Relationships among three concepts of authoritarianism in adolescent schoolchildren // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.128. pp. 825-832.

150. Rigby K., Metzger J.C., Ray J.J. Working-class authoritarianism in England and Australia // *The Journal of Social Psychology*. 1986. Vol.126. pp. 261-262.
151. Rigby K., Rump E. The generality of attitude to authority // *Human Relations*. 1979. Vol.32. pp. 469-487.
152. Rigby T.H., Feher F. (eds) *Political legitimation in communist states*. London, 1982. 177 p.
153. Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. *Measures of personality and social psychological attitudes*. Academic Press. Harcourt Brace Jovanovich Publishers. San Diego California, 1991. 753 p.
154. Roets A., Van Hiel A., Cornelis L. Does materialism predict racism? Materialism as a distinctive social attitude and a predictor of prejudice // *European Journal of Personality*. 2006. Vol.20. pp. 155-168.
155. Rogowski R. *Rational legitimacy: a theory of political support*. Princeton: Princeton University Press, 1974
156. Roiser M., Willing C. The hidden history of authoritarianism // *History of the Human Sciences*. 1995. Vol.8. No.4. pp. 77-97.
157. Rokeach M. Political and religious dogmatism: an alternative to the authoritarian personality // *Psychological Monographs: General and Applied*. 1956. Vol.70. No.18. pp.1-43.
158. Rokeach M. *The open and closed mind*. New York, 1960. 447 p.
159. Rokeach M., McGovney W.C., Denny M.R., A distinction between dogmatic and rigid thinking // *The journal of abnormal and social psychology*. 1955. Vol.51. pp. 87-93.
160. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // *Post-Soviet Affairs*. 2007. Vol.23. No.2. pp. 97-117.
161. Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. 2001. Vol.53. No.3. pp. 325-361.
162. Rowatt W.C., Franklin L.M., Cotton M. Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. Vol.44. pp. 29-43.
163. Rubinstein G. Authoritarianism among border police officers, career soldiers, and airport security guards at the Israeli border // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. pp. 751-761.
164. Rubinstein G. Two peoples in one land: a validation study of Altemeyer's Right-Wing authoritarianism in the Palestinian and Jewish societies in Israel // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1996. Vol.27. pp. 216-230.

165. Sakwa R. The dual state in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2010. Vol.26. No.3. pp. 185-206.
166. Sales S. Economic threat as a determinant of conversion rates in authoritarian and nonauthoritarian churches // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1972. Vol.23. №3. pp. 420-428.
167. Sales S. Threat as a factor in authoritarianism: an analysis an archival data // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. Vol.28. No.1. pp. 44-57.
168. Samelson F. The authoritarian character from Berlin to Berkeley and beyond: the odyssey of a problem // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 22-46.
169. Sanford R.N. The authoritarian personality in contemporary perspective // *Handbook of Political Psychology* Knutson J., (ed.). San Francisco: Jossey Bass, 1973. pp. 139-170.
170. Schachter S., Ellerston N., VcBride D., Gregory D. An experimental study of cohesiveness and productivity // *Human Relations*. 1951. Vol.4. pp. 229-238.
171. Schultz P.W., Stone W.F. Environmental attitudes and authoritarianism: field and laboratory perspectives // *Environmental and Behavior*. 1994. Vol.26. pp. 25-37.
172. Shils E.A. Authoritarianism: «right» and «left» // Christie R., Jahoda F. *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research*. Glencoe, IL: Free Press, 1954. pp. 24-49.
173. Shlapentokh V. Trust in public institutions in Russia: The lowest in the world // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol.39. Issue2. pp. 153-174.
174. Sidanius J. Cognitive functioning and socio-political ideology revisited // *Political Psychology*. 1985. Vol.10. pp. 85-109.
175. Solt F. The social origins of authoritarianism // *Political Research Quarterly*. 2012. Vol.65. No.4. pp. 703-713.
176. Sonin K. Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights. Available at: <http://wdi.umich.edu/files/publications/workingpapers/wp544.pdf>
177. Stellmacher J., Petzel T. Authoritarianism as a group phenomenon // *Political Psychology*. 2005. Vol.26. No.2. pp. 245-274.
178. Stenner K. *The Authoritarian Dynamic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 200 p.
179. Stewart D., Hoult T. A social-psychological theory of the authoritarian personality // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol.65. No.3. pp.274-279.

180. Stone W., Smith L. *Authoritarianism: left and right* // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 144-156.
181. Stone W.F. *The myth of left-wing authoritarianism* // *Political Psychology*. 1980. Vol.2 (3-4). pp. 3-19.
182. Stone W.F. *The rise, fall and resurgence of authoritarian research*. SPSSI newstaller. 1995. Vol.4. No.14. pp. 48-53.
183. Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. 257 p.
184. Stone W.F., Smith L.D. *Authoritarianism: left and right* // Stone W.F., Lederer G., Christie R. *Strength and weakness: the authoritarian personality today*. New York: Springer-Verlag, 1993. pp. 144-158.
185. Stones C.R. *Antigay prejudice among heterosexual males* // *Social Behavior and Personality*. 2006. Vol.34. pp. 1137-1150.
186. Tajfel H. *The cognitive aspect of prejudice* // *Journal of Social Issue*. 1978. Vol.25. pp. 79-97.
187. *Democratic personality and open-mindedness* / *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by Hans-Dieter Klingemann and Russell J. Dalton, Oxford: Oxford Handbooks, 2007. Chapter 10. pp.188-190. Available at: http://www.google.co.th/books?id=0wAG_2b68nkC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false
188. *The World Governance Indicators*. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx?fileName=c187.pdf>
189. Treisman D. *After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. 262 p.
190. Tsui K. *More Oil, Less Democracy? Theory and Evidence from Cruide Oil Discoveries*. Mimeo. University of Chicago. 2005. Available at: <http://areweb.berkeley.edu/fields/erep/seminar/s2006/KTsuijobmarketpaper.pdf>
191. Tucker R. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton, Wheatsheaf, 1987
192. Walker W.D., Rowe R.C., Quinsey V.L. *Authoritarianism and sexual aggression* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.65. pp. 1036-1045.
193. Weatherford M. *Measuring political legitimacy* // *American Political Science Review*. 1992. Vol.86. No.1. pp. 149-166.

194. Weima J. Authoritarianism, religious conservatism and sociocentric attitudes in roman catholic groups // *Human Relations*. 1965. Vol.18 (3). pp. 231-239.
195. White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London. Macmillian, 1984. 216 p.
196. White S. Political culture in Communist States: some problems of theory and method // *Comparative Politics*. 1984. No.16. pp. 351-365.
197. White S., Gardner J., Schopflin G. *Communist political system: An introduction*. London, 1982. 293 p.
198. White S., McAllister I. Putin and His Supporters // *Europe-Asia Studies*. 2003. Vol. 55. No.3. pp.383-399.
199. White S., Oates S., McAllister I. Media Effects and Russian Elections, 1999-2000 // *British Journal of Political Science*. 2005. Vol. 35. No.2. pp.191-208.
200. White S., Oates S., McAllister I. Media Effects and Russian Elections, 1999-2000 // *British Journal of Political Science*, 2005. Vol.35. No.2. pp.191-208.
201. Wildavsky A. Choosing preferences by constructing institutions: a cultural theory of preference formation // *American Political Science Review*. 1987. Vol.81. No.1. pp.3-22.

Показатели уровня жизни и результаты голосования на выборах президента России за
В.В. Путина в регионах в 2004 году

Субъект Федерации	Средняя месячная зарплата в 2004 г., руб.	Средняя месячная пенсия в 2004 г., руб.	Процент голосов поданных на выборах в 2004 году за В.В. Путина
Российская Федерация	6739,5	2026,3	
Центральный федеральный округ	7276,3	2031,9	
Белгородская область	5284,4	1890	54,82%
Брянская область	4196,1	1908,5	63,57%
Владимирская область	4750,9	2039,1	68,83%
Воронежская область	4340,6	1910,6	65,28%
Ивановская область	4078,9	2007,3	67,21%
Калужская область	5642,8	2019,9	70,16%
Костромская область	4723,2	1967,9	69,22%
Курская область	4889,1	1802,7	65,24%
Липецкая область	5485,3	1901,7	63,62%
Московская область	7399,2	2146,7	71,12%
Орловская область	4392,9	1971,5	61,66%
Рязанская область	4964,8	1924	73,22%
Смоленская область	5012,0	1942,7	64,91%
Тамбовская область	4081,4	1839	63,62%
Тверская область	5385,9	2013,7	70,59%
Тульская область	5172,3	1997,1	65,50%
Ярославская область	6164,1	2057,1	70,81%
г. Москва	10634,0	2173,9	68,61%
Северо-Западный федеральный округ	7518,1	2260,3	
Республика Карелия	6935,1	2434,4	74,14%
Республика Коми	9481,5	2547	73,59%
Архангельская область	7887,5	2483,3	77,45%
в том числе Ненецкий авт.округ	19024,7	3040,5	76,90%
Вологодская область	6970,6	2098,4	75,77%
Калининградская область	5559,6	2000,6	69,86%
Ленинградская область	6673,2	2057,4	77,10%
Мурманская область	10176,6	2745,6	74,04%
Новгородская область	5502,8	1996,4	71,74%
Псковская область	4542,6	1947,6	70,79%
г.Санкт-Петербург	7931,1	2265,4	75,12%
Южный федеральный округ	4968,1	1848,7	
Республика Адыгея	4266,3	1835,7	76,42%
Республика Калмыкия	3605,7	1782,3	79,23%
Краснодарский край	5155,3	1891,3	67,37%
Астраханская область	5495,4	1858,1	66,08%

Волгоградская область	4885,1	1970,7	63,03%
Ростовская область	4797,5	1912,3	72,49%
Республика Дагестан	3000,1	1562,3	94,61%
Республика Ингушетия	4002,8	1565,1	98,18%
Кабардино-Балкарская Республика	3515,6	1729,8	96,49%
Карачаево-Черкесская Республика	3696,2	1776,4	82,28%
Республика Северная Осетия – Алания	3457,2	1857	91,25%
Чеченская Республика	5021,0	1526,5	92,30%
Ставропольский край	4497,4	1890,8	64,54%
Приволжский федеральный округ	5149,9	1925,4	
Республика Башкортостан	5389,4	1860,4	91,78%
Республика Марий Эл	3783,7	1799,8	67,30%
Республика Мордовия	4013,6	1827	91,35%
Республика Татарстан	5452,8	1908,8	82,58%
Удмуртская Республика	5130,5	1969	75,97%
Чувашская Республика	4048,2	1797,3	67,12%
Пермская область	6211,8	1988,5	72,75%
Кировская область	4540,6	2004,7	65,52%
Нижегородская область	5255,7	2013,2	65,88%
Оренбургская область	4734,8	1866,8	58,79%
Пензенская область	3911,1	1898,9	64,56%
Самарская область	6275,9	1989,5	63,28%
Саратовская область	4301,4	1911,8	70,79%
Ульяновская область	4372,3	1893,6	65,91%
Уральский федеральный округ	9692,5	2124,1	
Курганская область	4538,4	1891,5	66,94%
Свердловская область	6928,4	2066,1	76,34%
Тюменская область	16956,5	2507,3	73,59%
в том числе:			
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	19660,0	3034,1	74,84%
Ямало-Ненецкий авт. округ	23890,2	3069,2	84,50%
Челябинская область	5959,6	2008,4	70,18%
Сибирский федеральный округ	6507,8	2027,5	
Агинский Бурятский автономный округ	4113,4	1742,4	84,25%
Республика Алтай	4549,9	1796	75,03%
Республика Бурятия	6162,7	1908,3	66,58%
Республика Тыва	5469,9	1868,9	87,53%
Республика Хакасия	6160,8	2000,2	61,41%
Алтайский край	3955,3	1947	67,64%
Красноярский край	8673,7	2165,7	60,31%
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный	15872,7	2925,6	79,05%

округ			
Эвенкийский автономный округ	11697,4	2521,7	81,09%
Иркутская область	7329,3	2088,5	61,96%
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	3443,9	1703,6	72,76%
Кемеровская область	6706,6	2037,8	71,51%
Новосибирская область	5833,4	2009,8	63,10%
Омская область	5482,5	1958,8	67,03%
Томская область	7972,2	2218,1	67,15%
Дальневосточный федеральный округ	9115,2	2381,4	
Республика Саха (Якутия)	11315,3	2825	69,76%
Камчатский край	12297,7	3238,3	71,82%
Корякский автономный округ	14630,9	2952	84,34%
Приморский край	7033,4	2054,7	59,37%
Хабаровский край	8948,4	2339,1	64,52%
Амурская область	7353,7	2016,3	64,87%
Магаданская область	11174,6	3285,5	70,05%
Сахалинская область	11711,1	2724,2	68,41%
Еврейская авт.область	6513,8	1945,9	67,87%
Чукотский авт.округ	18618,2	3670,2	87,24%

Источники: При составлении таблицы использованы материалы с сайта Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru/>):

- среднемесячная заработная плата http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t4.doc

- средний размер назначенных пенсий
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uov/uov_p1.htm

При составлении таблицы также использованы материалы с сайт ЦИК РФ (<http://www.cikrf.ru/>):

- процент голосов поданных на выборах в 2004 году за В. Путина
http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2004/index.html

Показатели уровня жизни и результаты голосования на выборах президента России за
В.В. Путина в регионах в 2012 году

Субъект Федерации	Средняя месячная зарплата в 2012 г., руб.	Средняя месячная пенсия в 2012 г., руб.	Процент голосов поданных на выборах в 2012 году за В.В. Путина
Российская Федерация	26628,9	9153,6	
Центральный федеральный округ	32186,2	9201,1	
Белгородская область	20002,1	8776,9	59,30%
Брянская область	16530,0	8578	64,02%
Владимирская область	18343,4	9018,4	53,49%
Воронежская область	19538,1	8501,5	61,34%
Ивановская область	16998,1	8789,6	61,85%
Калужская область	23709,6	9138,9	59,02%
Костромская область	16895,5	8669,6	52,78%
Курская область	18690,0	8271,2	60,45%
Липецкая область	19416,6	8583,9	60,99%
Московская область	32302,5	9825,1	56,85%
Орловская область	16888,0	8856,1	52,84%
Рязанская область	19098,4	8663,3	59,74%
Смоленская область	17941,6	8670,1	56,69%
Тамбовская область	16866,3	8180,1	71,76%
Тверская область	20246,1	8922,7	58,02%
Тульская область	20121,3	8997,6	67,77%
Ярославская область	20397,0	9229	54,53%
г. Москва	48830,4	9845,1	46,95%
Северо-Западный федеральный округ	29057,8	10361,2	
Республика Карелия	24795,8	11226,3	55,38%
Республика Коми	33971,4	11643,4	65,02%
Архангельская область	28531,3	11437,4	57,97%
в том числе Ненецкий авт.округ	57794,6	14075,7	57,05%
Вологодская область	22648,9	9414,4	59,44%
Калининградская область	21526,0	8724,3	52,55%
Ленинградская область	26309,9	9407,7	61,90%
Мурманская область	36187,9	12496,6	60,05%
Новгородская область	21297,4	8970,9	57,91%
Псковская область	18202,9	8710	59,69%
г. Санкт-Петербург	32930,2	10546,8	58,77%
Южный федеральный округ	19822,7	8445,4	
Республика Адыгея	16715,2	8115,4	64,07%
Республика Калмыкия	15040,7	7876,8	70,30%
Краснодарский край	21409,2	8451,4	63,72%
Астраханская область	19522,1	8162,1	68,76%
Волгоградская область	18583,7	8643,2	63,41%

Ростовская область	19189,4	8441,9	62,66%
Северо-Кавказский федеральный округ	16725,0	7704,9	
Республика Дагестан	13659,6	7050	92,84%
Республика Ингушетия	18301,5	7116,4	91,91%
Кабардино-Балкарская Республика	16314,4	7390,8	77,64%
Карачаево-Черкесская Республика	15510,8	7963,9	91,36%
Республика Северная Осетия – Алания	15896,7	8246,1	70,06%
Чеченская Республика	17384,9	7558,4	99,759%
Ставропольский край	18446,9	8239,8	64,47%
Приволжский федеральный округ	20020,4	8672,2	
Республика Башкортостан	20264,7	8611,1	75,28%
Республика Марий Эл	16023,0	8106,5	59,98%
Республика Мордовия	15186,6	8190,2	87,06%
Республика Татарстан	23233,7	8733,5	82,70%
Удмуртская Республика	18240,7	8908,3	65,75%
Чувашская Республика	17187,4	8206,7	57,93%
Пермский край	21820,9	9017	62,94
Кировская область	16932,3	8917	57,93%
Нижегородская область	20958,8	8981,6	63,90%
Оренбургская область	19270,8	8335,9	56,89%
Пензенская область	19126,2	8398	64,27%
Самарская область	20799,9	8955,7	58,56%
Саратовская область	18803,3	8346,2	70,64%
Ульяновская область	17107,4	8405	58,18%
Уральский федеральный округ	31598,4	9814,9	
Курганская область	17180,3	8438,8	63,39%
Свердловская область	25138,8	9434,6	64,50%
Тюменская область	47177,3	11841	73,10%
в том числе:			
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	50841,3	13829,9	66,41%
Ямало-Ненецкий авт. округ	63696,3	13943,3	84,58%
Челябинская область	22500,5	9024,2	65,02
Сибирский федеральный округ	23788,5	9090,7	
Республика Алтай	18264,6	8280,6	66,87%
Республика Бурятия	23100,7	8534,7	66,20%
Республика Тыва	22238,5	8728,9	90%
Республика Хакасия	23466,5	9020,9	58,40%
Алтайский край	16009,7	8497,9	57,35%
Забайкальский край	24218,5	8388,5	65,69%
Красноярский край	28672,4	9840,8	60,16%

Иркутская область	25880,8	9425	55,45%
Кемеровская область	23403,2	9139,1	77,19%
Новосибирская область	23245,8	8997,8	56,34%
Омская область	21931,2	8682,3	55,55%
Томская область	26725,4	10024,1	57,07%
Дальневосточный федеральный округ	33584,0	10770,6	
Республика Саха (Якутия)	39915,6	12539,3	69,46%
Камчатский край	43551,9	14244,4	59,84%
Приморский край	27444,6	9325,5	57,31%
Хабаровский край	31076,1	10649,8	56,15%
Амурская область	26789,0	9156,8	62,84%
Магаданская область	49667,3	14571,3	56,25%
Сахалинская область	44207,6	12268,7	56,3%
Еврейская авт.область	25067,0	8859,6	61,59%
Чукотский авт.округ	60807,4	16843,4	72,64%

Источники: При составлении таблицы использованы материалы с сайта Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru/>):

- среднемесячная заработная плата http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t4.doc

- средний размер назначенных пенсий
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p1.htm

При составлении таблицы также использованы материалы с сайт ЦИК РФ (<http://www.cikrf.ru/>):

- процент голосов поданных на выборах в 2012 году за В. Путина
http://cikrf.ru/banners/prezident_2012/index.html